

ЮЛИЯ ТЕРЕХОВА

ХРОНИКА СМЕРТЕЛЬНОЙ ОСЕНИ

Юлия Терехова

Хроника смертельной осени

«Accent Graphics communications»

2019

Терехова Ю.

Хроника смертельной осени / Ю. Терехова — «Accent Graphics communications», 2019

Наконец-то задержан московский маньяк – любитель классической оперы, насилующий и убивавший женщин невыносимо жарким летом 2010 года. Оказалось – рано радоваться, убийца бежит из тюрьмы и скрывается от правосудия. Он уезжает за границу и продолжает убивать с прежней жестокостью. Кто его остановит? Кто сможет ему противостоять? Бывший лучший друг? Его старый преследователь – майор московской полиции? Спецагент ФБР? Французские детективы? Или убийца сумеет опередить всех и первым доберется до своего старинного врага и до Катрин – женщины, которой одержим с юности. Она чувствует его присутствие и смертельную угрозу. Где он? Разгадка так очевидна, так волнующе близка...

© Терехова Ю., 2019

© Accent Graphics
communications, 2019

Содержание

Женевьева	6
Ясмин	23
Прошел год	44
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Юлия Терехова

Хроника смертельной осени

*«Чтоб быть справедливым возмездье могло,
Лишь злом воздавать подобает за зло»
Хаким Абулькасим Фирдоуси,*

персидский поэт

*«Ибо милость выше правосудия,
К боли прибавляющего боль»*

Сергей Пашин, судья

Женевьева

В комнату вливался серый предутренний свет, изгоняя ночную тьму. Женевьева Пикар с трудом разлепила веки. Глаза заплыли, превратившись в узкие щели, особенно плохо открывался левый. Она с тихим стоном повернула голову направо и увидела горбоносый профиль мужа, мирно спящего, даже слегка всхрапывающего. В детской захныкал Рене, ее маленький сын. Женевьева, сцепив зубы, спустила ноги с кровати и, собрав волю в кулак, поползла в детскую.

Она брела, держась то за мебель, то за стены, молясь, чтобы не упасть и не разбудить мужа. Путь казался бесконечно долгим, в какие-то мгновения ей чудилось, что она никогда не дойдет, а рухнет, да так и останется, скрючившись в коридоре. Наконец она доковыляла до двери детской. Ребенок плакал во сне.

– Ш-ш! – Женевьева покачала кровать. Вдруг ей удастся успокоить его, и тогда она сможет подремать здесь, в кресле, хоть пару минут. Но малыш продолжал плакать. Все правильно, ему пора есть. Она с трудом подняла сына и, замирая от боли во всем теле, присела на край кресла, заваленного упаковками подгузников, свежевывстиранными ползунками и распашонками. Она расстегнула халат, с трудом высвободив вырванные с тканью пуговицы из петель, и дала ребенку грудь, покрытую черными синяками и ссадинами. Младенец жадно сосал, эстетика завтрака ему была решительно безразлична, а Женевьева продолжала кривиться от боли, зажмурившись и стиснув зубы. Слава богу, сын не успел разбудить Жан-Пьера. Иначе бы не миновать еще одного скандала.

Накануне муж вернулся очень поздно, к полуночи, хотя она ждала его к восьми. От него разило за несколько метров вином и табаком – тошнотворная смесь запахов, которых Женевьева не выносила. Он рухнул за стол, не переодевшись и не помыв руки. Эти грязные руки лежали на идеально чистой скатерти, только утром тщательно ею выглаженной.

– Жрать давай! – зарычал он пьяным голосом и стукнул кулаком по столу. Ему было плевать, что жена уже спала к его приходу, вконец вымотанная грудным ребенком и домашними хлопотами.

Накинув на ночную рубашку халат, Женевьева принесла ему тарелку с остывшей едой и обязательный стакан дешевого бордо. Конечно, ему уже хватит, но по опыту Женевьева знала: если благоверный не получит его бордо, то получит она – немедленно, без всяких проволочек – по лицу, до крови. «Так пусть упьется своим винищем» – с ненавистью думала Женевьева, наблюдая, как Жан-Пьер поглощает ее нехитрую стряпню – рис и рыбу.

Наконец, уничтожив еду, он с грохотом отодвинул тарелку в сторону:

– Что за дрянь ты готовишь?

– Не нравится – не ешь, – прошептала она безрассудно. Только и оставалось надеяться, что он не услышит. Но, к сожалению, он услышал.

– Что ты сказала? – Жан-Пьер поднял на нее свирепый взгляд. – Что ты сказала, шлюха?

Отшвырнув стул, он двинулся к ней. Женевьева охнула и бросилась прочь, надеясь спрятаться в ванной или в стенном шкафу. Он настиг ее посреди гостиной и, свалив с ног, начал бить, как равного себе. Женевьева старалась сдерживать крик, чтобы не разбудить ребенка. Но боль становилась нестерпимой. В какой-то момент она нащупала в кармане халата сотовый телефон, и вслепую нажала кнопку экстренной помощи...

Наряд позвонил в дверь спустя минут пятнадцать, когда на ее лице не осталось живого места, и муж опустил занесенный кулак.

– Откройте, полиция! – услышал он. Женевьева уже была почти без сознания.

– Salope!¹ – прошептал Жан-Пьер, пьяный от крови. – Ты их вызвала! И на что ты надеешься?

Он в озлоблении пнул Женевьеву в грудь, вытер окровавленные руки об ее халат, и пошел открывать дверь. Словно сквозь сон, она услышала жизнерадостные мужские голоса.

– Эй, Пикар, снова буянишь? – Короткий смешок и звук хлопка ладони о ладонь.

– Да, совсем моя от рук отбилась, – голос Жан-Пьера звучал весело и бодро.

– Ты бы полегче... Уверен, что все будет в порядке?..

– Да, Леже, все нормально, я ее сейчас утешу, – трепеща, услышала Женевьева, после чего входная дверь захлопнулась. И на что она надеялась? Ее муж был полицейским и работал в районном участке, откуда и прислали наряд. Сержант Рауль Леже – его закадычный друг, а остальные – собутыльники, с которыми он глушит пиво по выходным.

Жан-Пьер появился на пороге гостиной, где Женевьева валялась на полу, и оглядел ее с жестокой усмешкой. Потом присел перед ней на корточки и, ухватив за подбородок, развернул лицом к себе.

– Еще раз, тварь, нажмешь на вызов, сломаю тебе пальцы. Поняла? Я тебя спрашиваю – поняла?

Женевьева в ужасе кивнула. Она вообще была понятливая и даже в школе училась лучше всех. Как же ее угораздило влюбиться в такое чудовище?

– Поднимайся! – велел он, и Женевьева послушно попыталась привстать. Но у нее ничего не вышло, и она со стоном упала обратно на пол. Жан-Пьер схватил жену за волосы и поволок в спальню, будто она была старым пальто, забытым в прихожей.

Женевьева прекрасно слышала обещание, данное Жан-Пьером своему коллеге. Сейчас он ее утешит – значит, самое тяжелое еще впереди... Главное – выдержать, потому что после он заснет мертвецким сном, а назавтра, проспавшись, как ни в чем ни бывало, потребует кофе и омлет. Он будет даже ласков, потреплет ее за черную от кровоподтеков щеку. И она поплетется в ближайшую boulangerie² за свежим багетом и приготовит ему завтрак. Все повторялось с очевидной регулярностью раз в неделю – ее лицо не успевало заживать. Дважды она жаловалась на него в полицию, но оба заявления затерялись где-то в горах полицейских бумаг, а она получила новую порцию побоев...

...Малыш поел и затих. Женевьева заставила себя встать с кресла. Уложив Рене, она, еле отрывая подкашивающиеся ноги от пола, побрела обратно в спальню. Сейчас она соберется с духом и сделает то, что должна. «Больше не могу, – ей хотелось рыдать, но она не могла: плакать было больно и опасно – вдруг проснется муж. – Сил нет...»

Они познакомились три года назад, и во всем Париже не нашлось бы пары влюбленной и счастливей. Родом из Марселя, Жан-Пьер походил на цыгана – смуглый, горбоносый, с черными глазами, а Женевьева, маленькая изящная парижанка, только что закончила медицинский колледж. Они впервые встретились в больнице на Левом берегу, куда напарник привез Жан-Пьера с пустяковой раной, и она эту рану тщательно обработала. В конце смены он ждал ее у выхода из больницы с бутылкой вина. Забыв об усталости – Женевьева обычно с ног валилась после дежурства – она поехала с ним в Венсенн³, где они эту бутылку и выпили, закусывая багетами с ветчиной и сыром. Так она провела один из самых счастливых дней в своей жизни...

Женевьева заставила себя подняться с кресла. Если она сейчас же не сделает это – в следующий раз он ее убьет, обязательно убьет – его не остановит даже то, что маленький Рене осиротеет. Вернувшись в спальню, она стала собирать с пола вещи Жан-Пьера, валявшиеся там же, где он их сбросил с себя перед тем, как взгромоздиться на жену. Форма, изрядно прово-

¹ Сука, стерва (груб. фр).

² Булочная (фр).

³ Венсен – пригород Парижа, известный Ботаническим садом и лесом. И то, и другое – излюбленное место отдыха парижан.

нявшая потом, дешевым табаком и дешевым же вином, носки, ботинки и – португеза – вместе с табельным пистолетом, он регулярно забывал его сдавать... Дрожащими руками она вынула пистолет из кобуры.

Жан-Пьер по-прежнему спал на спине и похрапывал. Он казался столь тихим и мирным, что Женестьева невольно вспомнила, каким он был до свадьбы – веселым, нежным, готовым ради нее на любое безумство. Однажды он оборвал все цветы с клумбы напротив ратуши, и их чуть не поймали – еле ноги унесли. Они бежали по улице Архивов, он держал Женестьеву за руку, чтобы она не отставала, а потом они нырнули в какую-то подворотню, нашли укромный закуток и почти час занимались там любовью, благо на осенний Париж уже опустилась ночь... То была не она, и все происходило не с ней – с какой-то другой Женестьевой, юной, счастливой, сумасшедшей...

Она приблизилась к кровати и подняла руку с пистолетом. Сейчас нажмет на спусковой крючок, и все будет кончено. Даже если она вложит пистолет ему в руку, обязательно докажут, что он не мог застрелиться сам, особенно после ее ночного звонка в службу экстренной помощи. А уж взглянув на ее лицо, все сразу все поймут. Ну, смелее...

– Не делай этого, Женестьева. Зачем губить жизнь из-за такой падали? Тебя посадят.

Сказать, что она испугалась, значит – не сказать ничего. Она ахнула и присела, озираясь. В комнате никого не было – во всяком случае, она никого не видела. Только шторы на окне колыхались от предутреннего ветерка. Но Женестьева всей кожей ощущала чье-то присутствие.

– Не бойся...

– Кто здесь? – шепотом воскликнула она. – Я с оружием!

– Я вижу, – голос, обращавшийся к ней, был спокоен. – Опустить пистолет и не делай глупостей. Тихо... Повернись и иди на кухню.

– Кто вы? – Женестьева от страха еле шевелила языком. Она по-прежнему никого не видела.

– Иди на кухню, – повторил голос. – Там поговорим.

Женестьева не могла определить – мужской ли голос говорит с ней или женский. Тон низкий, интонации мягкие, но приказы железные. Как замороженная, она повиновалась, однако пистолета из рук не выпустила. Она прошла на кухню, озираясь, от страха забыв, что все ее тело болит и кровоточит.

– Сядь на стул и положи пистолет перед собой, – попросил, именно попросил, а не приказал, голос. – Не оглядывайся. Пожалуйста. Чем меньше ты увидишь, тем лучше для тебя.

Женестьева не могла с этим не согласиться. Кто-то был позади нее, но она панически боялась оглянуться. Послушно положила оружие на стол, руки вытянула рядом, сжимая и разжимая занемевшие от напряжения пальцы.

– Молодец, – похвалил ее голос. – Теперь слушай меня внимательно.

– Да, я слушаю, – кивнула она.

– Я знаю, как он измывается над тобой, и хочу тебе помочь.

– Помочь? – подняла она голову. – Но как? Я писала заявление в полицию...

– Молчи, – перебил ее голос. – Я все знаю. У меня прямой доступ к полицейской базе. Я знаю, ночью ты вызывала полицию, и они ничем тебе не помогли. Знаешь, с какой формулировкой они отчитались? Ложный вызов, – впервые голос проявил какую-то эмоцию, и в ней явственно прозвучал гнев.

– Ложный вызов, – всхлипнула Женестьева. – Он меня избил и...

– Я знаю, – голос стал опять спокоен, – молчи и слушай.

– Я понимаю, ты хочешь, чтоб он умер, так?

Женестьева не отвечала.

– Я поймал тебя с оружием в руке – отпираться бессмысленно.

– А как еще я могу освободиться от него? До развода я не доживу – он меня убьет.

– Не нужно до этого доводить. Если б он тебя убил, он был бы повинен смерти, но и тебе не стало б легче, ведь так?

– Так, – чуть слышно согласилась она.

– Значит, он достоин другого наказания. Как ты хочешь, чтобы его наказали?

– Я не понимаю, – ответила Женевьева.

– Все просто – он должен поплатиться за то, что издевался над тобой, но наказание должно быть адекватным. Он не убил тебя, и смерть еще не заслужил. Поэтому скажи, как ты хочешь, чтобы он был наказан, и я накажу его согласно твоему желанию. Ты будешь вне подозрений – тебе обеспечат идеальное алиби.

– Я не могу... Я не умею... – испуганно забормотала она. – Я не умею ничего такого планировать. Одно дело – выстрелить, а другое – тщательно что-то рассчитать... Я точно попадусь.

– Вот глупая женщина! – ей показалось, что обладатель голоса улыбнулся. – Кто говорит, что ты будешь это планировать? Ты должна только высказать желание – мы все сделаем сами. Ты можешь также сказать, что не хочешь причинять ему вред – твое право. Тогда он будет в полной безопасности. Ну, каково твое желание? Чего *ты* хочешь?

– Я не знаю, – растерялась Женевьева. – Ничего не понимаю...

– Твои сомнения естественны. Ты женщина добрая. Только вот смотрю я сейчас на тебя и думаю – а что дальше? Даже если он тебя не убьет – зачем тебе такая жизнь – в постоянном ужасе и страхе? С разбитым лицом и измученным телом? О ребенке своем ты подумала?

– А как я расплачусь с вами? – спросила Женевьева. – Такие вещи бесплатно не делаются.

– Запомни, возмездие не нуждается в гонорах. От тебя ничего не требуется. Вырасти сына так, чтобы ему и в голову не пришло когда-нибудь причинить зло другому человеку.

– И что я должна сказать? – потрясенная, спросила Женевьева. – Я хочу, чтобы он – что?..

– Я не знаю, – ответил голос. – Это *твое* желание. Чего ты хочешь? Я могу сделать ему лоботомию, могу до конца его дней отправить в психушку, могу отрубить ему конечность, могу его кастрировать – я многое могу. А чего хотелось бы тебе?

– Я хочу, чтобы ему отрубили его поганые руки, – с ненавистью выдохнула Женевьева. – Чтобы он больше никогда не смог ими ко мне прикоснуться.

– Хорошо, – согласился голос. – Принято.

– И что теперь? – спросила она.

– Теперь, – ответил голос. – Ты будешь жить обычной жизнью, стараясь избегать ссор и скандалов. Будь покорной – ненадолго. И положи пистолет на место – твоему мужу не понравится, если он не найдет его в кобуре.

– А когда?.. – в ее вопросе все еще звучало сомнение. Но Женевьева никто не ответил. Она почувствовала легкое колыхание воздуха, и ощущение чьего-то присутствия за спиной исчезло.

– Что это было?.. – Женевьева с ужасом смотрела на пистолет перед ней. Она чуть не стала убийцей, а все, что она слышала – галлюцинация, вызванная сильнейшим стрессом. В детской завозился Рене. Надо срочно положить пистолет на место, иначе не миновать ей еще одного избиения. Муж скоро проснется, и ей надо готовить ему завтрак.

Начало октября 2010 года, Москва

Жики плотно задергивала шторы на окнах, дабы холодное осеннее солнце не тревожило Анну, одинаково съездивавшуюся от яркого света, громких звуков, внезапных прикосновений. Она шепотом отвечала односложно «да» или «нет» на робкие вопросы Жики, старавшейся не обращаться к ней без нужды. Старая дива неслышно, как тень, перемещалась по комнатам, выходила на кухню, готовила еду...

Сиделка, ухаживавшая за Анной в больнице, переехала с ними на квартиру. Она ставила ей уколы и давала таблетки, следя за дозировкой и временем приема, так как Жики была рас-

сеяна – водился за этой железной дамой такой грех. Два раза в день дива умывала молодую женщину, помогала ей чистить зубы, раз в сутки осторожно обтирала ее мягкой влажной губкой, не доверяя равнодушными руками сиделки. Той оставалось лишь подавать Анне судно, которое она стеснялась просить и терпела из последних сил. И когда ее глаза становились уже совсем страдальческими, Жики хватала эмалированную посудину и сама подкладывала ее под одеяло. Кормила Жики Анну тоже сама, как малого ребенка, аккуратно вытирая ей губы после каждой ложки...

Дива мыла Анне длинные светлые волосы и долго сушила их полотенцами. И только когда они становились почти сухими, брала в руки фен, чтобы не дай бог, не простудить ее.

...Мадам Перейра привезла Анну домой в начале октября, предварительно навестив Антона, чтобы забрать у него ключи. Антон долго не мог понять, что она от него хочет, а когда понял – возмутился.

– Я заберу Анну к себе, сюда, – сказал он ровным, без всяких интонаций, голосом. – Ее дом здесь.

– Она не хочет возвращаться в эту квартиру, – отрезала Жики. – Ее желание следует уважать.

– Я не верю вам, мадам. Этого не может быть. Она моя жена.

– Ну, положим, Анна вам не жена, – старая тангера, если хотела, то могла быть суровой. – Анна ясно выразила нежелание возвращаться сюда.

На самом деле «нежелание» было всего лишь эвфемизмом, дабы не описывать в красках тот припадок, в котором забилась Анна при одном только упоминании о возвращении в квартиру на Олимпийском проспекте. Жики еле успокоила ее и поклялась, что заберет у Ланского ключи от ее квартиры на Чистых прудах.

– Допустим, – кивнул Антон. – Я могу понять, что она не хочет сюда возвращаться. Но я вполне могу жить с Анной у нее и ухаживать за ней, пока она окончательно не поправится.

Жики вздохнула. До чего же эти мужчины тупые. Анна, выйдя из комы и обретя хоть какую-то способность общаться с окружающим ее миром, первым делом дала понять, что не хочет никого видеть – ни Ланского, ни Мигеля. Она с трудом выносила присутствие Сергея Булгакова, когда тот приходил навестить ее в палату, отворачивалась, чтоб не видеть его. И Жики тактично попросила Сергея не заходить в палату, а звонить ей на сотовый. Сергей даже не удивился, а согласно кивнул. Катрин лежала на том же этаже Склифа, и он часто встречал Жики в коридоре, и та подробно рассказывала ему о тяжелом положении Анны. О ее здоровье Булгаков подолгу беседовал с лечащим врачом и был абсолютно в курсе того, как обстоят дела. Он знал, что она очень медленно, но все же поправляется после страшных ран, нанесенных ей садистом. Но ее душевное равновесие оказалось совершенно нарушенным. Булгаков понимал, что это надолго, если не навсегда, и необходима серьезная психологическая реабилитация, впрочем, как и Катрин.

Но Анна пострадала физически гораздо сильнее, чем ее подруга. При всей болезненности раны Катрин не представляли собой угрозы для жизни – она быстро поправлялась. Ранения Анны оказались чреватые непредсказуемыми последствиями для здоровья – понятно, что о балете ей придется забыть навсегда. И как сможет с этим справиться блистательная балерина, для которой вся ее жизнь заключалась в танце?

Итак, Жики в очередной раз подивилась мужской тупости. И это – лучший из них? Что ж тогда говорить об остальных?

– Мсье, – повторила она. – Анна не хочет пока никого видеть. И вас в том числе.

– Я вам не верю, мадам, – упрямо повторил Антон. – Такого не может быть.

Жики с сожалением смотрела на него. Понятно, он любит Анну и отвергает упорно мысль, что не нужен ей. И будет отвергать, даже если ему скажет об этом сама Анна. Он придумает для нее какое-нибудь смехотворное оправдание и продолжит настаивать.

– Никто не сможет дать ей больше, чем я, – с неподвижным лицом заявил он. – Кто будет оплачивать ее счета? Ей нужна дорогостоящая реабилитация. Ее страховка не покроет таких расходов.

Жики никогда не вникала в финансовое положение Анны, будучи достаточно состоятельной, чтобы взять на себя эти траты. Но ход мыслей молодого человека привел ее в полное недоумение.

– Неужели, чтобы оплачивать счета Анны, вам необходимо ощущать себя ее хозяином, мсье? – холодно спросила она. – Иначе никак?

Антон опомнился. Что он такое говорит?

– Простите, Жики, – смутился он. – Я что-то не то сказал. Конечно, я возьму на себя все расходы. Но сама мысль, что меня не будет рядом, когда я ей нужен – невыносима. Однажды так случилось, и она чуть не погибла.

– Дайте ей время, – тангера похлопала его по руке. – Все может измениться.

Антон смотрел на нее внимательным, долгим взглядом. Он не верил этой высохшей, мумифицированной старухе, вставшей нерушимой преградой между ним и его любимой женщиной. Ему казалось, она многого недоговаривает, и был, разумеется, прав, только он не знал, что и в какой мере. А недоговаривала Жики ох, как немало!

– Итак, мсье Ланской, – подытожила она. – Вы дадите мне ключи?

– Да, – мрачно ответил он и вынул их из кармана пиджака. – Возьмите.

– И соберите ее вещи, – твердо продолжила тангера. – В основном, белье и предметы гигиены. Я увезу их с собой. Вызовите мне такси.

– Еще не хватало, – холодно произнес Антон. – Я сам вас отвезу.

– Спасибо, – улыбнулась дива. – Вы такой милый молодой человек...

...Когда он вез ее на Чистые пруды, то долго думал, как бы поаккуратнее задать ей вопрос, мучивший молодого человека, по его мужскому эгоизму, даже больше, чем здоровье Анны. Наконец, он решил спросить напрямую.

– Жики, а Мигель Кортес ее навещает?

Жики колебалась. А зачем, собственно, его обманывать? И она ответила:

– Он приходил. Она отказалась его видеть, так же, как и вас. Просила не пускать. И его не пускают.

– Вот как... – протянул Антон. – Так же, как и меня, значит?.. *C'est fou ça*⁴...

Он занес вещи в квартиру Анны, вызвал уборщиков из специальной службы, съездил в супермаркет и привез продукты, а потом уехал, оставив Жики одну, мучимый обидой и ревностью. А что он мог сделать? Антон помнил, как узнал от Булгакова, что его любимая жива. Это случилось на следующий же день после того, как Сергей перевез из Питера в Москву раненую Катрин. Булгаков позвонил ему и попросил о встрече. Ланской помнил каждое мгновение того дня.

...Прозрачная шахта лифта позволяла видеть быстро спускавшуюся кабину – вот она остановилась на его этаже, и двери бесшумно раздвинулись. Две девушки из секретариата мило состроили ему глазки – он все еще считался самым завидным холостяком компании. Но на что ему их улыбки? Солнце перестало светить для него в ту самую минуту, когда он услышал: «Мы не смогли спасти ее. Ее больше нет». Коротко кивнув, Ланской повернулся к девушкам спиной. И ощущал на себе их заинтересованные взгляды то короткое время, что лифт шел вниз. Он не задержался ни на мгновение – его ждал Серж, только вид у того был какой-то странный. Смущенный, даже растерянный. Антон втайне завидовал другу – любимая его жива, и Серж имеет счастье заботиться о ней. Впрочем, зависть – плохое чувство...

– Что стряслось? – спросил Антон, пожимая протянутую руку.

⁴ Что за бред (фр).

– Поговорить надо, – еле разжимая губы, произнес Булгаков. – Найдется полчаса?
– Да, вполне, – кивнул Антон. – Пойдем в Старбакс, вон, напротив...

Они сели за стол, но кофе брать не стали. Сначала молча сидели друг против друга, а потом Антон спросил:

– Как Катрин?

– Лучше, – кивнул Булгаков. – Зайди к ней. Она будет рада.

– Конечно, – губы Антона чуть дрогнули. – Конечно, зайду. Немного позже. Передай ей привет.

– Передам, – задумчиво произнес Сергей. – Послушай, Антон...

Ланской поднял на него тяжелый взгляд:

– Не надо, Серж. Анну не вернуть – не трави мне душу.

– Мне придется, – Булгаков потер руками лицо. – Будет нелегко, друг. Но именно я должен тебе сказать.

– Она была беременна? – внезапно спросил Антон. – Ты это хочешь мне сообщить? И поэтому такие долгие реверансы?

– Реверансы? – растерялся Булгаков. – Беременна? – неожиданные вопросы Антона поставили его в тупик.

– Нет? – Антон, казалось, почувствовал облегчение. – Слава богу...

– Она жива, – перебил его Булгаков. – Прости.

– Если б она была еще и беременна, – Антон словно не слышал его, – это бы меня убило.

– Ты меня не слышишь? – Булгаков нахмурился. – Она жива.

– Кто жива? – эта нелепая фраза сорвалась у Антона с языка. – Ты о ком говоришь, Серж?

– Об Анне.

Антон смертельно побледнел – как бумажная салфетка. Он уставился неподвижным взглядом в пустоту, влажная прядь светлых волос упала на лоб, руки его на столе сжались в кулаки с такой силой, что суставы побелели.

– Эй, – потряс его за плечо Булгаков. – Эй, друг, ты меня слышишь?

– Не может быть, – наконец сказал Антон. – Невозможно... Я тебе не верю. Ты не мог так поступить со мной.

– Ты не о том говоришь. При чем тут ты? Ей угрожала смертельная опасность – мы не могли рисковать.

– Кто – мы? – спросил Ланской.

– Глинский и я, – не моргнув глазом, ответил Сергей. – Изначально, конечно, моя была идея, хотя все произошло очень быстро. Когда мне показалось, что Анна приходит в себя, я сразу подумал, что ее убийца – неважно, кто он, – никогда не допустит, чтобы она начала говорить. Нужно было срочно что-то предпринять, я не очень представлял – что, и посоветоваться не с кем – никого из оперов рядом. И я сам принял решение объявить Анну мертвой.

– Не верю тебе, – тупо повторил Антон. – Чушь какая-то.

– Потом появились Зубов с Глинским, и я им рассказал. Они одобрили мое решение.

– Если б это все было правдой!.. Если б только это было правдой, – Антон смотрел на него слепыми глазами, не видя и не понимая.

– Это правда.

– Нет. – Антон повторил: – Нет. Я же прекрасно понимаю, ты не стал бы скрывать от меня, что она жива, зная, какая это для меня потеря. Я сам умер вместе с ней – ты ведь не мог не видеть. Что бы чувствовал ты, если б Катрин умерла?

– Я бы тоже умер вместе с ней, – твердо ответил Сергей. – Но у меня не было стопроцентной уверенности, что убийца – не ты.

Теперь лицо Ланского сделалось из бледного серым. Его начало трясти – то ли от гнева, то ли от напряжения.

– Ты что несешь, Булгаков?! – Он чуть привстал и схватил Сергея за ворот рубашки. – Совсем ума лишился?

– Сядь! – Булгаков старался сохранять самообладание, хотя оно давалось ему с трудом. – Ты сам должен был подозревать всех вокруг! И не доверять никому – и мне в том числе! Но Рыков же у тебя не вызывал подозрений? Ты вбил себе в голову, что убийца – Кортес. Ну, в крайнем случае, Орлов.

– Я никогда не подозревал тебя, – Антон с негодованием стукнул кулаком по столу. – Я всегда знал, что это не ты.

– Ну да, – огрызнулся Сергей. – Не я. И не Рыков. Именно с ним ты собирался в тот день обсуждать проблемы безопасности.

– Прекрати, – Антон опустил голову на руки. Булгаков терпеливо выжидал, пока его друг придет в себя и обретет способность говорить. Долго ждать ему не пришлось. Ланской выпрямился, и Булгаков увидел на его лице подобие улыбки.

– Так это правда? – спросил Антон. – Она жива?

– Жива, – кивнул Булгаков.

– А как... А как она себя чувствует?

– Не скажу, что удовлетворительно, – сухо ответил Булгаков, – состояние по-прежнему тяжелое. Но динамика положительная.

– Я могу ее видеть? – Антон вскочил с места. – Поедем к ней, сейчас же!

– Подожди, – поморщился Булгаков. – Не так быстро.

– Сейчас же! – крикнул Антон. – Немедленно, поехали!

– Невозможно, – Сергей силой усадил Ланского на место. – К ней не пускают.

– Меня пустят, – рявкнул Антон. – Пусть только попробуют не пустить!

– Это ее желание, – объявил Булгаков. – Она никого не хочет видеть.

– Как такое может быть? – спросил Антон. – Она что, там одна? Кто за ней ухаживает?

– Жики, – коротко ответил Булгаков. – Жики единственная, кого Анна пожелала видеть.

Она даже меня просила не приходить.

– Жики? – переспросил Антон. – Она все еще здесь? Что она здесь делает?

Булгаков, казалось, удивился:

– Как что делает? Я же сказал – ухаживает за Анной.

– Черт знает что, – возмутился Антон. – Я сейчас же еду к ней.

– Тебя не пустят.

– Как не пустят? Я ее муж.

– Ты ей не муж, – с сожалением покачал Сергей головой. – И тебя не пустят.

Теперь Антон выглядел растерянным:

– Как же так?.. И что теперь делать?..

– Ждать, – Булгаков положил руку ему на плечо. – Ждать.

– Ждать... – безучастно повторил за ним Антон. – Ждать – чего? Пока она захочет увидеть кого-нибудь? Меня или Кортеса?..

– Почему Кортеса? – изумился Сергей. – С чего бы это ей захотеть увидеть Кортеса?

– Неважно, – дернул головой Антон. – Он – знает?

– Нет, – удивился Сергей. – Откуда? Я оставляю тебе право распорядиться этой информацией далее – сообщить, кому ты считаешь нужным: прессе, Мигелю, Орлову, еще кому-либо.

– Почему мне? – раздраженно поинтересовался Антон.

– Как почему? – поднял Булгаков брови. – Ты ж ее муж. По крайней мере – считаешь себя таковым.

Антон крепко сжал губы. Его переполняли горечь и возмущение – мало того, что ему не дозволено увидеть Анну – хотя он до сих пор не может осознать то чудо, что она жива – так ему еще вменяется в обязанность сообщить это Кортесу и Орлову!

– Будь мужчиной, – Булгаков сжал его руку. – Не раскисай. Если ты смог пережить ее смерть, то ее воскрешение ты уж как-нибудь переживешь.

– Твой цинизм неуместен, – Антон не ответил на его пожатие. – Но я справлюсь.

И он справился. В тот же вечер он позвонил Мигелю и коротко сказал:

– Анна не умерла. Она жива – нас намеренно ввели в заблуждение.

На том конце воцарилось молчание. Спустя несколько мгновений он услышал:

– Я знал. Я не мог до конца поверить, что ее больше нет.

Вот так. Кортес не мог поверить, а он, Антон Ланской, смог и поверил. И чего, спрашивается, стоит его любовь к ней, если он так просто смирился с ее гибелью – сначала не уберег от кровавого насильника, а потом принял ее мученический уход как должное, в отличие от Кортеса, так и не поверившего в ее смерть? Неудивительно, что она не хочет его видеть. И все, что ему остается – ждать. Ждать и надеяться, что все изменится в один прекрасный день.

И он ждал. И вот – дождался. Все действительно изменилось. Изменилось до такой степени, что ему, Антону Ланскому, чудится, что все происходит не с ним, и что реальность вокруг него придумана кем-то с извращенным умом и жестокой фантазией. И он не очень-то и привязан к этой реальности – достаточно отмахнуться, и облепивший его кошмар слетит, как паутина. Но он застыл, словно связанный по рукам и ногам, не в силах что-либо сделать. Наверно, он мог бы бороться – но какой смысл? Анна разлюбила его, и теперь между ними все кончено.

Спустя полмесяца после того, как Анна оказалась дома, она, проснувшись однажды утром, и, как всегда, увидев у своей постели Жики, прошептала:

– Я хочу встать.

Это стало первыми словами, которыми Анна выразила какое-то желание. До сих пор звучало только категорическое нежелание – нежелание кого-либо видеть, нежелание говорить, нежелание есть – нежелание жить... Жики и обрадовалась, и испугалась. Она наклонилась к молодой женщине:

– А ты уверена, дитя мое?

– Да, я хочу встать.

В конце концов, когда-то надо начинать вставать с постели и, наверно, она быстрее пойдет на поправку, когда перестанет полностью зависеть от посторонней помощи. И Жики сказала:

– Конечно, деточка. Сейчас я помогу тебе.

Она подтащила к постели кресло и откинула одеяло, укрывавшее Анну. Сиделка дернулась, чтобы ей помочь, но Жики остановила ее жестом и коротким «No». Она обняла Анну за шею и помогла ей сесть на кровати. Та не вскрикнула, а только глубоко и шумно вздохнула: «А-ах»... И опустила голову на плечо Жики.

Несколько мгновений она сидела, впервые за два месяца приняв вертикальное положение – у нее кружилась голова, и лицо, от которого отлила кровь, приобрело голубоватый оттенок.

– Дорогая, тебе лучше лечь, – умоляюще произнесла Жики, но Анна сказала: «No». И продолжала сидеть на кровати. Жики помогла ей повернуться и опустить ноги.

– Может, ты так посидишь? Я подопру тебя подушками?

– No, – Анна оперлась на старческую руку. Чем она подстегнула себя – одному богу известно, но словно невидимая сила толкнула ее вверх, и Анна поднялась на ноги.

– Молодец! – от души похвалила Жики. – Теперь садись в кресло.

– Нет, – возразила Анна. – Я хочу в туалет.

– Она не дойдет, – тихо сказала сиделка. Жики ее не поняла, но Анна, упрямо сведя брови, шевельнула губами «Я дойду» и сделала первый шаг. Конечно, она пошатнулась, но устояла. Несколько метров до туалета она преодолела, опираясь на руку подруги, за пять минут,

показавшихся часами. Но она дошла, и, впусив Анну в туалет, Жики деликатно прикрыла за ней дверь...

Когда через полчаса Анна сидела в кресле, заботливо укрытая пледом, и Жики принесла ей завтрак, молодая женщина сказала:

– Дай мне, я сама, – и, с трудом удерживая в руке десертную ложку, стала есть творог. А когда Жики хотела поднести к ее губам чашку с молоком, Анна дрожащей рукой потянулась к этой чашке. К сожалению, она ее не удержала, и чашка покатила по полу, а молоко оказалось частично у нее на коленях, частично на полу, разлетевшись фонтаном белоснежных брызг.

Жики похолодела. Она испугалась, что Анна будет настолько расстроена собственной слабостью, что, чего доброго, заплачет. Но, посмотрев ей в лицо, была ошеломлена – такой агрессивной решимости Жики не видела на лице Анны, даже когда та с остервенением репетировала проклятое *Libertango*. Абсолютно сухие глаза – и в них ничего, кроме силы духа. Сиделка снова принесла молоко, и на этот раз Анна удержала чашку, выпив ее до дна.

С того дня Анна стала оживать. На ее щеках иногда появлялся румянец, а бледные губы трогала улыбка. Но однажды, позавтракав, она попросила у Жики зеркало. Старая женщина сначала притворилась, что не слышит, а когда Анна повторила свою просьбу громче, сделала вид, что не понимает. «*Je ne comprends pas*⁵» – пробормотала она.

– *Dame un espejo, Jicky*⁶, – отчеканила Анна по-испански. Да, тут уж не отвертись. И Жики принесла ей зеркало, вернее, зеркальце, одно из тех, которые зачем-то кладут в дорогие дамские сумки – в которое можно увидеть подбородок, рот, нос – все по отдельности. А также уродливый шрам, пересекавший ее высокую тонкую шею, и другие шрамы – на груди, на плечах, на животе...

– Как я буду танцевать с такими шрамами? – прошептала Анна по-русски.

Сиделка ахнула. Танцевать? Дай бог, если она сможет ходить после таких ранений... Жики не поняла слов Анны, но ощутила их смысл. Она села напротив, взяла тонкие, прозрачные ладони Анны и, глядя ей в глаза, отчетливо проговорила:

– Ты сможешь, дитя мое. Ты сможешь. Кто-то другой не смог бы – но не ты...

Анна с нежностью посмотрела на нее. Жики подумала, что до этого она никогда не смотрела на нее так – на старую преподавательницу, суровую и неласковую...

– Спасибо, Жики. Без тебя я бы, наверно, не выжила...

– Куда б ты делась, – проворчала дива. – С твоим-то характером! С такой силой воли ты через месяц снова будешь у станка.

– Буду, – кивнула Анна. – Но что делать с этим? – она провела рукой по шее. Страшный шрам протянулся от правого уха вниз, сантиметров на десять. Хирурги не особенно заботились о красоте этой лебединой шеи – они спасали ей жизнь. Шрам все еще был красным и особенно выделялся на белой, лилейной коже.

– Ничего, деточка, – Жики погладила ее руку. – Ничего. Существует пластика – все можно поправить...

Анна слабо улыбнулась. Она была в курсе стоимости подобных операций – на то, чтобы избавиться от множества уродливых рубцов, покрывавших ее тело, уйдут все ее сбережения – и то может не хватить. А на что она будет жить? Ведь неизвестно, когда она сможет выйти на сцену – если сможет когда-нибудь...

Ничего подобного Анна не стала произносить вслух – зачем разочаровывать Жики, она и так переживает. Ей следует самой справиться со всем.

– Жики, – произнесла она робко. – Хочу поговорить с тобой. Обещай не сердиться.

⁵ Не понимаю (фр).

⁶ Дай мне зеркало, Жики (исп).

– Обещать не могу, – недовольно скривилась дива. – Если ты так начинаешь, значит, ничего достойного или умного я не услышу. Но говори.

– Я так благодарна тебе... Но сколько ты можешь сидеть подле меня? Тебе давно пора уезжать.

Жики решительно поднялась и встала перед Анной. Выражение ее лица не предвещало ничего хорошего. На нем ясно читались обида и негодование.

– Я правильно тебя поняла? – угрожающе начала она. – Ты указываешь мне на дверь?

И тут в первый раз за все время у Анны задрожали губы.

– Господи, Жики, что ты говоришь?..

– А что я говорю? – воскликнула аргентинка. – Ты сказала, что мне давно пора уезжать – это ты сказала, а не я!

– Но ведь у тебя семья! Внуки и правнуки! Ты им нужна.

– А тебе я уже не нужна? – оскорбилась Жики.

– Нужна, – кивнула Анна. – Я бы без тебя не выжила.

– А на кой черт я сдалась моим внукам и правнукам? Они вспоминают обо мне, только когда им нужны деньги.

Анна чуть не плакала.

– А школа? Твоя школа танго – твой бизнес, твоё детище. Ты совсем ее забросила из-за меня.

– Да, здесь ты права. Школу я забросила. Что они там без меня натворят – одному богу известно.

Молодая женщина старалась, чтобы Жики не услышала отчаянной грусти в ее голосе.

– Вот видишь, я права. Если из-за меня развалится твоя школа, я не прощу себе.

– Ах-ах... – покивала Жики. – И что нам теперь делать?

Анна затаила дыхание. Ну вот, она же сама завела разговор об этом. Нельзя быть такой эгоисткой и заставлять замечательную женщину ухаживать за собой. И с какой стати она должна это делать? Да, они привязались друг к другу, но забота о ней не должна становиться для Жики тяжелой обязанностью. Итак, она начала этот разговор и отступить нельзя.

– Тебе надо ехать... – спазм сдавил ее горло. Как, однако, просто говорить правильные слова про себя и как, оказывается, трудно озвучить их. Анна на мгновение представила, что завтра она проснется – а Жики рядом нет...

Пока Анна пыталась справиться с обуревавшими ее чувствами, Жики молча стояла напротив кресла и внимательно наблюдала за ней. Наконец она заговорила.

– Ты, конечно, права, детка... Мне надо ехать.

Анна печально улыбнулась:

– Конечно. Когда-нибудь... я не знаю, правда, когда... мы обязательно снова увидимся.

– Что значит – когда-нибудь? Ты поедешь со мной, – категорично заявила Жики, и Анна широко распахнула глаза.

– Поеду с тобой? Куда? – растерялась она.

– В Париж, куда же еще? – спокойно пояснила Жики. – Ну, не сегодня и не завтра, конечно, а через пару недель – вполне.

– Я не знаю... – прошептала застигнутая врасплох Анна. – Я же буду тебе такой обузой.

– Что за глупости! – отмахнулась дива. – Какая еще обуза! У меня в Париже большая квартира и полный дом прислуги – две горничные и кухарка. Накопилось много дел – так и есть. И если хочешь, чтобы я вернулась к делам – тебе придется поехать со мной. Я ни за что не оставлю тебя здесь одну, моя деточка...

Анна почувствовала, что вот-вот расплечется. Слез нельзя допустить – Жики терпеть не может всяческие сантименты. Эта высокомерная и гордая женщина более всего ценила сдер-

жанность в проявлении чувств и даже то, что она так привязалась к Анне, не давало той права распускать сопли.

– И так? – Жики ждала ответа.

– Мой заграничный паспорт у Антона, – ответила Анна. – И он его так просто не отдаст.

– Отдаст, – пробормотала дива. – Отдаст. Куда он денется...

И он его действительно отдал. Когда Жики позвонила ему, Ланской сухо сказал, что заедет к ним после работы. Анна запаниковала, задержалась и, умоляюще глядя на подругу, попросила ее встретить Антона в прихожей или на кухне.

Жики возмутилась:

– Что еще за новости? В чем этот человек виноват перед тобой? Я понимаю, ты пытаешься спрятаться от тяжелых воспоминаний – но он абсолютно ни в чем не виноват! Именно ты его бросила, или хотела бросить. А теперь что? Тебе не стыдно? По большому счету, ты виновата перед ним, а не он перед тобой.

Анна онемела. Впервые Жики говорила с ней жестко – все прошедшее после трагедии время она старалась быть максимально мягкой и тактичной. И вот, оказывается, какого та о ней мнения!

– Ты правда так считаешь? – ровно произнесла Анна.

– Я всегда говорю то, что думаю, – отрезала Жики. – Я считаю, что ты трусишь – а трусость отвратительна. Между прочим, если б не он и не испанец, неизвестно, выжила бы ты или нет. Именно они вовремя привезли тебя в больницу. Ни одна скорая б тебя не спасла.

Глаза Анны вспыхнули гневом, и голос ее задрожал:

– Если б не они, говоришь? Да если б не они, ничего подобного со мной бы не произошло!

– Вот как? – прищурилась Жики. – Значит, ты полагаешь, что эти двое во всем виноваты? А ты вроде как и ни при чем? Не слишком ли ты поторопилась переложить всю вину на своих мужчин? Да, они виноваты, но только в том, что любят тебя до самозабвения. Да, они потеряли головы, и ты чуть не рассталась с жизнью, но мучил и убивал тебя совсем другой человек!

Анна затравленно на нее смотрела.

– Значит, ты считаешь, что я сама во всем виновата? Тот человек тоже так сказал, перед тем как меня...

– Господи, деточка! – Жики бросилась к Анне и крепко обняла ее. – Да нет же! Я ни в чем тебя не виню! Но твой муж имеет право на то, чтоб ты с ним поговорила и не боялась его так, словно именно он – насильник и убийца. Он – хороший человек!

– Я знаю, – прошептала Анна, и, помолчав, добавила: – Пусть приходит. Но не представляю, как разговаривать с ним.

– А разве он знает о твоей измене? – спросила дива.

Анна залилась краской и пожала плечами.

– Если не знает, ты должна сказать. И не откладывать на потом.

– Я не смогу. У меня не хватит духа.

– Вот еще, глупости! – фыркнула Жики. – От тебя ли я слышу подобные речи?..

...Антон явился на следующий день, и Жики пригласила его в комнату, где задержали шторы и царил полумрак, и где в кресле, укрытая пледом, сидела Анна. Он только взглянул в ее сторону и кивнул, а затем, повернувшись к Жики, протянул той паспорт.

– Еще что-нибудь? – произнес он тусклым голосом.

– Я вас оставлю, – безапелляционно заявила Жики. – Вам есть о чем поговорить.

Старая женщина вышла и плотно притворила за собой дверь. В комнате воцарилась тишина, тяжелая и густая, и ни один из них не решался ее нарушить. Тишина обволакивала и оглушала, затягивая в омут, а они продолжали молчать – Анна искоса наблюдала за ним, страшась мгновения, когда он, наконец, осмелится заговорить. И вот – он осмелился.

– Ты уезжаешь? – ровно спросил Антон, не глядя на нее.

– Да...

– Если я спрошу куда, ты мне не скажешь? – в его словах не слышался вопрос. И Анна не ответила.

– Понятно... – Его голос звучал спокойно, он не настаивал. – Вероятно, мне лучше уйти. Если что-то понадобится, сообщи. Все, что в моих силах, я для тебя сделаю. И даже больше.

– Я знаю, – откликнулась она.

– Ну, прощай, – он старался не смотреть в ее сторону. – Прости меня, если сможешь.

– Простить – за что? – вздрогнула она.

– За то, что не уберег тебя. Ты ведь в этом меня винишь?

Он не знает! И ничего не понимает! Значит, Жики, как всегда, оказалась права, и Анне надо все объяснить. Хорошо, что уже темно, и не видно ни жуткого шрама на шее, ни выражения ее лица, как у нашкодлившей кошки.

– Антон, – тихо начала она. – Я должна тебе сказать...

– Нет, – прервал он ее. – Ничего не говори.

– Но ты должен знать...

– Нет! – почти закричал он. – Я не хочу знать, что ты меня больше не любишь! Я не хочу знать, что ты мне неверна! И я не хочу знать, с кем ты мне изменила! Молчи!

Анна закрыла лицо ладонями. Ее жег нестерпимый стыд. Ах, если бы разверзся пол и можно было бы провалиться в эту воображаемую пропасть!

– Кто тебе сказал?

Антон наконец с болью взглянул на нее:

– Никто. Надо быть слепым, чтобы не понять. Я и был слепым. Не хотел видеть и не видел. Так проще и спокойнее...

– Боже, – почти беззвучно промолвила Анна. – Бедный мой... Что я наделала... Это я должна просить у тебя прощения.

Она не выдержала и заплакала, раздираемая стыдом и печалью. Он бросился к ней, упав на колени:

– Милая, не плачь! Не стою я того.

Она обхватила его голову и прижалась губами к светлым волосам. И повторяла безысходно:

– Прости... прости...

– Если я буду тебе нужен, – Ланской склонил голову к пледу, покрывавший ее колени. – Если я тебе буду нужен – позови, я приду...

И он ушел... А они с Жики уехали в Париж через десять дней – у Анны была открытая шенгенская виза на пять лет...

Октябрь – ноябрь 2010 года, Москва

В конце сентября как-то само собой получилось, что Сергей перебрался к Катрин с ее равнодушного согласия. Он поселился в гостиной, но поскольку диван оказался слишком коротким для его двухметрового роста, он приволок из дома огромный надувной матрас и спал на нем. Постепенно Катрин стала оживать, что-то делать по дому, возиться на кухне. На курсы она не вернулась, а вяло занималась переводами. Иногда, ожидая Сергея после суточного дежурства, она грустно думала, что их жизнь выглядит, как пародия на семью – только спят они в разных комнатах.

Первые несколько ночей после того, как он стал у нее жить, она вздрагивала от каждого звука в гостиной, ворочаясь без сна на кровати, и со страхом ждала: вот-вот он зайдет, и придется объяснять ему, что она не готова, ей по-прежнему страшно, и даже мысль о близости с мужчиной вызывает у нее тоскливый ужас. Но он даже не заглянул к ней ни в первую, ни во

вторую, ни в третью ночь. Сначала Катрин удивилась, затем почувствовала себя слегка уязвленной, а потом привыкла, что за стенкой у нее живет сосед.

Так прошло около двух месяцев. Однажды, в середине ноября, она проснулась рано утром, еще затемно. Она спустила ноги с кровати, нащупала тапочки и сонная, не поднимая тяжелых век, по дороге накидывая халат, побрела в туалет. В коридоре Катрин краем уха уловила шум воды в ванной и, открыв один глаз, увидела, что дверь туда притворена неплотно. Когда она вышла из туалета, вода в ванной уже не бежала, и она, будто ее кто-то подтолкнул в спину, воровато приоткрыла щели, шириной в палец. Спросонья видно было плохо. Катрин, как ребенок кулачками протерев глаза, снова заглянула в приоткрытую дверь и нервно перевела дыхание, почувствовав, как сердце ее замерло и прекратило биться. Завороженная, Катрин была не в силах оторвать взгляд от явившейся ей картины. Видимо, он только что вышел из душевой кабины и, стоя к ней спиной, растирал влажное тело полотенцем.

Они знали друг друга пятнадцать лет, но никогда раньше Катрин не видела Булгакова без одежды, а тем более – нагим, и не представляла себе, как невероятно он хорош, насколько совершенно его тело – идеально выстроенный центнер тренированных мышц. Она стояла, словно пришибленная, и только когда он стал неторопливо поворачиваться к ней, метнулась прочь, подобно воровке, застигнутой с поличным. Она неслась в комнату, не чувствуя под собой ног, потеряв по дороге тапку, бросилась на кровать, накрылась с головой одеялом и замерла. «Господи, какая же я дура, – стучало у нее в голове, – дура, дура! Да как я могла вообразить, что подобный ему все еще может испытывать ко мне чувства, после того, как меня смешали с грязью, уничтожили, стерли с лица земли! Он не уходит из жалости, да и перед мамой ему неудобно. Нужно кончать бессмысленный фарс и немедленно, иначе потом придется отдирать с кровью – а я больше такой муки не вынесу, не вынесу, не вынесу...»

Она не понимала, что говорит сама с собой, а из-под одеяла доносятся невнятный бубнеж и всхлипы. Поэтому, когда Булгаков заглянул к ней в комнату, уже одетый, чтобы идти на работу, с ее тапкой в руке, он увидел несуразный бугор на кровати, и уловил неразборчивое бормотание из-под одеяла.

– Катрин, – позвал он.

Бормотание мгновенно смолкло. Сергей, бросив тапку, включил свет, подошел к кровати и потянул на себя одеяло, но она вцепилась в него мертвой хваткой. Он вновь позвал: – Катрин!

Одеяло чуть приподнялось, и на него уставился блестящий карий глаз – полный раздражения и злости.

– Чего тебе? – сварливо спросила она. Сергей уселся рядом.

– Что с тобой?

– Встань с кровати, – услышал он сердитый голос, все еще приглушенный одеялом. – Стулья тебе на что?

– Здесь нет стульев. Вылезай!

– Раскомандовался, – зашипела она из-под одеяла. – Иди отсюда!

– Куда? – он не двинулся с места.

– Куда шел, – голос стал еще глуше. Она помолчала, а потом добавила: – И вообще... Забирай свой матрас и выметайся.

– Та-ак... – Булгаков встал. Но уходить не собирался. Несколько мгновений стоял над кроватью, принимая важное решение. Наконец, он это решение принял. Он взялся за одеяло, с силой рванул на себя и вытряхнул из него Катрин. Как воду выплеснул. Прежде чем она резко отвернулась от него, да еще закрылась руками, он успел заметить, что ее лицо заплакано.

– Так, – повторил он. – Выкладывай, что случилось? Сон плохой приснился?

Она быстро отползла от Сергея как можно дальше, точно испуганный зверек, затравленный торжествующими охотниками.

– Уходи, – упрямо повторила Катрин. – Я больше не хочу, чтобы ты был рядом.

– Вот как? – он, казалось, искренне удивлен. – Почему? Я не разбрасываю вещи, закрываю зубную пасту, не храплю... Или храплю?... Да какая разница – мы все равно спим в разных комнатах.

– Вот именно! – процедила она и замерла: что она сказала! Зачем она это сказала?! Что он теперь будет делать? Что она теперь будет делать?

А Булгаков так и застыл с ее одеялом в руках, глядя на Катрин с непроницаемым выражением лица. Только чуть подрагивали губы, совсем незаметно – лишь он сам ощущал эту дрожь.

– Что ты сказала? – негромко произнес он наконец. – Я правильно расслышал?..

– Не знаю, что ты там расслышал... – проворчала Катрин, внезапно успокоившись. Какая теперь разница – если ей суждено предстать перед этим гордым и сильным человеком капризной душой – значит, так тому и быть. И вообще, сама во всем виновата. Если б она откликнулась на его чувство раньше, то сейчас не ощущала бы себя так, словно ей приходится что-то у него вымаливать.

– Катрин, милая, что с тобой происходит? Поговори со мной, – ласково заговорил он.

– Нет, – отрезала она.

– Да, – твердо сказал он.

– Тебе пора на работу, – сумрачным голосом напомнила она. – Иди, опоздаешь.

– Плевать, – Сергей положил одеяло, а затем стянул с себя куртку и швырнул ее в угол. – Не уйду, пока мы не поговорим. Хватит с меня этого абсурда.

Катрин сглотнула слезы. Видимо, действительно пришло время расставить точки над *i*. Больше тянуть нельзя. Какой смысл? Сейчас она выложит ему все откровенно, и он с облегчением уйдет. А она останется одна, в пустой квартире, наедине со страшными воспоминаниями. Ей пора учиться жить с ними самостоятельно.

Она повернулась к нему, по-прежнему избегая встречаться с ним взглядом. Выглядела она жалко – покрасневшие от слез веки, распухший нос, спутанные длинные волосы, трясущиеся губы.

– Что ж, – прошептала Катрин, убирая пряди с лица. – Поговорим... если ты настаиваешь.

– Да, я настаиваю, – твердо сказал Булгаков, снова усаживаясь на кровать. – Говори.

Его слова прозвучали как приказ. Катрин сжалась, подобно пружине. Еще мгновение, и она ринулась вперед, отпустив эту пружину – Катрин физически ощущала, как та раскручивается, со свистом набирая силу...

– Я понимаю, что ты больше не любишь меня, как прежде, – выпалила она. – И поэтому хочу, чтобы ты ушел. Мне невыносимо жить рядом с тобой и понимать, что ты вынужден терпеть меня из жалости.

– Что? – Булгаков пытался вникнуть в то, что слышит. – Какая жалость? Ты с ума сошла?

Она наконец решилась взглянуть на него, и Сергей захлебнулся в боли и обиде, плескавшихся в ее темных глазах. Он знал, что в ее душе океан отчаяния, но не ожидал, что ему придется тонуть в этом океане. Он смотрел на Катрин и ждал ответа – хоть какого, пусть сбивчивого и нелогичного... Но она должна откликнуться.

– Ты все прекрасно понял... – наконец заговорила Катрин. – Ты меня больше не любишь.

Булгаков хотел что-то сказать, но она его перебила:

– Ты не виноват, я сама себе омерзительна... Чего уж тут говорить о тебе... или о ком-либо еще.

Сергей не пытался спорить с ней, он рассматривал Катрин, стараясь понять истинный смысл ее слов. Она, наконец, замолчала и уткнулась лицом в колени. «Ну вот и все, – думала Катрин, – слава богу, я ему все сказала, нашла в себе мужество. Теперь он уйдет, и все закончится. Я останусь одна». Ей снова стало до смерти тошно, а тишина, повисшая в комнате, с каждым мгновением становилась все более вязкой и нестерпимой. «Что же он не уходит, –

в груди ее поднималась волна ярости. – Что он тянет время? Неужели не понимает, как мне больно?..» Слезы вновь потекли по ее лицу.

Однако прошла еще пара мгновений, прежде чем Сергей заговорил:

– И с чего ты взяла, что я больше тебя не люблю?

– Ты не можешь меня любить такую, какой я стала.

– И какой же ты стала?..

– Ты хочешь, чтобы я повторила тебе то, что сказала тогда, в больнице? Я не могу говорить об этом. Прости, Сережа... Очень больно... В моей душе черным-черно, в ней не осталось ничего светлого. А тело мое осквернено и унижено – стоит ли о нем вообще говорить, – ее голос сорвался.

– Твое тело... – Булгаков говорил медленно, взвешивая каждое слово, не спуская с нее горящего взгляда. – Твое тело – самое возжеленное для меня, что есть в мире. Понимаешь ли ты, в каком аду я живу последнее время? Видеть тебя так близко и не сметь приблизиться.

Катрин замерла. Подобного она никак не ждала. Утешения, сочувствия, увещевания – но не этих жарких слов, от которых по ее коже пробежали мурашки, щеки запыхали, а сердце ухнуло вниз с невыносимой высоты.

– Что?.. – еле слышно прошептала она.

– Если б ты только знала, как я грызу ночами подушку, чтобы не завывать – так нестерпимо я тебя желаю, – он сжал челюсти с такой силой, что Катрин показалось: она слышит скрежет его зубов.

– Так почему же ты... Почему ты ни разу не зашел ко мне? – вопрос вырвался у нее помимо воли. – Я же все время рядом...

– И это самое мучительное, – мрачно признался он.

– Но тогда – почему?!

– Неужели ты не понимаешь! – не помня себя, едва соображая, что делает, он схватил ее за плечи и встряхнул. – Кто я для тебя, Катрин? По-прежнему, просто друг? Тогда не удивляйся, что я не лезу к тебе в койку.

– Посмотри мне в глаза, – прошептала она умоляюще. – Ну, посмотри...

Она провела ладонью по его лицу, глядя лоб, скулы, губы...

– Посмотри на меня, – с нежностью шептала она. – Что ты видишь?

Он погружался в бездонные глаза как самый безнадежный утопающий...

– Неужели там только благодарность и привязанность к другу? – продолжала она шептать, придвигаясь к нему все ближе и ближе.

– Как я мог так ошибаться? – он произнес это только движением губ, но она услышала.

– Как могла я так ошибаться, – откликнулась она, и их губы наконец встретились.

Сергей потянул вниз ворот халатика, все еще не веря, что получил возможность и право смотреть на ее обнаженное тело, не отводя взгляда. Репино не в счет – там она истекала кровью, и он не мог сосредоточиться на столь желанной наготе, а сейчас он касался ее кожи губами, с наслаждением вдыхая теплый и чувственный запах. Катрин шептала какие-то слова, но он не расслышал и не решился переспросить, и было ему не до этого. Зарывав, он обрушился на нее всем весом, едва понимая, что делает, инстинктивно опасаясь, что она может ускользнуть вновь, и его мечта о ней останется неосуществленной...

– Катрин, – прошептал он. – Я люблю тебя... Я так давно тебя люблю.

– Я знаю, – прошелестела она. – И я... люблю тебя. Хорошо, что еще не поздно... Наверно, не поздно...

Они слились в одно целое, дыхание двоих сделалось единым, и не нашлось бы силы, способной в тот момент оторвать их друг от друга. Жаркая нежность пульсировала в ритме с их сердцами, пронзала чувственной болью, рвалась на свободу, изливалась подобно огненной лаве. Катрин ловила в себе биение жизни, впервые ощущая себя центром Вселенной. А Сергей

торжествовал, обладая этим центром Вселенной, женщиной, о которой он мечтал много лет, которую жаждал, без малейшей надежды получить. Катрин принимала его с такой страстью и обволакивала такой любовью, что свет померк для него, и не осталось ничего, кроме вожденного тела, от которого он не мог оторваться, словно голодное дитя, припавшее к матери, и водопада длинных волос, в которые он зарывался лицом, забыв обо всем на свете.

– Катрин, – вырвалось у него. – Моя! Никому тебя не отдам.

Он почувствовал, как она на мгновение замерла, а потом увидел счастливую улыбку на ее лице.

– Твоя, – прошептала она, и, переведя дыхание, повторила: – Я – твоя...

В тот день он на три часа опоздал на работу. Когда в половине одиннадцатого Катрин осторожно коснулась его губ пальцем: «А ты разве сегодня не работаешь?», Булгаков подскокил на кровати, как ошпаренный – он забыл обо всем на свете – и о работе тоже – впервые в жизни. Катрин смеялась, глядя, как он прыгает на одной ноге, пытаясь второпях попасть другой в джинсы, застегивает рубашку – вкривь и вкось... А он, слушая, как она хихикает в постели, и с нежностью целуя ее на прощание, думал, что никогда еще не был настолько счастлив – до такой степени, что вдруг ему стало страшно. «Я буду тебя ждать», – прошептала она. «Я приду только утром», – с сожалением ответил он. «Я знаю. И буду тебя ждать».

Булгаков не помнил, как домчался до Склифа, как искал хотя бы какую-нибудь щель, чтобы припарковать машину – в такой час даже стоянка для персонала была забита под завязку. Он влетел в отделение и несся по коридору, а коллеги и пациенты старались прижаться к стенам – Сергей никого не видел перед собой и мог снести любого, кто попадет на пути. Таким вот образом он чуть не смел по дороге Галину Васильевну Астахову, завотделением. Она было открыла рот, чтобы сделать ему внушение за опоздание, но встретилась с его взглядом – таких счастливых глаз она никогда у него не видела. Их яркая синева источала такую радость и восторг, что она перевела дыхание, улыбнулась и, похлопав его по руке, негромко сказала:

– Ну, слава богу...

Ясмин

В тот пасмурный осенний день в вагоне электрички было не протолкнуться в толпе, направлявшейся в Истру на рок-фестиваль. Люди – в основном, молодые парни и девушки, прижатые друг к другу – казалось, спрессовались в сплошную массу. В электричке было не продохнуть, несмотря на довольно холодную погоду.

– Шурик, долго еще ехать? – жалобно пропищала Ясмин. – Не могу больше, сейчас умру от духоты...

– Не хнычь, – он постарался встать так, чтобы максимально прикрыть девушку от дыхания окружающих. – Скоро уже... минут пять осталось...

– Надо к выходу пробираться, – пискнула она.

– Не надо, – покачал он головой. – Вся эта толпа вывалит и вынесет заодно и нас.

Так и произошло. В динамике протрещало «Новоиерусалимская», поезд замедлил ход и скоро остановился. Живой организм из многих сотен людей подобрался, зашевелился и стал вытекать из вагона. В какой-то момент Саша почувствовал, как наступил на чью-то ногу. Мгновенно раздалась безобразная брань.

– Нельзя ли следить за речью? – повернулся он на звук голоса. – Здесь женщины.

– Это щелка твоя косоглазая – женщина? – услышал он в ответ. – Чем она там воняет?

Дрожь, охватившая Ясмин, которая слышала каждое мерзкое слово, отдалась в Сашиной руке.

– Что вы сказали?! – в толпе было трудно повернуться, но ему все же удалось. Рядом терся плюгавый человечек, неопределенного возраста, без признаков какой-либо растительности на лице – у него отсутствовали и ресницы, и брови, серые глазки прикрывались тяжелыми веками. От него не пахло спиртным, но зрачки были сужены в булавочные головки. Он отталкивал всем своим видом, но Саша повторил:

– Что вы сказали?

– Щас выйдем, и я тебе повторю, – человек ткнул Сашу в бок чем-то острым. – Если захочешь...

Ясмин, разумеется, не могла знать, что в ее парня уперся нож, но она кожей ощутила смертельную угрозу, которой веяло от безволосого. Ее объял нестерпимый ужас, словно рядом застрекотала трещотка гремучей змеи.

– Саша, не надо, – она сжала его ладонь и потянула, насколько возможно, в сторону. – Умоляю, пойдем....

Им удалось оторваться от этого человека, и, когда они вышли на платформу, его уже нигде не было видно. Они брели вместе с прибывшими людьми куда-то, повинувшись коллективному разуму и указателям «На рок-фестиваль»... Но настроение, им, конечно, безнадежно испортили. Ясмин шла, глотая слезы острой обиды. Ее родители – оба высокообразованные люди – бежали из Карабаха в восьмидесятые годы, задолго до ее рождения. Отец со временем стал деканом одного из факультетов Московского университета. Как только дочери исполнилось восемнадцать лет, родители были вынуждены купить ей машину, так как каждый день, возвращаясь из института на метро, она горько плакала от оскорблений. Москву накрыл национализм, подобно грязевому потоку.

...Прошло какое-то время, прежде чем Саша и Ясмин осознали, что идут в окружении крепких молодых людей в военизированных штанах цвета хаки и черных майках. У них у всех, как на подбор, блестели выбритые черепа, а на поясах висели кастеты и бейсбольные биты. Держа Ясмин за руку, Саша попытался сделать шаг в сторону, но его тут же крепко схватили за локти и поволокли прочь от толпы. Подруга выпустила его ладонь и с криком исчезла. Саша попытался вырваться, но получил удар по затылку и потерял сознание.

Он очнулся от жуткого смрада, ударившего в ноздри, заполнившего всю носоглотку, и, казалось, проникшего даже в мозг. Вонючая жижа стекала по его лицу, заливаясь за пазуху рубашки. Сашины руки были связаны за спиной так туго, что кисти занемели, и он их уже не чувствовал. Он лежал на холодной земле и видел прямо перед собой нечищенный армейский ботинок.

– Ну, что? – услышал Саша голос, показавшийся ему знакомым. – Он очухался?

– Да, Беркут, – чья-то рука рывком приподняла Сашину голову за волосы и так же резко ее отпустила, – можно начинать.

– Супер. Тащите сюда его девку...

«Саша!» – услышал он дикий крик Ясмин, и появилась целая свора – человек десять бритых наголо молодых головорезов в камуфляже. Двое из них волокли его девушку по покрытой пожухлой травой земле. Она яростно отбивалась от них, но силы были неравны.

Они мучили ее долго, она перестала сопротивляться, выбившись из сил после второго или третьего мерзавца. Саша хотел закрыть глаза, дабы не видеть этого кошмара, но тот, кого называли Беркут, поставив ему на грудь ногу в тяжелом берце, поднес к его лицу длинный нож:

– Если не хочешь, чтобы я выколот тебе зенки, – свистящим шепотом прошипел он, – смотри!

... – Все, пора сматываться, – произнес Беркут. – Заканчивайте там, а то разошлись! По второму кругу, что ль, пошли?

– А сам-то, Беркут, что – не будешь? – спросил один из насильников, словно предлагая главарю разделить с ним порцию шаурмы. – Она, правда, уже не реагирует ни на что.

– Еще чего, – буркнул лысый. – Чтобы я этой черной вонючкой опоганился, да еще после вас, архаровцев... Сворачивайтесь там, надоело уже...

– А с этими что делать? – спросил еще один. – Может облить их обоих бензином – и концы в воду?

– Еще бензин на них тратить, – брезгливо скривился Беркут. – Сами сдохнут. А не сдохнут, так кто им поверит? Кому они, на х..., нужны?

Боковым зрением Саша успел уловить занесенный над его головой грязный ботинок, и на него обрушилась тьма, поглотив его боль и страшных людей вокруг. Сколько прошло времени, прежде чем эта тьма стала выпускать его сознание из своих смертных объятий? Вокруг было тихо – только где-то вдали слышался шум машин, видимо, от шоссе. Он попробовал пошевелить связанными руками и почувствовал, что веревка немного ослабла, и тогда он принялся с остервенением выдирать кисти из отсыревших пут. Минут через десять ему удалось освободиться, и он сел на влажной студеной земле, растирая посиневшие руки. По-прежнему омерзительно воняло мочой, но он мгновенно забыл об этом, когда увидел распростертую под деревом Ясмин. Ее одежда была разорвана, юбка вообще отсутствовала, равно как и нижнее белье, а обнаженные бедра были черны от крови и синяков...

Он, с замирающим от страха сердцем, схватил ее за запястье, и еле нащупал пульс, так слабо билась жизнь в худеньком девичьем теле. «Ясмин» – позвал он срывающимся голосом, но не получил ответа. Саша с трудом встал – необходимо было выбираться из этого ужасного места. Он поднял Ясмин на руки – и сам чуть не упал. Но надо идти, оставаться здесь – значит умереть.

Он побрел по лесу, не разбирая дороги, двигаясь на шум автомобилей. Иногда Саше казалось, что он уже не слышит никакого шума, или же что звуки доносятся с противоположной стороны, откуда он пришел – он совсем потерял ориентацию. Сколько он так шел – два или три часа, шатаясь от слабости, голода и почти теряя сознание от жажды?.. Еще немного, и он навсегда останется в этом темном лесу, на который уже опустилась ночь. Было промозгло и стыло, и он снял с себя куртку, чтобы закутать ноги Ясмин, совсем голые и холодные – будто он нес мертвое тело.

Он очнулся на обочине проселочной дороги – не на автостраде, а именно на узкой однополосной дороге, которой, казалось, мало кто вообще пользуется. Он сел на камень, прижимая к груди Ясмин и стараясь ее согреть – девушка так и не пришла в себя. Он понимал, что скоро замерзнет насмерть, но двигаться уже не мог – его тело ему не повиновалось, а ноги отказывались идти... Неужели им суждено умереть здесь, в подмосковной глуши, будь она проклята?

– Эй, парень, ты живой? – кто-то похлопал его по щекам. Серая хмарь чуть прояснилась – над ним склонился мужчина средних лет, за спиной которого топталась дородная тетка, с любопытством заглядывая тому через плечо.

– Ты, парень, что здесь делаешь? – спросил мужик. – А с девушкой что стряслось? Как вы вообще сюда дошли?

– На нас напали, – еле шевеля языком, ответил Саша. – Пить, пожалуйста...

– Принеси воды, Ленка, – скомандовал мужчина, и через несколько мгновений Саша ощутил во рту восхитительную влагу.

– Как от тебя воняет, парень, – сообщил мужик. – Обоссался, что ль?

Саша промычал что-то невнятное, не в силах объяснить.

– Вадим, а девочка-то живая? – услышал он испуганный голос тетки.

– Ясмин, – прохрипел Саша. – Она умерла?

– Да нет... вроде, – Вадим потрогал лежащую на земле девушку за кисть. – Но вам, ребята в больницу надо. Идти-то можешь?

– А далеко? – спросил Саша. – Далеко не смогу.

– Метров пять – до машины, – Вадим кивнул в сторону заляпанного грязью джипа. – Дойдешь или тебе помочь?..

– Дойду, – кивнул Саша.

– Дойдешь, значит... Ну и воняет от тебя! – повторил Вадим и решительно поднял Ясмин с земли. Легко, словно перышко...

Дознаватель пришел к Ясмин в больницу спустя три дня. Девушка пришла в себя, но ни с кем не говорила, только отворачивалась к стене, чтобы никого не видеть. Саша сидел рядом с ней целыми днями – больше оказалось некому: убитые горем родители Ясмин были сами еле живы – отец с сердечным приступом попал в реанимацию, а мать разрывалась между ним и дочерью – которая балансировала на грани безумия, отказываясь есть, пить и говорить с кем бы то ни было...

– Что ж, если она не хочет давать показания – ее право, – не без облегчения сказал дознаватель, убирая в портфель так и не заполненные бланки протокола и заявления. – Ее, получается, добрая воля.

– Как? – возмутился Саша. – Что вы несете? Она не может сейчас говорить! Она больна! Я все расскажу и подпишу, что необходимо!

– Вы бы, молодой человек, прыти бы поубавили, – скривился дознаватель. – Если не ошибаюсь, только вас единственного видели вместе с Ясмин... как там ее, Аджаровой – и больше никого. Так что драматические истории про банду насильников – всего лишь ваши сказки, пока нет ее заявления. И поблагодарите бога, что на вас дело не завели, как на подозреваемого в изнасиловании. А то – семь лет, фьють! – он сделал жест рукой, будто отгонял комара.

– Вы что? – Саша смотрел на него, словно на умалишенного. – Вы серьезно?

– Абсолютно! – сидящий перед ним на больничном стуле человек совершенно очевидно не шутил, – а кроме того, Посмотрим правде в глаза.

– Что это значит? – нахмурился Саша.

– Это значит – кавказцев у нас не любят.

– И что? При чем тут Ясмин?

– А при том, – назидательно поднял палец вверх дознаватель. – При том, что ни один суд не вынесет вердикта в ее пользу, все замнут, и она позора не оберется. Вы уверены, что вам это нужно? Что ей это нужно? Что ее родителям это нужно?

– Я вам не верю!

Дознаватель презрительно ухмыльнулся:

– Ну-с, попробуйте, испытайте наше правосудие на политкорректность. У нее примерно столько же шансов, как, скажем, у лица с нетрадиционной сексуальной ориентацией. А может, даже меньше...

– Вы что говорите? Вы вообще соображаете, что вы говорите?

– Это ты соображалку включи, придурок! – вспылил дознаватель. – Забыл, где живешь?

Лицо Саши окаменело:

– В России я живу, черт бы меня побрал...

– Вот именно, – рявкнул дознаватель. – И поэтому смотри на вещи трезво. Она, – он кивнул в сторону Ясмин, которая, казалось, спала. – Она здесь была и останется вторым сортом. Даже нет, не вторым, а вообще неизвестно каким...

– Уходите, – прохрипел Саша. – Я не хочу, чтобы вы здесь находились.

– Вот и славно, – дознаватель обрадовался. – Девочка твоя придет в себя и все будет хорошо. Бабы – они живучие...

– Уходите, – повторил Саша, и тот, с довольным видом подхватив портфельчик, резво испарился. Когда за ним захлопнулась дверь больничной палаты, Ясмин повернулась, откинула одеяло и, спустив ноги с кровати, села. Она была бледна как смерть, а во взгляде застыла мука.

– Второй сорт! – проговорила она. – Аллах, почему я не умерла?..

– Ясмин! – Саша метнулся к ней и попытался обнять. Она освободилась от его рук, точно стряхнула с себя что-то гадкое. – Не смей меня трогать!

– Хорошо, не буду, – Саша торопливо встал с кровати. – Прости, милая, я понимаю...

– Понимаешь? – выдохнула она, с неприязнью глядя на него. – Да что ты понимаешь, мужчина? Русский мужчина? Убирайся вон! Я не хочу тебя больше видеть!

Ему казалось, он сходит с ума, а Ясмин – так уже сошла с ума, но это понятно – пережив такое, редкая женщина не потеряла бы рассудок. И если б она плакала, он бы попытался ее утешить, успокоить, но она не плакала, пылали сухие глаза ее, полные ненависти, и ненависть эта выплескивалась не на кого-то, а на него, Сашу, который виновато опустил голову, не зная, что сказать...

– Убирайся вон, – повторила Ясмин. – Я хочу остаться одна...

Пришлось уйти – а что ему оставалось? Саша осторожно притворил за собой дверь и прислонился затылком к коридорной стене. Услышанное от дознавателя, а потом – от Ясмин, вызвало в нем тошнотворную горечь. Куда идти? Что делать? «Может, в прокуратуру?» – мелькнуло в голове, но он сам себя одернул. Наивный мальчик. Все они одинаковы, люди в форме. Эта форма им и честь, и совесть заменила...

...Приближался Новый год. Саша брел по заснеженным улицам провинциальной Истры, не ощущая холода. Куртка с капюшоном мало грела, равно как и перчатки – он совсем продрог. Подошвы ботинок были скользкие, и ноги разъезжались на нечищеном обледенелом тротуаре. Но в кармане его куртки лежало настоящее оружие – пистолет ТТ. Саша его купил по интернету, у одного молчаливого мужика, вместе с коробкой патронов. Несколько штук израсходовал, стреляя по банкам в лесу – нельзя сказать, чтобы у него хорошо получалось. Но выхода другого нет – если он не убьет эту мразь по имени Беркут, а вслед за ним – всех остальных, не будет покоя ни ему, ни Ясмин. Она снова оказалась в больнице после третьей за месяц попытки самоубийства, которая почти удалась – девушку вынули из петли, и скорая еле ее откачала.

Он пришел к Ясмин в больницу, несмотря на то, что она упорно отказывалась его видеть. Он сел к ней на постель, и, наклонившись прямо к уху, спросил: «Если я убью их – тебе станет

легче?» Она смотрела на него, словно не узнавая, словно перед ней не Саша, а настоящий витязь из сказки, и он увидел в ее глазах надежду. «Да, – прошептала она. – Саша, да! Тогда, наверно, я смогу жить». И он купил пистолет.

Вон тот кабак, в котором, как он теперь точно знал, зажигала местная гопота. Саша остановился напротив и приготовился ждать. Пальцы продолжали сжимать рукоятку пистолета.

Сколько он так простоял – час или два, а может, и больше? Снег сыпал, не переставая, принималась кружиться метель с пронизывающим до костей ветром – но в Сашиной груди пылала жгучая ненависть, согревавшая его окоченевшее тело. Ожидание казалось бесконечным, но, наконец, дверь кабака в очередной раз распахнулась, и на пороге появился тот самый маленький человечек – без бровей и ресниц. Но теперь он был одет не в камуфляж, а в добротную дубленку и малахай с волчьим хвостом. Вот он встал – грудью прямо перед Сашей, и окружавшие его скинхеды расступились. Саша потянул руку из кармана, но вынуть ее не успел...

– Остановись, – услышал он голос за спиной. – Остановись, парень. Оттуда, куда ты так стремишься, обратной дороги нет.

Саша повернул голову, и его взгляд натолкнулся на двоих: мужчину и женщину лет тридцати – тридцати пяти.

– Вы кто? – в шоке прошептал он. – Что вам нужно?

– Нам нужно, чтобы ты не сделал глупость, за которую тебе придется расплачиваться всю жизнь.

– Я не понимаю, – он нервно оглянулся на кабака. Сейчас Беркут уедет, и весь Сашин план рухнет, где потом искать этого негодяя?

– Оставьте меня в покое. Уходите. Мне не до вас.

– Разумеется, – кивнул мужчина. – Еще бы! Ты собираешься совершить убийство – конечно, тебе не до нас.

– Мы ему мешаем, дорогой, – улыбнулась женщина. – Думаешь, нам лучше уйти?

– Ну уж нет, – возразил мужчина. – Мы уйдем, он начнет стрелять, промажет, чего доброго... Эва, ты видела, как он стреляет?

– Видела, – хихикнула его спутница. – Я и то делаю это лучше.

– Что вам надо? – возмутился Саша. – Кто вы такие?

– А какая тебе разница? – спросил мужчина. – Стреляй, если твердо решил. А Ямин будет тебе передачи носить. Только тут возможны варианты.

– Варианты? – заторможено произнес Саша. – Вы о чем?

Краем глаза он видел, как Беркут садится в джип, захлопывает дверцу, но почему-то машина не отъезжает от кабака, а продолжает ярко освещать фарами Сашу и пристающую к нему пару.

– А вот о чем, – женщина начала загибать пальцы. – Во-первых, если ты в него каким-то чудом попадешь и, что еще чудесатее, убьешь, то тебе отвалят по максимуму – пятнадцать лет, и скостят от силы года три по УДО⁷ – если доживешь, конечно. А то и прикончат тебя там, в колонии строгого режима...

– Да ладно, строгого, – перебил ее мужчина. – По первой судимости общий режим дадут...

– Полагаешь? – задумчиво произнесла женщина. – Может быть...

Саша смотрел на них, и у него постепенно отвисала челюсть. Они что, издеваются?

– Вы издеваетесь? – выдавил он затравленно.

– Нет, всего-навсего обрисовываем твою перспективу, – сказала женщина. – Ну ладно. Общего, так общего. Во-вторых...

– А что, еще будет и в-третьих? – поперхнулся Саша.

⁷ УДО – условно-досрочное освобождение.

– Обязательно... – тут машина Беркута отчалила от кабака, и Саша в панике проводил ее взглядом. – Что вы наделали! Что вы наделали! – воскликнул он.

– Ерунда, – махнул рукой мужчина. – Он в этой дыре каждый вечер зависает – подумаешь, потеря!

– Чистая правда, – мило улыбнулась его спутница. – Итак, во-вторых... Черт, как холодно... Ты не замерз? – поинтересовалась она у Саши. – Во-вторых, если ты в него не попадешь, что наиболее вероятно, этот сброд разорвет тебя на месте, фу, гадость какая...

– Я не понимаю... – растерялся Саша. – Откуда вы знаете, что я собираюсь делать? Вы из милиции?

– И каково будет твоей несчастной Ясмин, когда она узнает о смерти своего парня? – продолжала женщина. – Ей только этого не хватало, чтобы окончательно умом тронуться. А в-третьих...

– Откуда вы знаете про Ясмин? – у Саши закружилась голова.

Женщина не удостоила его ответом, а мужчина продолжил:

– А в-третьих, если тебе даже удастся убить Беркута и сбежать, то сколько тебе понадобится сил и времени, чтобы наказать всю эту банду?

Его спутница подхватила:

– И который из них по счету станет для тебя последним? Все равно тебя убьют – без вариантов. Все. Я замерзла! Пошли в машину!

– В какую машину? – прошептал Саша, инстинктивно озираясь.

– Вон в ту, – женщина кивнула в сторону, и Саша увидел большой корейский внедорожник с затемненными стеклами всего в паре метров от них. Мужчина подтолкнул его к задней двери. Вскоре Саша уже отогревался с чашкой кофе в руках. Из чашки вкусно пахло корицей и коньяком. Женщина села вместе с ним на заднее сиденье, а мужчина – за руль.

– И какой из вариантов тебе понравился больше всего?

Саша угрюмо молчал. Мужчина протянул руку:

– Дай, взгляну на твое оружие.

– Нет, – твердо ответил Саша. – Пистолет я не отдам. Не знаю, откуда у вас вся эта информация, но пистолет я вам не отдам.

– Да и не надо, – пожал мужчина плечами и убрал руку. – Суть не в пистолете. Тебе нужна помощь.

– Нет, – запротестовал Саша. – Помощь мне не нужна. Это мое дело.

– Личное сражение? – с пониманием спросила женщина. – Конечно, мальчик, конечно. Для тебя отомстить – дело чести. Но ты зря отказываешься от помощи опытных людей. Твоя девочка может быть отомщена гораздо более жестоко, и она не потеряет тебя – единственного человека, кто может ее защитить и кого она любит. И чья смерть станет для нее еще одним ударом, который она навряд ли переживет.

– Вы предлагаете мне помощь в убийстве? Невероятно.

– Нет. Не в убийстве. Мы накажем их так, что они проклянут тот час, когда появились на свет, и будут молить о смерти, как о величайшей милости.

– Каким образом? – спросил Саша потрясенно.

– Ты можешь высказать желание – как бы ты хотел их наказать? Прямо сейчас – четко, внятно – говори!

– Я бы хотел, чтоб они пережили то же, что и Ясмин, – отчеканил Саша. – И я бы хотел это видеть.

– Жестко, – пробормотала женщина.

– Принято, – кивнул мужчина.

– Что значит – принято? – прошептал Саша.

– То и значит – твоё желание будет исполнено, мальчик, – женщина пожала ему руку. – Ты всё правильно решил. И ты очень смелый молодой человек. Твоей девушке повезло, что у неё есть ты. Поехали в Москву, дорогой, – сказала она мужчине, и машина тронулась с места. Совсем скоро Саша задремал, согретый и умиротворенный новой надеждой...

Конец ноября – декабрь 2010 года, Париж

Анна поселилась у Жики на холме Монмартр, на углу улиц Жирардон и Норван, на третьем этаже солидного кондоминиума. Эта квартира, дорогая даже по парижским меркам, досталась Жики от покойного мужа – третьего по счету. Известный композитор, он писал музыку к изысканным интеллектуальным фильмам и водил дружбу с Бертолуччи и Гинзбуром. Моложе Жики на десять лет, он умер от рака легких – заядлый курильщик не выпускал изо рта Gauloises ни на минуту.

Анна потихоньку поправлялась и крепла, но по-прежнему была отчаянно грустна и почти не улыбалась. Жики водила ее на прогулку – сначала вывозила в инвалидном кресле, а спустя время – осторожно держа под локоть. Иногда она вызывала такси и везла Анну в парк Монсо, и там они гуляли по аллеям, отдыхая на траве.

Но Анна наотрез отказывалась принимать кого-либо дома. Однажды в конце осени, неосторожно открыв дверь на звонок, Жики опешила – перед ней стоял Мигель Кортес.

– Здравствуйте, сеньора Перейра, – Мигель поклонился. – Я могу ее видеть?

– Кого? – подняла Жики брови. – Ах да! Здравствуйте!

– Вы же прекрасно понимаете... Я хочу видеть Анну.

– А с чего вы взяли, что она здесь?

– Я знаю, – твердо сказал он. – Больше ей быть негде. Мои коллеги из Буэнос-Айреса дали мне ваш адрес.

– Послушайте меня! – обтянутое пергаментной кожей лицо дивы посуровело.

– Когда она захочет вас видеть, я дам вам знать.

Мигель недовольно нахмурился.

– Я не уйду. Буду сидеть под дверью.

– Как вам не стыдно! – отчеканила Жики. – Вам совсем ее не жалко? Вы думаете только о собственных чувствах и амбициях. Подумайте, что она перенесла! Пожалейте ее.

– Считайте меня эгоистом. Но Анну я должен увидеть. Я постараюсь ее убедить, что нужен ей.

– Пустые слова, – отрезала Жики, теряя терпение. – Тогда в больнице мне показалось, что вы действительно любите Анну. А теперь...

– Что – теперь? – ему до дрожи хотелось отшвырнуть старуху прочь с дороги.

– Теперь передо мной человек, готовый совершить насилие. И если вы не уйдете – сейчас же – я сделаю так, что она больше никогда не захочет вас видеть!

Мигель сжал зубы. Он пришел в бешенство, но угроза Жики была реальна, и он понимал, что если обидит старую женщину, то Анна ему этого не простит никогда.

– Хорошо. Я уйду. Вы обещаете сказать ей, что я приходил?

– Обещаю. Скажу сразу, как только запру за вами, – Жики явно ожидала, когда же он, наконец, уйдет. Но он все не уходил, а всего лишь чуть отступил назад, не давая Жики закрыть дверь.

– Чего вам еще? – сердито спросила она.

– Сеньора, – его голос звучал настойчиво, он почти молил, – пообещайте мне...

– Не слишком ли много обещаний вы от меня хотите? – поморщилась она.

– Умоляю вас... Это не мой каприз. Я забочусь только об Анне, ее благополучии и покое!

– Ну хорошо... – нетерпеливо разрешила Жики. – Говорите!

– Если ей будет нужна помощь... – Он запнулся, но потом продолжил: – Дайте мне знать... Или убедите ее обратиться ко мне... Сама она не решится, я знаю...

Жики раздраженно передернула плечами. Почему бы не пообещать? Такое обещание ее ни к чему не обязывает – в любом случае, все будет зависеть от обстоятельств.

– Хорошо, молодой человек, – сухо кивнула она. – Если ваша помощь понадобится, вы узнаете об этом. А теперь уходите!

Мигель сделал еще один шаг назад, и Жики захлопнула за ним дверь. Перевела дыхание. Она прошла в гостиную, где перед телевизором сидела Анна и равнодушно смотрела новости. Жики взглянула на экран и прислушалась.

«Злодейское нападение на полицейского произошло в двенадцатом округе, в районе Лионского вокзала⁸. Во время патрулирования прилегающих к вокзалу кварталов один из полицейских патруля – Жан-Пьер Пикар – исчез из поля зрения коллег. Спустя некоторое время его нашли за мусорными баками, живого, но жестоко изувеченного. Преступники, личности которых установить не удалось, отрубили ему кисти рук. Цинизм преступления в том, что они наложили полицейскому повязку, перетянув жгутами культи, дабы он не истек кровью...»

Жики не стала слушать дальше и выключила звук. В полной тишине на экране суетились полицейские и медики – в l'ambulance médicalisée⁹ грузили носилки с искалеченным телом.

– Создатель, что за дрянь ты смотришь...

– Кто приходил? – спросила Анна.

– Top amougeux¹⁰, – ответила Жики, внимательно следя за ее реакцией. Анна помолчала.

– Антон? – наконец прошептала она, не глядя на диву.

Жики удивилась:

– Антон? Дорогая, прости, я неправильно выразилась. Приходил испанец.

Анна вздохнула.

– Мигель?.. Никого не хочу видеть, – и она вновь уставилась в экран телевизора.

– Я так ему и сказала, – кивнула Жики, и больше они к этому разговору не возвращались.

Но однажды, незадолго до Рождества, ближе к вечеру, когда горничная зажгла в гостиной старинную шестнадцатирожковую люстру, в дверь позвонили.

– К тебе гость, дитя мое, – Жики загадочно улыбалась. Анна читала книгу – что-то из Диккенса – приятное и неторопливое. Какая все же нелепость – читать Диккенса по-французски...

– Жики, я же говорила... – голос Анны звучал устало, но она оторвалась от страницы. – Никого – без исключения.

– Я думаю, для меня ты сделаешь исключение, – Жики бесцеремонно оторвали от пола и переставили – как предмет мебели. Но, поразительно, дива не возмутилась, а только захихикала.

– У вас железная хватка, юноша. Вы танго не танцуете?

– Увы! – он, наконец, приблизился, и Анна узнала его.

– Митя! – ахнула она. – Боже мой, Митя!

Митя – Дмитрий Крестовский, всемирно известный оперный баритон, по общему признанию – лучший в возрастной категории, а по мнению многих – просто лучший. В свои сорок лет он обладал редкой для оперной сцены харизмой. Грубоватые черты его лица были завораживающе брутальны, а улыбка, внезапная и ослепительная, украшала афиши лучших оперных театров. Счастливо женатый на французской то ли графине, то ли маркизе, он воспитан

⁸ Gare de Lyon – вокзал в Париже(12 округ).

⁹ Карета скорой помощи (фр).

¹⁰ Твой любимый (фр).

вал четверых детей и слыл образцовым семьянином, к величайшему горю его многочисленных поклонниц.

– Митя! – Анна протянула ему тонкую руку, и он поцеловал ее. Прежде он успел приложиться к ручке Жики, и та покраснела, как девочка. – Митя... Как ты меня нашел?

– Приложил усилия, – уклончиво сообщил он. – Ты словно спряталась от всего света.

– Так и есть, – грустно кивнула Анна и натянула повыше плед, чтобы скрыть от него страшный шрам на шее. От Крестовского не ускользнуло ее движение.

– Весьма, надо заметить, успешно, – подошел он поближе. – Но о тебе много говорят в наших кругах.

– Много говорят? – сникла Анна. – И что же говорят обо мне... в наших кругах?

– Разное, – Крестовский оглянулся вокруг, куда бы ему присесть. Анна указала на стул у стены. Недолго думая, он вытащил его на середину комнаты – поближе к Анне. И сел, вольно положив ногу на ногу. Жики приказала горничной принести кофе, а потом спросила:

– У вас, юноша, визит конфиденциальный? Или я могу остаться?

– Никаких тайн... – Дмитрий отрицательно помахал рукой. – Я здесь вроде как чрезвычайный и полномочный посол...

Анна ждала с нескрываемым интересом. Жики уже давно не видела такого живого выражения на ее лице. Она порадовалась, что какое-то шестое чувство не позволило ей отправить восвояси этого обаятельного мсье.

– Считаю, твои верительные грамоты приняты, – благосклонно кивнула Анна.

– Хм... Не Королева, а королева, – пробормотал Дмитрий.

Анна снова помрачнела.

– Увы, от королевы мало что осталось.

– Нет, не мало, – покачал головой Крестовский. – Ты все такая же – потрясающе красивая. Только твои глаза...

– Какие?.. – спросила она, опуская взгляд.

– Страдающие, – ответил он серьезно, а потом, выдержав паузу, спросил: – Что ты собираешься делать дальше?

– Не знаю, – Анна подумала, что если б такой вопрос задал кто-нибудь другой, она, наверно, расплакалась бы. Но Крестовский был ее хорошим другом, и она не сомневалась, что он заинтересовался этим не из праздного любопытства.

– Митя, я пока не способна до la boulangerie одна дойти, – прошептала она еле слышно.

– Положим, однажды ты дойдешь до булочной, купишь круассан, – усмехнулся Дмитрий, – а дальше?

– Митя, – почти простонала она. – Что ты хочешь от меня услышать? Что я лечу в пропасть, и дна у этой пропасти нет?

Жики настороженно смотрела на них, внимательно вслушиваясь в разговор, который велся по-французски, и пытаясь определить, не пора ли выпроваживать гостя.

Повисла долгая пауза. Казалось, Анна собиралась с силами, прежде чем озвучить невыносимую для нее мысль.

– Я не знаю. Если мне уже не танцевать, то не все ли равно?

– Понятно, – наклонил Дмитрий голову. – Тогда слушай. И вы, мадам, тоже, – он отвесил поклон Жики. – Думаю, мои слова поднимут настроение вам обоим.

– Я уполномочен сделать, мадам Королева, следующее предложение. Дирекция Парижской оперы предлагает вам спонсорскую помощь для полной реабилитации и до полного восстановления.

– Что это значит? – недоуменно поинтересовалась Анна.

– Ты не понимаешь? – удивился Крестовский. – Это значит, что Дирекция, с благословения Попечительского Совета, берет на себя любые, я подчеркиваю, любые медицинские рас-

ходы, ну, может, кроме услуг дантиста, – добавил он, – до того момента, когда ты вновь сможешь выйти на сцену.

Жики всплеснула руками, а Анна сглотнула ком в горле.

– Я правильно поняла? – она говорила медленно, словно боясь поверить в то, что слышит. – Дирекция Гарнье будет оплачивать все мои счета? И я смогу сделать пластику, чтобы избавиться от этих кошмарных шрамов?..

– Не только пластику, Аннушка. Дирекция берет на себя все необходимые расходы. Более того, Опера предоставляет тебе репетиционный зал и репетитора для классного экзерсиса... ну, или как там у вас, балетных, это называется...

– Боже мой... – шептала Анна, и глаза ее наливались слезами счастья. – Боже мой, Жики, ты слышала?

– Слышала, деточка... Вот видишь – есть люди, которым ты небезразлична. Люди, которые помнят о тебе.

– А как я смогу отплатить им за все? – спросила Анна.

Крестовский пожал широкими плечами, обтянутыми черным кашемировым свитером.

– Я ничего не знаю об этом. Насколько я понял, помощь, которую тебе планируют оказать – абсолютно безвозмездная. Может, они захотят осветить спонсорство в прессе. А может, и не будут настаивать. Ах да, чуть не забыл! Один из крупнейших домов моды принимает в этом проекте финансовое участие, – он назвал один из Домов с авеню Монтень¹¹. – Вот они, скорее всего, захотят с тобой фотосессию – но это ты уж как-нибудь переживешь.

– Переживу, – кивнула Анна. – Жики, ты слышала? Может быть, я смогу танцевать!

– Обязательно сможешь! – воодушевленно заявила Жики. – И очень скоро, вне всяких сомнений.

– Совершенно согласен с вами, мадам, – кивнул Крестовский. – Ты восстановишься и, несомненно, мы еще увидим тебя на сцене Гарнье....

С этого вечера для Анны началась новая жизнь. Дмитрий вернул ей надежду, отсутствие которой убивало ее все предыдущие месяцы, отсутствие которой – первое, что она ощутила, очнувшись после комы. И отхлынуло гнетущее отчаяние – что она никогда – самое страшное слово – никогда больше не выйдет на сцену...

Февраль 2011 года, Москва

– А-а-а!!! – Аликс казалось, что внутри нее сидит кровожадный зверь и, вгрызаясь ей в спину раскаленными зубами и когтями, рвет с упоением ее внутренности. Схватки настолько участились, что она не успевала приходиться в себя и восстанавливать силы. Слезы текли по ее щекам. «Когда же это кончится... И кончится ли когда-либо?.. Как больно, господи, как больно... За что мне все это?..»

Чудовище слегка ослабило хватку, и Аликс попыталась вздохнуть – осторожно, чтобы не потревожить злобную тварь и не спровоцировать на следующее нападение. Вздох получился конвульсивным – скорее отчаянный стон, и василиск¹² снова пробудился и изготовился к броску – она почувствовала его движение в себе. Оно пыталось вырваться на свет божий – дитя, зачатое с единокровным братом.

– Александра, – она услышала голос врача, хорошо знакомый, но далекий. – Александра, ты меня слышишь?

Она пыталась открыть глаза, но ничего не видела – слезы текли, не переставая, и тогда она почувствовала, как врач вытирает ей веки. Влажный туман перед глазами немного рассеялся, и она увидела его лицо.

¹¹ Avenue Montaigne – улица в Париже, где находится множество модных бутиков, а также их штаб-квартиры.

¹² Мифологическое чудовище с телом и лапами лягушки, хвостом змеи и головой петуха.

– Александра, – врач говорил громко и четко, – мы можем сделать тебе блокаду – хочешь? После укола в позвоночник станет легче.

– Хочу, – прохрипела Аликс и, закусив губы, завывала от очередной скрутившей ее схватки.

– Делаем эпидуральную анестезию, – распорядился врач, и сестры вокруг засуетились и забегали. Через несколько минут, которые для Аликс тянулись часами, ее перевернули на бок – дальше она не чувствовала ничего, кроме продолжающейся схватки, по сравнению с которой даже болезненный укол в позвоночник показался ей комариным укусом. Спустя короткое время ощущения стали непонятными – словно страшного зверя усыпили, а ее собственное тело поместили в панцирь...

– Ну вот... – акушерка коснулась ее руки. – Скоро, девочка, уже совсем скоро.

Уже совсем скоро на свет появится этот чудовищный ребенок – кто может родиться от такого близкого родства? Если б она узнала раньше, что Олег ее брат... Если б только она узнала раньше...

– Потуги, доктор, – услышала Аликс, и волна опустошающей боли захлестнула ее, несмотря на анестезию.

– Тужься, – приказал врач, и она вытолкнула из себя этого монстра, с первого раза освободившись от преступной жизни, которую она инициировала по простоте душевной, и носила в себе девять месяцев – три месяца – в радости и любви, а шесть – в позоре и тоске... Он закричал мгновенно и крик этот ударил Аликс в самое сердце.

– А ну-ка, кто у нас здесь? – акушерка взяла ребенка на руки. – Ах ты, боже мой...

– Что? – спросила Аликс, еще не веря, что все закончилось. – Что случилось? Он – неполноценный?

– Неполноценный? – удивилась акушерка. – Да сколько я работаю – такого красивого младенца вижу в первый раз... Ах, какие у нас глазки! Ну-ка, мамочка, смотри, кто у тебя?

Акушерка поднесла орущий комочек прямо к лицу Аликс. Та напряженно вглядывалась в него, не понимая, что от нее хотят.

– Ну! – настаивала акушерка. – Кого родила – мальчика или девочку?

– Какая ж это девочка? – прошептала Аликс. – Это мальчик... Боже, до чего похож...

Она отвернулась. И в этот момент почувствовала, как ребенка кладут ей на грудь. Аликс затрясло.

– Уберите его с меня! – завизжала она. – Уберите немедленно!

Аликс не хватало воздуха. Ребенок лежал на ней и мешал дышать.

– Мамочка, да ты к груди его приложи, – сказала акушерка. – И все сразу будет хорошо. Я помогу.

Она подтянула Аликс немного повыше на подушку и, уложив ребенка ей на руки, помогла ему взять в крошечный ротик грудь матери. Аликс сжалась от ужаса. На нее смотрели светло-голубые глаза Олега, внимательные и вдумчивые – разве что не шурились близоруко. Мальчик хлопал золотистыми ресницами и старательно сосал грудь, словно вечно этим занимался...

– Доктор, ну как там она? – Анастасия сидела в этом роскошном помещении уже почти двадцать часов – ровно столько продолжались у дочери роды. Ей приносили поесть – это был очень дорогой, элитный роддом. Его оплатил Виктор, отвергнув все их возражения. Он тоже приезжал, но смог пробыть недолго, ему пришлось уехать на работу, и Анастасия маялась в одиночестве, коротко вздыхая на его звонки:

– Пока никак...

Но наконец Анастасия услышала крик младенца и поняла, что все кончилось. Врач появился, уставший, вытирая салфеткой пот со лба. Вид у него был нельзя сказать, чтобы очень довольный – но удовлетворенный.

– Доктор, ну как там Шурка? – спросила Анастасия.

– Все, родила. Мальчик. Великолепный ребенок – девятка по шкале Апгар¹³.

– Что это значит?

– Это значит – сразу после рождения он закричал так, что у медперсонала чуть перепонки не полопались, и заехал мне ногой в ухо – до сих пор болит, – врач демонстративно потер якобы ушибленное место. – Что, в общем, удивительно, учитывая затяжные роды.

Анастасия не смогла сдержать улыбки, но потом с тревогой в голосе спросила: – Значит, с ребеночком все в порядке? Вы же знаете, доктор, наши обстоятельства...

– На первый взгляд, более чем в порядке. Но мы понаблюдаем ее и младенца еще дней пять. Сделаем дополнительные тесты. Но мне кажется, все хорошо. Правда, меня смущает ее отношение к младенцу.

– Что? – испугалась Анастасия.

– Сначала она вообще не хотела к нему прикасаться.

– Кошмар, – прошептала Анастасия. – Так я и знала.

– Не волнуйтесь. Акушерке удалось приложить ребенка к материнской груди. Мы всегда стараемся так сделать – это значительно повышает детский иммунитет и помогает сближению матери и младенца.

– И что?

– Она его кормит, – весело сказал врач. – Все хорошо.

– А можно ее увидеть?

– Да, через минут десять ее отвезут в комнату вместе с ребенком. Хотя я бы сегодня подержал малыша в перинатальном боксе. Пусть мать отдохнет и придет в себя – физически и морально. Как вы считаете? Ей только будут приносить его для кормления.

– Я полагаюсь на ваше мнение, доктор, – признательно сказала Анастасия.

– Тогда посмотрите на малыша, и мы его унесем – на сутки, не больше. А вот и наш красавец!

Санитарка выкатила из родовой кресло, в котором полулежала совершенно измученная Аликс с ребенком на руках. Он уже поел и теперь спал, прижимаясь щечкой к груди матери. Анастасия с удивлением отметила взгляд дочери, неотрывно устремленный на младенца – в нем смешались нежность и грусть.

Анастасия склонилась к дочери и поцеловала ее в висок.

– Поздравляю тебя, – прошептала она.

Аликс чуть качнула головой:

– С чем, мама? Что его ждет? Беденький... – она коснулась губами лба сына.

– Не говори глупостей, – Анастасия старалась, чтобы ее голос звучал как можно убедительней. – Врач сказал – прекрасный, здоровый малыш.

– Я же не о здоровье, – прерывисто вздохнула Аликс. – А что будет со мной?

– Не думай о плохом. Все будет хорошо. Ты теперь мама.

– Да, – в словах Аликс сквозила горечь. – Мама. Не должно было так все закончиться.

– Ничего и не закончилось, – возразила Анастасия. – Ты еще будешь счастлива. И твой малыш тоже.

– Спасибо, – шепотом ответила Аликс. – Правда, он красивый?

– Очень! Самый красивый мальчик в мире. На тебя похож.

– Нет, – был печальный ответ. – Он как две капли воды похож на Олега.

– Тебе показалось, – испугалась Настя. – Клянусь – тебе просто показалось...

Аликс не ответила, но послушно отдала ребенка медсестре и позволила увезти себя в комнату. По дороге Анастасия спешно набирала телефон Виктора, чтобы сообщить ему, что все позади. Он пообещал приехать сразу, как только сможет.

¹³ Система быстрой оценки новорожденного сразу после появления на свет по шкале от 0 до 10.

Стояла глубокая ночь. Аликс уснула мгновенно, едва коснувшись головой подушки. «Ну вот я и бабка», – не без досады констатировала Анастасия, тоже проваливаясь в сон. Ей снился голубоглазый парень, в очках, в сером костюме – он целовал ей руки. «Заяц, – повторял он, – я люблю тебя, заяц...» Ее сердце вновь таяло от нежности, когда он гладил ее по голове и касался губами шеи: «Настя... Настя...»

Когда Виктор разбудил ее, часы на стене показывали половину восьмого утра. Чтобы не мешать все еще спавшей Александре, они вышли в коридор.

– С Сашей все в порядке? – спросил Виктор, опуская маску. – А с ребенком?

– Все вроде бы нормально. Я боялась, она его не примет. Но обошлось. Она уже его кормила.

– Это хорошо, – задумчиво кивнул Виктор. Помолчал пару минут. А потом решительно начал: – Настя... Я хочу жениться на ней.

– Я знаю, – тихо ответила Анастасия.

– И что вы думаете? – спросил он, затаив дыхание. Она смешалась.

– Какая разница, что думаю я? Важно, что думает она.

– А что она думает?

– Вы меня спрашиваете? – удивилась Анастасия. – Как, однако, странно...

– Мне важно ваше мнение. И ей важно ваше мнение. Если вы это не одобряете...

– Виктор... – она дотронулась до рукава его белого халата. – Я была бы так рада, если б она ответила вам согласием. Рада. Но...

– Но?..

– Вы представляете, что вы на себя взваливаете? – вздохнула Анастасия.

– Подумаешь, – не сдавался Виктор. – Сколько детей воспитывается неродными отцами. Да взять саму Сашеньку, простите, Настя...

– Да, вы правы... Но это не обычный ребенок. Он сын садиста и убийцы – вдобавок от инцеста – вы понимаете, чем это чревато? Что из него вырастет?..

– Самое важное – воспитание. Я, например, без матери рос, и ничего.

Анастасия покачала головой:

– Так-таки и ничего? Вы уверены? Сколько вам лет, Виктор? Тридцать два? Тридцать три?

– При чем тут мой возраст? Ну, тридцать три.

– И вы до сих пор один. Может быть, именно потому, что вы так рано потеряли мать.

– При чем здесь я? – упрямо повторил Виктор. Ему не нравилось направление, которое принял их разговор, и он попытался вернуть его в прежнее русло. – Я не знаю, отчего у Рыкова-младшего поехала крыша, но генетических отклонений у него нет. Ведь так? Папаша его – вполне вменяемый...

Анастасия усмехнулась, и Виктор смутился.

– Ну, почти нормальный. Может, конечно, с матерью что-то не так...

– Да уж, – кивнула Анастасия. – В гневе она совершенно теряла над собой контроль. Однажды кислотой в меня плеснула. Слава богу, не попала. Скорее всего, там патология с ее стороны. Она, конечно, была психопаткой...

– Скорее всего. Она абсолютно хладнокровно помогала сыночку ликвидировать последствия первого убийства... Это о многом говорит. И, тем не менее, я считаю, если этого ребенка воспитывать в любви и добре, то все будет хорошо. Главное, чтобы Саша согласилась выйти за меня.

– А что скажут ваши родные? – спросила Анастасия. – Вы же из грузинской семьи, и у вас свои традиции.

– Отец отнесся нормально. А бабушка... Бабушка неодобрительно сказала «Вах!». Но когда я их познакомил, повела Сашу на кухню готовить то ли лобio, то ли сациви... Она добрая...

– Ну, дай бог, дай вам бог, Виктор...

Середина марта 2011 года, Москва, Следственный комитет

Мигель ничуть не удивился, столкнувшись около хорошо знакомого кабинета с Антоном. Они пожали друг другу руки и, поскольку до назначенного времени оставалось еще минут десять, уселись в коридоре. Каждый старался не смотреть другому в глаза, страстно желая, чтобы этого, другого не было здесь, чтобы не приходилось разговаривать с ним, создавая видимость былой дружбы. Но реальность была такова – оба сидели под дверью следователя, понимая, что нужно бы что-то сказать, а то молчание уж слишком затянулось...

– Как Анна? – спросил в итоге Мигель, стараясь, чтобы голос его звучал максимально равнодушно.

Антон смотрел прямо перед собой.

– Плохо, – ответил он. – Очень плохо.

– Она не захотела меня видеть, – сказал Мигель.

– Я знаю, – откликнулся Антон без всякого злорадства. – Меня она тоже не хотела видеть.

– Но тебе удалось? – Мигель наконец нашел в себе силы повернуть голову и посмотреть на Ланского. Тот сделал неопределенный жест.

– Удалось – громко сказано, – признался Антон. – Жики заставила ее поговорить со мной. Наверно, ей долго пришлось настаивать.

– И что теперь?

– Она уехала, – коротко ответил Антон. – В Париж вместе с Жики.

Мигель не собирался рассказывать Антону, что прекрасно знает, где находится Анна, и более того, уже пытался встретиться с ней – правда, безуспешно. Конечно, если б его поездка в Париж и визит на улицу Жирардон оказались бы более удачными, то, вероятно, он не преминул бы доложить об этом Антону. Но пока хвастаться было нечем, и поэтому он только спросил:

– Ты ей звонил?

– Нет. Это ее право – не видеть меня, если не хочет. Захочет – она знает, как меня найти. Лучше глянь-ка, кто пожаловал...

Мигель посмотрел направо и увидел бредущего по коридору Орлова. Тот выглядел скверно – небрит, неряшливо одет, и, как показалось испанцу, не совсем трезв.

– Ты что тут делаешь? – сквозь зубы спросил Мигель.

Орлов не ответил, даже не поздоровался, а только коротко взглянул на них и постучал в дверь с табличкой «Старший советник юстиции следователь по особо важным делам Сергеев В.В.»

– Заходите, – услышали они и Орлов скрылся за дверью.

– Думаю, нам тоже пора, – Антон встал. Он не стал стучаться и зашел в кабинет. Мигель последовал за ним. Орлов уже расположился на одном из стульев у стены. Антон и Мигель сели напротив.

– Спасибо, что откликнулись на мое приглашение, – Сергеев вынул из стола пухлое дело и начал, не торопясь, развязывать тесемки папки. Антон удивился про себя – неужели дела еще ведутся на бумаге? Он был уверен, что все давно уже хранится на цифровых носителях. Тем не менее, перед следователем оказалось вполне традиционное дело, и он, наконец, тесемки развязал и принялся в нем копать. Пауза становилась невыносимой. Первым не выдержал Мигель.

– Господин следователь, вероятно, хотел нам что-то сообщить? – в его голосе явственно звучала ирония. Но Сергеев счел за благо ее не заметить.

– Да-да, – буркнул он. Тут снова распахнулась дверь, и на пороге появился хорошо знакомый всей троице капитан Глинский. Вернее – майор Глинский. На его кителе – кстати, Мигель подумал, что он впервые видит этого длинного опера в форме – красовались новенькие майорские погоны. «Не иначе, специально для нас в форму вырядился», – едко заметил про себя Мигель.

– Здравствуйте, господа, – Глинский занял место за столом.

– Ну вот и славно, – сказал Сергеев. – Наконец все собрались. И я хотел бы вам сообщить плохую новость.

– Ничего хорошего я и не ожидал здесь услышать, – буркнул Орлов.

– Не думаю, что вы ожидали услышать *настолько* плохую новость, – язвительно отозвался Сергеев.

– Неужели меня снова упекут в СИЗО? – поинтересовался Орлов. – Это становится доброй традицией.

– Такая новость была бы недурна, – не удержался Мигель.

– Прекрати, – с досадой одернул его Антон, – хватит уже. И так натворили дел.

– Вот именно, – признательно кивнул Виктор. – Поэтому вам лучше внимательно послушать, сделать выводы и принять меры предосторожности.

– Даже так? – покосился в его сторону Мигель. – И что же случилось?

– Неделю назад из тюремной больницы в Крестах бежал ваш друг – Олег Рыков, – отчеканил следователь. – Ну, или бывший друг – так наверно, точнее...

Воцарилась тишина, нарушаемая только тиканьем часов на стене. Все трое – Орлов, Ланской и Кортес – пытались осмыслить услышанное, что, однако, оказалось сложно.

– То есть, как? – Антон первый обрел способность говорить. – Как сбежал? Он же...

– Нет, – опередил его Глинский. – Сергей Булгаков Рыкова не убил. Только покалечил.

– Наш Серж полон сюрпризов, – ядовито протянул Мигель. – То Анна вдруг оказалась жива, после того, как мы все ее в душе похоронили, а теперь – и этот упырь. Прямо мастер воскрешений.

– Неуместная ирония, – размеренным голосом произнес Антон и добавил: – Почему нам сразу не сказали, что он жив?

Следователь не удостоил его ответом, а Глинский не удержался от сарказма:

– Извините, что не отчитались перед вами, господин Ланской! Как-то недоработали, исправимся. Рыкова поместили в тюремную больницу в Крестах. Все считали – а врачи подтверждали со всей определенностью, что он останется овощем или вообще не доживет до суда. Он так хорошо там лежал, в тюремном лазарете...

– Ага... – хмыкнул Сергеев. – Пока однажды утром к нему не зашел санитар и не обнаружил камеру пустой. Ваш приятель словно испарился.

– Прелестно, – желчно вставил Орлов. – И что теперь?

– Теперь вам следует быть особенно осторожными. Мы не стали приглашать сюда ни Астахову, ни Королеву, говорить им или нет – полагаю, вы решите без нас.

– Ни в коем случае! – Антон взволнованно встал. – Случившееся может стать для них обоих слишком большим стрессом. Как вы считаете? – он обвел взглядом остальных. – Тем более, Анны нет в Москве. Теперь, наверно, это и к лучшему.

– Что касается Королевой – вам решать, – кивнул Сергеев. – А что с Астаховой? – спросил он Орлова. – Вы сможете позаботиться об ее безопасности?

Орлов поднял на него тяжелый взгляд.

– Хватит глумиться надо мной! Вы прекрасно знаете, что у нее теперь другой защитник...

– Я не слежу за вашей личной жизнью, господин Орлов, – сухо сказал Сергеев.

– Завтра увижу Булгакова и передам, – Глинский обращался к следователю, но его прекрасно слышали все. – Не хотелось сообщать ему по телефону, потому что...

– Ах да, вы же... – следователь спохватился, проглотив слово «друзья». – Ну да, конечно, конечно...

– И что, вы думаете, Рыков теперь будет делать? – спросил Ланской.

– Мы полагаем, у него есть надежный помощник, – мрачно сообщил следователь. – И что Рыков уже покинул страну.

– Как это возможно? – Мигель в недоумении свел черные брови. – Вы знали, что он попытается сбежать из России и не смогли ему помешать?

– Все произошло слишком быстро. Конечно, мы сообщили на все посты на воздушных, сухопутных и морских выездах из страны, но уверен, ему удалось проскочить. Скорее всего, по поддельным документам. И, думаю, он изменил внешность. Конечно, пластическую операцию сделать не успел бы. Но есть масса других способов.

– На какие шиши? – вдруг поинтересовался Ланской. – На все это нужны деньги, и немалые. Откуда они у Рыкова? Наверняка все его счета арестованы, разве не так?

– А это отдельная история, – начал Глинский, но примолк, выжидательно посмотрев на следователя. Тот помедлил мгновение, а потом разрешающе кивнул – мол, говори.

– Спустя несколько часов после побега Рыкова, со счетов компании, в которой он работал до ареста – а как вам известно, это крупная транснациональная корпорация – со счетов этой компании исчезло пять миллионов евро.

– Сколько?! – не сдержался Мигель. – Ни х... себе! Да, гениально, нечего сказать... Вы уверены, что это он?

– Движение денег отследить не удалось, – продолжил Глинский, не удостоив его взглядом. – Как корова языком слизнула. Но это точно его рук дело. Пять миллионов евро. Да... С ними он не пропадет. А фальшивые документы в нашей стране сделать, к великому прискорбию – раз плюнуть.

– Piece of cake, – обронил Орлов, уставившись в окно. Низко в небе с карканьем металась стая воронья, растревоженная городским шумом. – Рыков говорил «Piece of cake» – его любимая присказка. Раз плюнуть...

– Ну, не знаю, что он там говорил, – с раздражением отозвался Сергеев. – Но вы, господин Орлов, должны быть особенно осторожны, учитывая его исключительную привязанность к вам. Если ему не удалось выехать, то он может продолжить начатое. И конечная цель, уважаемый, это вы! – он в упор смотрел на Орлова, но на лице того ни один мускул не дрогнул.

– Плевать. Мне все равно. Пусть приходит. Я вырву ему...

– Ничего вы ему не вырвете, – чуть презрительно перебил его Глинский. – Если уж вашему другу Булгакову не удалось...

– Он мне не друг, – огрызнулся Орлов, и взгляд его наполнился злобой. – Он неудачник и идиот.

– Я б так не сказал, – проворчал Виктор. Не так давно он присутствовал на скромной свадьбе Сергея и Катрин. Майору до чертиков захотелось объявить об этом, и он еле сдержался.

– Неудачник и идиот, – упрямо повторил Орлов. – Да еще руки у него черт знает откуда растут. Урода этого не смог прикончить. Уж я бы не промахнулся.

– Где ж вы были раньше? – в усмешке Виктора сквозила неприкрытая ирония.

– Где вы были полгода назад? Когда Рыков похитил Катрин? Что-то я вас не видел в Репино. Булгакова видел. Видел, как он вынес ее из коттеджа, еле живую. Руки его видел в крови – а вот вас там не оказалось...

Орлов взвился:

– Я хотел поехать с вами! Вы меня не взяли!

Глинский поднял брови:

– И что? Небо – бескрайнее, места хватило бы всем. Было б желание. Впрочем, я не собираюсь с вами спорить. Какой смысл? Если ваша женщина предпочла вам другого – это, в первую очередь, ваша вина. Наши доблестные органы правопорядка здесь ни при чем.

Орлов не ответил, но побагровел от гнева – казалось, еще немного и его хватит удар. Виктор наблюдал за ним не без удовлетворения. Ну что ж! Каждому в этом мире воздается по заслугам. Правда, воздаяние порой запаздывает, медлительное оно какое-то...

Покинув кабинет следователя, Мигель, махнув рукой Ланскому, быстро удалился, бросив его с Орловым, насупленным и исполненным неприязни ко всем вокруг. Антон повернулся к нему:

– Послушай...

– Что? – Глаза Орлова были совершенно больные.

– Мне жаль, что все так получилось, – начал Антон. – Мне, правда, жаль.

– Что тебе жаль? – спросил Орлов, скривившись. – Тебе жаль, что вы с Кортесом набили мне морду? Так не жалеи. Этот полицейский, мать его, по-хорошему прав. Я сам во всем виноват.

– Мне жаль, – повторил Антон. – Мне жаль, что все так закончилось.

– Закончилось? – переспросил Андрей удрученно. – Ты действительно полагаешь, что все закончилось? Этот кровосос на свободе. Думаю, теперь нам всем мало не покажется.

– Я не боюсь за себя, – произнес Антон. – Я боюсь за Анну и Катрин. Он не успокоится.

– Позаботься об Анне, – тихо ответил Орлов. – Кроме тебя – кто?

– Да, – Антон наклонил голову. – Кроме меня – некому. А Катрин?

– С ней – Булгаков, – с болью проговорил, а вернее, простонал Орлов. – Что я могу?..

– Не сомневаюсь – можешь, – твердо сказал Ланской. – Когда придет время – помни, ты перед ней в долгу.

Орлов кивнул и протянул Антону руку. Тот сжал ее на прощание, и, думая, что, наверное, они виделись в последний раз, отправился на работу. От всего происходящего веяло таким невыносимым холодом, над всеми ними витала смерть, такая неотвратимая и беспощадная, что Антон физически ощутил ее стылое, смрадное дыхание...

...Оставалось самое неприятное. Виктор не спал ночь, обуреваемый сомнениями, как сказать Аликс, что Рыков, ее единокровный брат, бывший любовник и отец ее сына, жив и, более того, бежал из тюрьмы. Майору с трудом верилось, что тот, слиняв из питерских Крестов, вернется в Москву. Скорее всего, пройдет через пропускной пункт на границе с Финляндией. И даже рискнув вернуться, сомнительно, что он отправится к той, которую так безжалостно обманул.

Виктор ни на секунду не допускал мысли скрыть от Аликс, что Рыков на свободе. Он видел, что Александра старается избегать разговоров о брате, но не сомневался, что мысли о циничном предательстве того преследуют ее – такие раны не заживают сами по себе. И лучше прижигать их сразу, а не бередить напрасными сожалениями и чувством вины. Какая вина? Не признайся Аликс, что следила за своим парнем, и видела, как тот вошел в дом Ланских – и находился там во время покушения на Анну Королеву – как знать, может до сих пор они бы собирали за Рыковым женские трупы. Она положила конец его преступлениям – как если бы пристрелила Рыкова собственными руками.

Не придумав ничего путного, он выложил ей все, как есть. Она даже не побледнела, а посинела. Хорошо, рядом стояла мать, а то Аликс рухнула бы на пол в прихожей. Анастасия удержала ее, подхватив под локоть, и отвела в комнату. Виктор продолжал топтаться у входной двери, не зная, что делать дальше – то ли бежать на работу, то ли разуться и пройти за Аликс и Анастасией. Но его никто не звал.

Наконец Настя вышла из комнаты, притворила за собой дверь.

– Пусть спит, – сказала она. – Господи, Виктор, что же теперь будет?

– Я не знаю, – признался он. – Его ищут, но...

– Но что?

– Думаю, он уже выехал из России.

– Вы уверены?..

Виктор почувствовал досаду – но не на Анастасию, а на самого себя.

– Как я могу быть уверенным? Как с этой мразью можно вообще в чем-то быть уверенным?.. Он непредсказуем и опасен.

– И что дальше?..

Они молчали несколько минут, а потом она нерешительно спросила:

– Виктор, у вас, наверное, остался телефон отца Олега... и Шурки. Я хочу ему позвонить и сообщить, что у него родился внук.

– Вы считаете, это разумно? – засомневался Глинский.

– Мне кажется, Лев имеет право знать, – ее голос звучал нерешительно. – На него столько свалилось. Я считаю, все, что случилось с его семьей – это возмездие. Но он уже заплатил сполна, и жизнь его разрушена: с работы выгнали, жена умерла, сын – маньяк-убийца в розыске... Пускай знает, что у него есть внук.

– А если Рыков-старший сообщит сыну, что у того родился сын? Я, Настя, вовсе не уверен, что они не поддерживают никаких контактов. Или что сынок не попытается связаться с папашей в один прекрасный день. Что в этом случае придет в его безумную голову?

– Вы считаете это настолько опасным? Какова вероятность, что Олег узнает?

Виктор пожал плечами:

– Трудно сказать. Если решите сообщить, то надо предупредить Рыкова-старшего, чтобы ни в коем случае не проболтался своему отродью про ребенка. Надеюсь, у него хватит благо-разумия.

– Надеюсь, – кивнула Анастасия. – Так вы дадите мне телефон?

– Да, – решительно ответил Виктор, – хотя, может быть, мы совершаем ошибку...

Тут Анастасия прислушалась.

– По-моему, Шурка зовет, – она приоткрыла дверь в комнату.

– Мама... Витя ушел?

– Он здесь, – Анастасия кинула на Виктора встревоженный взгляд.

– Пусть зайдет, – и он метнулся к ней, но Анастасия схватила его за рукав: – Куда в обуви?! Там же ребенок грудной!

И он стал торопливо скидывать тяжелые зимние ботинки.

Аликс свернулась калачиком на кровати, укрывшись теплой шалью с кистями. Ее щеки были влажны, и слезы блестели в неярком свете торшера. Уже спустилась ночь – а Виктору нужно было ехать в отдел, разгребать запущенные дела. Но пока он не мог оставить ее одну.

– Витя, – она протянула руку. – Сядь рядом.

Он послушно опустил плечо подле Аликс, коснувшись спиной ее бедра.

– Я хочу попросить тебя, – чуть слышно сказала она.

– Что угодно, – откликнулся он.

– Ты не мог бы пожить у меня? – еще тише сказала она. – Хотя бы недолго. Мне страшно.

Виктор молчал, ошеломленный ее просьбой. Близкие отношения, возникшие между ними на короткое время, естественным образом сошли на нет в последние месяцы беременности Аликс, а после родов она ни разу не попросила его остаться ночевать – словно перестала видеть в нем мужчину. Но он все же старался быть рядом, смирившись с ролью друга. Конечно, его обижала отстраненность Аликс, но он пытался оправдать ее усталостью и поглощенностью маленьким сыном. «Это пройдет, – уговаривал он себя, – однажды она вспомнит обо мне, и все будет хорошо» Но интуиция опера недоверчиво посмеивалась над его надеждой. И вот – она просит его пожить у него. Еще недавно он не стал бы брать эту долгую, невыносимую паузу...

– Прости, – она потянула шаль на голову, чтобы он не видел слез разочарования. – Прости. Иди... Ты иди...

Что ж он молчит, идиот! К кому ей еще обратиться, кто, кроме него, сможет защитить ее от безумного брата?

– Конечно, милая, – он погладил ее по плечу. – Конечно, я поживу с тобой и малышом. Вам нечего бояться. Я останусь так долго, как ты захочешь.

– Правда? – она снова открыла заплаканное лицо. – Это тебя не сильно обременит?

– Совсем не обременит, – улыбнулся он. – Совсем.

– Хорошо, – она тоже наконец улыбнулась. – Ты сейчас поедешь на работу?

– Да, милая, – он рукой отер ее слезы. – Но утром я заеду домой и привезу кое-какие вещи... если не возражаешь.

– Конечно. Я сегодня разгребу шкаф и выделю тебе место. В нем такой, знаешь, бардак. Ах да! Ты не мог бы машину завести и погреть пару минут, когда на работу поедешь? – спросила она. – А то аккумулятор сядет. Холодно.

– Конечно. Где ключи?

– Там, – она махнула рукой в сторону комода и зевнула. – Спать хочу.

– Конечно, – он склонился, чтобы поцеловать ее в золотисто-рыжий висок. – Спи, милая...

Ключи валялись на хрустальном блюде вместе с несколькими серебряными кольцами и браслетами. Цепочка одного из браслетов попала в верхний ящик комода и застряла в нем, мешая тому закрыться. Виктор немного выдвинул ящик, пытаясь высвободить цепочку, но что-то привлекло его внимание, и он не спешил этот ящик закрывать.

Фотографии – а вернее, обрывки фотографий. Каждая карточка разорвана на несколько кусочков, достаточно крупных, однако, чтобы Виктор разглядел счастливые глаза Аликс, стройную фигуру ее высоколобого спутника, их переплетенные руки. Он никогда не видел, чтобы она смеялась так, как на этих разорванных фотографиях – весь верхний ящик оказался забит ими. Виктор осторожно вытащил цепочку от браслета и прикрыл комод.

Середина марта 2011 года. Аэропорт Шереметьево, Москва

– Я могу вам помочь? – девушка в униформе появилась неожиданно, и он вздрогнул. Стоявшая рядом с ним молодая женщина в светлой норковой шубке кожей ощутила эту дрожь и незаметно сжала его ладонь. Он высвободил руку и улыбнулся продавщице в ответ.

– Благодарю, я уже нашел, что мне надо, – он взял с полки Courvoisier Extra. Коньяк переливался янтарным цветом с оттенком красного дерева.

– Прекрасный выбор, – девушка явно обрадовалась состоятельному покупателю. – Еще что-нибудь?

– Дорогая, – обратился он к спутнице. – Тебе взять хорошего вина?

Та покачала головой – больше всего ей хотелось стремглав выбежать из магазина и спрятаться до вылета в туалете, чтобы случайно с кем-нибудь случайно не столкнуться. Наверняка их ищут! А он рискует делать такие дорогие покупки. Как можно быть столь неосторожным! Она чувствовала, что ее нервы начинают сдавать.

– Я выйду... Дима, – она чуть не назвала его настоящим именем, но вовремя спохватилась. В ее больших серых глазах металась отчаянная паника.

– Конечно, – кивнул он и, эскортируемый продавщицей, отправился к кассе. По дороге он все же прихватил бутылку белого Sancerre – это она сейчас говорит, что ей ничего не надо, трясется от страха, как глупая овца, а когда они прибудут на место, ей захочется снять стресс... И совињон придется в самый раз.

Доставая бумажник, он краем глаза следил за ней. Она вышла из алкогольного бутика и в растерянности озиралась вокруг, словно не понимая, где находится. Черт, не оберется он с ней проблем...

– Что, простите? – к нему обратились с вопросом, но он совершенно его упустил, стараясь сохранить свою спутницу в поле зрения.

– Ваш посадочный талон, пожалуйста, – повторила продавщица терпеливо. – Чем будете расплачиваться?

– Картой, – машинально ответил он, протягивая ей платиновую Visa.

– Я имею в виду, какой валютой? – спросила девушка.

– Евро.

– С вас пятьсот двадцать евро, – радостно сообщила продавщица.

«Интересно, улыбка полагается всем, кто совершает покупки на полштуки?» – подумал он, забирая карту. Схватив бутылки в наглухо запечатанном пакете, он выскочил из бутика. Его спутницы нигде не было видно.

«Вот трусливая баба. Сам виноват, нечего было ее с собой тащить. Зачем она тебе сда-лась?»

Но в который раз он повторял себе, что ее нельзя было оставлять в Москве. Рано или поздно к ней бы пришли – и неизвестно, стала бы она молчать, когда менты нажали б на нее пожестче. Несомненно, из нее вытянули бы все что она знала. А знала она, к сожалению, много. Конечно, в идеале стоило ее убрать, но он чувствовал себя обязанным ей, а в список его многочисленных грехов неблагодарность не входила. Она истратила все свои средства, продав даже однокомнатную квартиру, чтобы вытащить его из лазарета в Крестах, где он валялся, изображая овощ, прокливаемый всеми и снедаемый смертельной ненавистью, ревностью и злобой... Поэтому пока она едет с ним, а там – посмотрим...

Он, наконец, нашел ее. Она сидела на ступеньках лестницы, ведущей на второй этаж зоны вылета. Она была такая бледная, что ему стало не по себе.

– Что ты тут расселась? – наклонился он к ней.

– Я боюсь, – прошептала она. – Олег, я так боюсь... я ничего не могу с собой сделать...

– Милая... – он потрепал ее по щеке. – Не бойся ничего. Мы вместе – и это главное. Сейчас объявят посадку на наш рейс, и все закончится. Через несколько часов мы окажемся далеко отсюда. Все останется позади. У нас прорва денег, ты никогда ни в чем не будешь нуждаться. Пойдем. Милая, поднимайся.

Он видел, что ласковые слова успокоили ее. Она схватилась за его ладонь, как за спасательный круг, он помог ей подняться, и они пошли к своему посадочному выходу. Со стороны казалось – это любящая пара: он нежно обнимал ее за талию, она опиралась на его руку. Еще полчаса – и они покинут Москву и улетят туда, где их никто не знает и никто не найдет. Пока она не создает ему проблем – пусть живет.

Размышляя таким образом, он налетел на свою спутницу, резко остановившуюся, словно споткнувшись на ровном месте.

– О господи, – прошептала она.

– Что? – он тревожно оглянулся по сторонам.

– Там, у рекламы Chanel, справа... – она быстро отвернулась, спрятав лицо у него на груди. – Там эта... Катрин...

Сердце его замерло. Он проследил за тем, куда показала его подруга и тоже остолбенел. Около рекламного щита Chanel стояла молодая женщина с каштановыми волосами, небрежно собранными в тяжелый узел, с неизменными солнечными очками на идеальном носу. На ней были коричневые кашемировые брюки и короткая, до талии, дубленка, отороченная мехом. Он неторопливо достал из кармана темные очки. Теперь она ни за что его не узнает.

– Бежим, – подруга тянула его за рукав. – Скорее, пока она нас не заметила.

– Подожди, – он стряхнул ее руку. – Мне интересно...

– Боже мой! Если она тебя увидит...

– Так! – он повернулся к ней. – Замолчи немедленно! Я должен понять, куда она летит.

Ты представляешь, что будет, если она летит тем же рейсом? Так что заткнись и не мешай!

Его лживые аргументы подействовали безотказно. Она послушно затихла и спряталась за ним, стараясь даже не смотреть в сторону той, из-за которой на любимого обрушились все несчастья. Та, которая оболгала его, из-за которой он оказался на грани жизни и смерти.

Тем временем Олег Рыков не сводил хищных глаз с Катрин. В его сердце бушевали и радость от того, что она жива и с ней все в порядке, и вновь проснувшаяся ревность к тому, кого она так преданно любит, и желание, душившее его, словно петля виселицы. А главное – насмешливое презрение к самому себе, что он так и не смог избавиться от тяги к ней. Но тут появился высокий широкоплечий мужчина, и по-хозяйски обнял Катрин, даже прижал ее к себе. Она не оттолкнула его, напротив, рука женщины легла ему на пояс, а точнее – на пряжку ремня. В ее жесте было что-то невероятно интимное – и он с изумлением узнал в обнимающем Катрин мужчине своего друга Сергея Булгакова. Того, кто чуть не убил его несколько месяцев назад. Вот, значит, как – они вместе! Более того – на правом безымянном пальце Сержа блеснуло тонкое кольцо. Рук Катрин он не видел, но вряд ли Булгаков будет носить обручальное кольцо от первого брака – кольцо Алены. Значит, они женаты.

Значит, его догадка на той даче в Репино, где он держал Катрин пленницей, оказалась верна. Неужели Катрин сказала ему правду, и она больше не любит эту скотину – Орлова! Ну, то, что она нравилась Булгакову – для него никогда не являлось секретом, впрочем, как ни для кого. Тот никогда особо сей факт и не скрывал – в отличие от самого Олега. Но насколько чувство Булгакова к ней оказалась всепоглощающим и всепрощающим, что Серж женился на Катрин после того, что он, Олег Рыков, с ней сделал! Хотя, если вспомнить, с какой ожесточенной яростью Серж сражался с ним и был готов его убить, и почти убил – да, несомненно, он страстно влюблен в эту женщину. Интересно, она и не пыталась вернуться к Орлову? Или он просто ее не принял? Ну, до Орлова он еще доберется, а вот что теперь делать с Катрин? Он не может так все оставить...

– Олег, прошу тебя, – скулеж за его спиной становился невыносимым. Ему стоило больших усилий сдерживаться.

Но вот Катрин и Серж чуть отстранились, чтобы прислушаться к голосу диктора. Заканчивалась посадка на лондонский рейс. Они снова вцепились друг в друга и побежали. Значит – Лондон? Ну, что же... пока им не по пути. Пока...

Прошел год

12 февраля 2012 года, Париж, Левый берег

Антуан Гийом вступил в темный зал, затаив дыхание, и в который раз с восхищением обвел взглядом изысканно подсвеченные гобелены в красных тонах, отливающие золотом и перламутром. Каждый раз, он, парфюмер из Граса, приезжая в Париж, шел в этот зал, словно на свидание с Прекрасной дамой и ее чудным единорогом. Пять из шести шпалер¹⁴ – аллегории пяти чувств – слуха, осязания, зрения, вкуса и, самого важного для мэтра Антуана – обоняния, хотя любой парфюмер знает, что для создания совершенного аромата необходимо включать все чувства – одного обоняния мало. Тонкая и изящная, богато одетая дама, идеальная красавица Ренессанса, как нельзя более точно олицетворяла идею, которую он старался донести в каждом из создаваемых им ароматов. Изысканная причудливость, скрытая женственность, не шокирующая глаз сексуальность. Гобелены дарили ему вдохновение, и этого вдохновения хватало на год, а через год он вновь возвращался в Клюни¹⁵.

Но в этот раз его внимание особенно притягивала шестая шпалера, для которой у каждого находилось свое толкование. . . Мэтр Антуан видел в ней Любовь, как единение всех пяти чувств. «*A mon seul désir*» – «По моему единственному желанию». Что, как не любовь, составляет единственное желание любого живущего на земле? Деньги, власть, карьера – все меркнет перед ее всепобеждающей силой. Дабы лучше изучить шестую шпалеру, Гийом уселся на скамью, и погрузился в созерцание. Прелестная дама, ее служанка, маленький единорог и наивный средневековый бестиарий¹⁶ . . . Мэтр Антуан как зачарованный пожирал глазами гобелен, наслаждаясь его утонченностью и сиянием.

«Опять эта невыносимая *Coco Mademoiselle*», – с внезапным раздражением Гийом отвлекся от багряно-золотистой шпалеры. Он скосил глаза – рядом на скамейку опустилась молодая дама в белом пальто. «И что они все находят в этом бездарном парфюме, – с досадой подумал он, – что заставляет такую милую девушку звучать такими вульгарными пачулиями. . .» Мэтр Антуан прикрыл нос кашне и вновь попытался сосредоточиться на шпалере. Но удовольствие оказалось подпорчено. Он пытался отвлечься от назойливого запаха, но тщетно. Он уже был готов встать и пойти проветриться, как другой аромат, мощный, мужественный и смолистый, проник в его искушенный нос. «Это уже лучше, – пробормотал мэтр Антуан. – Гораздо лучше. Если не ошибаюсь – *Caron Yatagan*. Хорош, хорош. . . На нем – излишне маскулинный. . . Но все равно – хорош».

Сидящая рядом женщина, видимо, тоже почувствовала этот волнующий запах нагретого солнцем дерева и дубового мха, потому что вздохнула и замерла. Спустя мгновение *Yatagan* стал звучать слабее, но прибавилась какая-то лишняя нота – в воздухе зазвенел металл, припорошенный ржой. Мэтр безошибочно распознал эту ноту. Но откуда ей взяться здесь, в темном зале, среди совершенных шпалер, чье имя вечность? Постепенно металл поглотил все остальные запахи, а их в темном зале витало немало, и все разной интенсивности. Гийом терпел еще несколько мгновений, пока запах крови не накрыл его целиком, проникая не только в нос, но заполняя каждый сантиметр его кожи, забиваясь в каждую складку его одежды. . .

Музей пришлось закрыть, всех посетителей без особых извинений выгнали. Когда пришла полиция, музейная смотрительница уже пришла в себя от обморока, а мужчина средних

¹⁴ Шпалера – гобелен, стеной односторонний безворсовый ковёр с сюжетной или орнаментальной композицией, вытканый вручную перекрёстным переплетением нитей.

¹⁵ Государственный музей Средневековья – термы и особняк Клюни, музей в 5-м округе Парижа, в Латинском квартале – обычно называется музей Клюни.

¹⁶ Средневековое описание реальных или мифологических животных.

лет, по виду и по выговору – провинциал, сидел у стены на полу и плакал, вытирая слезы шарфом, обмотанным вокруг шеи. На одной из скамеек завалилась набок молодая женщина в длинном белом пальто, залитом кровью, все еще текущей из перерезанного горла. В ее распахнутых глазах застыло радостное удивление... Рядом лежала ее сумочка – дорогая, из мягкой коричневой кожи.

Инспектор уголовной полиции Барбье присел рядом на корточки и осторожно, хотя его руки и были в перчатках, раскрыл сумочку. Первое, что он увидел – паспорт в темно-красной обложке. «Russian Federation, – прочел Барбье и с досадой поморщился, – опять русские... Покоя им нет. Уже в музеях мочить друг друга начали...» Согласно паспорту убитую звали Буяновой Ксенией, двадцати пяти лет от роду. Открытая шенгенская виза на три года – и по всему выходило, что она въехала во Францию в марте прошлого года.

– Пробей-ка мне эту красотку, – Барбье сунул паспорт одному из полицейских. Тот взял паспорт и исчез, а инспектор обратился к служительнице – пожилой седовласой даме, которая сидела на стуле и плакала.

– Мадам, – он сел напротив нее. – Это вы обнаружили труп?

Дама отчаянно замотала головой и кивнула в сторону сидящего на полу господина.

– Вот он, – она всхлипнула. – Он подошел ко мне и сказал ужасную вещь.

– Что он сказал?

– Он сказал, что от женщины, которая сидит рядом с ним, звучит кровью.

– Так и сказал? – Барбье не удивился.

Служительница кивнула:

– Я не поняла, что он имел в виду, но поднялась посмотреть. Мадемуазель сидела, опустив голову, и когда я тронула ее за плечо, начала падать... – дама опять зарыдала.

– Принесите воды! – крикнул Барбье, а сам почесал затылок. Затем встал и направился к мужчине, привалившемуся к стене под шпалерой «Зрение».

– Поднимайтесь, мсье, – не церемонясь, сказал он. – Что это вы тут расселись? Садитесь вон на скамейку.

– На скамейку? – в глазах Гийома забился панический страх. – Там же она... сидит...

– Значит, на другую скамейку! – сердито оборвал его Барбье. – И держите себя в руках.

Вы же мужчина, в конце концов...

Гийом с видимым усилием заставил себя подняться. Ступая неуверенно, словно пьяный, он грузно опустился на одну из скамеек. Инспектор достал из кармана блокнот и ручку.

– Вы парфюмер, – это был даже не вопрос, а констатация факта.

Гийом поразился.

– Как... как вы узнали? На мне даже парфюма нет – не пользуюсь, – пробормотал он.

– Если от нашего брата француза не пахнет парфюмом, значит, он парфюмер, – усмехнулся Барбье.

– Вы правы... – кивнул Гийом. – Мы не...

– Я имел дело с людьми вашей профессии... По долгу службы, – перебил его Барбье. – Они мыслят такими же категориями. Один из фигурантов дела, которое я расследовал, парфюмер, как и вы, заявил, что за пять минут до того, как произошло убийство, в доме запахло пирожными masagoon¹⁷. Представляете? По этому аромату мы тогда нашли убийцу.

– Убийца носил Un Jour à St-Jean-de Luz¹⁸? – несмело улыбнулся Гийом. – Эта нота редкая.

– Нет, он всего-навсего фасовал пирожные в кондитерской. Но мне нравится ваш подход. Расскажите про свои ощущения.

¹⁷ Вид круглых пирожных из миндаля и безе, национальный французский десерт.

¹⁸ Аромат парфюмерного дома Parfums et Senteurs du Pays Basque, выпускающего селективную парфюмерию (фр).

Мэтр Гийом казался польщенным. Он опустил нос в шарф и зажмурился, призывая на помощь профессиональную память.

– Сначала звучала эта вульгарная Coco Mademoiselle. А затем я увидел рядом с собой девушку в белом пальто. Такая красивая девушка и такой пошлый парфюм, – проворчал он, – возмутительно...

– А мне – ничего... – удивился инспектор. – Моя жена им пользуется...

– Я слышу, – дернул Гийом носом. – Простите, но это вульгарно. Вы ей порекомендуйте сменить туалетную воду. Она же туалетной водой пользуется, так?

– Вот уж не знаю, – пожал инспектор плечами.

– Ею, не сомневайтесь... А от этой красотищи звучало духами, именно духами, там не было шлейфа.

Инспектор терпеливо слушал. Любая мелочь могла оказаться существенной.

– Сейчас мало кто пользуется духами – дорого. Чаще предпочитают парфюмированную или туалетную воду, – продолжал Гийом. – Так что девушка – явно не из бедных.

Что погибшая при деньгах – инспектор уже понял по ее пальто, сумке, а главное, обуви. А вот еще, оказывается, и духи. Замечательно.

– Что дальше? – с интересом спросил Барбье.

– А дальше появился Yatagan.

– Кто появился?

– Я не видел кто, – покачал головой мэтр Антуан. – Но на нем был именно Caron Yatagan. Вне всякого сомнения. Отличный аромат.

– Мужской? – спросил инспектор.

– В принципе – да. Но я знаю, дамы им не гнушаются – уж больно элегантен. Но это был мужчина, совершенно точно.

– Почему вы так уверены? Вы его видели?

– Да вы что! – Гийом посмотрел на него, словно на слабоумного. – Вы когда-нибудь слышали выражение «химия кожи»? Так вот – на мужчине и на женщине один и тот же аромат звучит абсолютно по-разному. Более того – на людях разной расы он звучит по-разному. И более того – на разных людях он... Итак, я утверждаю – это был достаточно молодой мужчина, европеец. Скорее всего, блондин или светлый шатен. Хотя я его не видел.

– Даже так? – инспектор недоверчиво поднял брови. – Может, еще и внешность опишете?

– Нет, – Гийома обидел его недоверчивый тон. – Напрасно вы иронизируете. Внешность не опишу, врать не буду. Могу только сказать, что, судя по интенсивности аромата, скорее всего, он высокого роста. Но тут могут быть нюансы...

Вернулся с паспортом полицейский, которого инспектор посылал проверять данные и подал тому издалека знак.

– Буянова Ксения въехала во Францию через Руасси вместе с мужем, Дмитрием Буяновым, тоже гражданином России. Он снял квартиру здесь недалеко, на Вожирар. Мы послали туда людей.

– Да, конечно, – почему-то у Барбье не возникло ни малейшего сомнения, что никакого мужа там они не найдут и дело – висяк. Кроме сочинения о французской парфюмерии и этого неадекватного господина у них нет ничего.

– Думаю, все произошло так... – Барбье задумчиво смотрел на девушку. – Он приблизился к ней сзади, конечно, он знал, кто она. Девушка, видимо, его ждала. Скорее всего, он коснулся ее, и она подняла к нему лицо – очень уж радостное выражение на нем. Да, она обрадовалась. Может, даже хотела что-то сказать, но не успела. Он перерезал ей горло. Да, нечего сказать, любовное свидание. «Убийство в термах Ключи» – жаль, Сименон умер... Да и инспектор Барбье звучит не хуже, чем комиссар Мегре...

– Здесь есть камеры наблюдения? – спросил он у директора, серьезной темноволосой дамы, появившейся на пороге зала.

– Да, мсье, мы только что их проверили, – у нее был сконфуженный вид.

– И что?

Директор развела руками.

– Все камеры вырубались. Слово их кто-то отключил.

– И кто бы это их отключил? – спросил Барбье. – Не знаете, случайно?..

– Не понимаю вашего тона, – возмутилась директор. – Я работаю здесь двадцать лет и такое впервые! Камеры не работали ровно семь минут. Есть изображение мадемуазель, – она кивнула на девушку в белом пальто, все еще лежавшую на боку, словно она устала и прилегла отдохнуть, – как она заходит в музей, следует по указателям и направляется сюда. А потом здесь садится на скамейку. Все. Потом все отключилось. Можете сами взглянуть.

– Взгляну, куда я денусь, – проворчал инспектор. Зазвонил его телефон, и он сделал шаг в сторону, чтобы ответить на звонок. Это звонил сержант, которого послали на улицу Вожирар.

– Вам следует приехать сюда, мсье инспектор, – сказал полицейский. – Здесь никого нет, и, похоже, уже не будет.

– Сейчас приеду, – буркнул Барбье и повернулся к полицейскому, с которым говорил минутой ранее. – Снимите показания с этого мсье и запишите его данные. Пусть задержится хотя бы на сутки. Тело можете увозить.

– Да, мсье инспектор, – кивнул тот, и Барбье стремительно вышел из зала. Вслед ему смотрела прекрасная Дама – безразличная ко всему, кроме своего маленького друга-единорога... Столь же равнодушно она взирала на худенькую девушку в светлом пальто, скрючившуюся на скамейке – чуть злорадно – она-то прекрасно видела, кто полоснул ту по горлу!..

Отличная квартира в бельэтаже, с видом на Люксембургский сад. Аренда наверняка стоит немалых денег, а учитывая, что обычно оплата вносится за несколько месяцев вперед, должна быть крайне веская причина, чтобы бросить уже оплаченное жилье и исчезнуть в неизвестном направлении.

– Только отпечатки убитой, – сказал криминалист, уже вызванный инициативным сержантом. – Больше ничего.

– Интересно, – Барбье быстро прошел в спальню и остановился перед туалетным столиком. Он увидел на нем то, что и ожидал.

– Молодец парфюмер – стопроцентное попадание.

Скромная белая коробочка с черными буквами и хорошо узнаваемым логотипом на крышке – Сосо Mademoiselle, именно духи, а не что-то еще, а рядом – большой лаконичный флакон четырехугольной формы, с коричневой наклейкой «Caron Yatagan».

– Значит, это ее муж, – пробормотал Барбье. – И свой парфюм он оставил здесь. Скорее всего, по запаху мы его теперь не найдем.

– На бюро, судя по свежим потерностям, стоял лэптоп, – крикнул из гостиной криминалист, – которого нигде нет. Похоже, он его забрал.

– А одежда? – спросил инспектор.

– Одежда, и мужская, и женская, аккуратно уложена, – криминалист кивнул на три вскрытых чемодана посреди комнаты. Над ними уже колдовали эксперты.

– Документы? – спросил Барбье.

– Паспорт на имя Буянова Дмитрия, гражданина России и два билета на завтра, на поезд TGV¹⁹ Париж-Ницца. На его имя и на имя его жены – Буяновой Ксении.

¹⁹ Скоростные поезда во Франции.

– Значит, он ушел с концами, бросив все, в том числе и документы, – проворчал инспектор. – Хрен мы его найдем. Merde²⁰!

– Консьерж показал, что в последний раз видел мсье Буянова сегодня утром, часов в восемь, – доложил сержант. – Он, как всегда, ушел из дома один. Но обычно он вызывает такси, а сегодня ушел пешком. Примерно в час дня ушла и мадам, по словам консьержа, в хорошем, даже радостном, настроении. Точнее время консьерж сказать не может, но мы посмотрели по камерам наружного наблюдения – она ушла без семи минут час. И знаете, что любопытно?

– Что? – равнодушно спросил Барбье.

– Когда этот парень проходил мимо камеры, он всегда либо подносил руку к лицу, словно закрываясь, либо, если на нем была куртка, надвигал капюшон на лоб. Ни на одном кадре нельзя рассмотреть лица. Мы показали паспорт консьержу, и он его не опознал – говорит, есть что-то общее, но это не он.

– Как такое может быть? Не мог же он жить по подложным документам? Хотя почему нет? Вполне мог. Вот что... Пошлите запрос в наше консульство в Москве, – распорядился инспектор. – У них должны быть его фото – он же подавал документы на визу. И после того, как они пришлют фото, дайте его в розыск. И по новостям бы хорошо объявить, в уголовной хронике. Где эти чертовы журналоги? Когда они нужны – никогда их нет.

– Я могу позвонить одному, у меня в «L'express» есть знакомый, – вмешался в разговор криминалист, занимавшийся упакованными вещами. – Если нужно, конечно.

– Позвони, – кивнул инспектор. – Пусть напишет в свою газетенку пару строк, да фото тиснет... Хоть какая-то польза от них будет...

Телефонный звонок оторвал его от невеселых мыслей. Тело мужчины, опознанного по водительским правам, как Буянов Дмитрий, найдено, изуродованное до неузнаваемости, на железнодорожных путях в ста метрах от платформы Северного вокзала.

Конец февраля 2012 года, Штаб-квартира ФБР, Вашингтон, округ Колумбия.

– Специальный агент Джошуа Нантвич к полковнику Фэйрфаксу, – нажав кнопку, доложила секретарша начальнику подразделения и с кислой улыбкой кивнула: – Заходите.

Джош открыл тяжелую дубовую дверь. Алекс Фэйрфакс, полковник ФБР, разговаривал по телефону и жестом подозвал Джоша к столу. Джош, стараясь сохранить отсутствующее выражение лица, невольно прислушался. По тону разговора, ритму и модуляциям полковника он понял, что тот беседовал с иностранцем, хотя Фэйрфакс говорил по-английски. Но – слишком медленно, четко проговаривая слова и не употребляя идиом. Его подозрения подтвердились, когда он услышал «Do svidanya, towarish». Фэйрфакс положил трубку.

– Такие вот дела, сынок, – полковник сунул в рот бриаровый²¹ Dunhill и зажал зубами мундштук из эбонита. – Собирайся и лети в Париж. А потом, наверно, придется в Москву. Какой иностранный язык знаешь?

– Свободно говорю по-французски, – объявил спецгент.

– Н-да... – разочарованно протянул Фэйрфакс. – Не совсем то, что нужно, но сейчас ни одного агента с русским языком под рукой нет. А дело не терпит отлагательств. Оно как раз по твоей части.

– Я готов вылететь сегодня же.

– Сначала изучи вот это, – Фэйрфакс протянул ему флэшку. – Дело почти двадцатилетней давности об исчезновении Кэтрин Жаклин Маккларен, студентки Гарварда.

– И куда она делась?

²⁰ Дерьмо (фр).

²¹ Бриар – материал из плотного древесного нароста между корнем и стволом кустарника эрики, используемый для изготовления лучших курительных трубок.

– Двадцать лет никто не знал. Недавно с нами связались из Москвы, из уголовной полиции и предоставили некоторые сведения об этой девушке. Мы произвели эксгумацию по указанному адресу – Поконо Лейк, Пенсильвания, и в самом деле, обнаружили там истлевшие останки на прилегающем к одному из коттеджей участке. Генетическая экспертиза подтвердила, что эти останки принадлежат именно Кэтрин Маккларен.

– И кто ж так постарался?

– Некто Олег Рыков, сынок российского дипломата.

– Непостижимо! Он задержан?

– Задержан в августе 2010 года по другому делу. До суда не дошло, так как через полгода он благополучно сбежал. По предположениям коллег из Москвы, ему удалось выехать за пределы России, скорее всего, в одну из стран ЕС.

– Ну и бардак у них. Впрочем, везде бардак. У нас через мексиканскую или канадскую границу смыться – раз плюнуть.

– Не преувеличивай, – полковник недовольно поморщился, покусывая мундштук, но затем продолжил: – Предполагается, что он сбежал в Париж – там живет одна из уцелевших жертв. Отправишься напрямик туда. Твоя задача – этого парня найти и препроводить к нам. А поскольку, кроме нас, претендентов на него будет, судя по всему, много, то ты должен обставить всех. Это понятно?

– Да, сэр, – подобрался Джош. – А что со сроком давности?

– По закону штата Пенсильвания смертная казнь ему обеспечена. Убийство первой степени без смягчающих обстоятельств. И хотя ему было всего пятнадцать лет...

– Пятнадцать лет? – нахмурился агент. – Совсем мальчик.

Фэйрфакс помрачнел:

– К делу приложены результаты эксгумации. Труп девушки был расчленен, и аккуратно завернут в полиэтилен. Вот такой мальчик. Русские пояснили, что его мамаша помогала ликвидировать следы. Ее, к сожалению, привлечь не удастся.

– Почему?

– Умерла от сердечного приступа, когда узнала о бегстве своего выродка из тюремной больницы. Очень, очень жаль...

– А за что его задержали? – спросил Нантвич.

– Как это – за что? За убийства и изнасилования, разумеется...

– Позвольте спросить, сэр, что значит – разумеется?

– А то и значит, – с неожиданным раздражением заявил полковник. – Советую связаться с их уголовной полицией и запросить отчет о его художествах. Если повезет, и московские коллеги не станут вредничать – получишь копию уголовного дела. Хотя едва ли. Наш московский агент рекомендует обратиться в убийный отдел уголовной полиции. Конкретно к... – полковник сверился с бумажкой и с трудом выговорил: – Майор Александр Зубов... Хотя нет... он перевелся в министерство внутренних дел... О! Капитан Виктор Глинский. Он занимался расследованием по делу Олега Рыкова. Мистер Рыков убил четырех женщин летом прошлого года в Москве. Еще две чудом избежали смерти. Впрочем, подробностей я не знаю, тебе придется заняться всем самому. Кстати, нелишне встретиться с этими дамами. Одна из них как раз живет в Париже. Знаменитая балерина. Познакомься с ней, поговори.

– Я готов, сэр, – вытянулся Нантвич. Полковник с одобрением смотрел на него. Хорошо, действительно... Если б не дурацкая серьга в ухе.

– Что это у тебя?

Агент машинально дотронулся до серьги.

– Память о безумной юности, сэр, – замылся Джош. – Если прикажете, я ее выну.

– Да нет, какое мне дело до твоей серьги? Хочешь – носи...

– Каковы мои полномочия в Париже, сэр? Насколько далеко они простираются?

– Работаешь один, дергать наших людей не надо, – приказал полковник. – В твоём распоряжении квартира в центре Парижа, а если придется отправиться в Москву, снимешь жилье, какое сочтешь нужным.

– Я не о жилье, сэр.

– Я понял, о чем, сынок. И вот, что тебе скажу – желательно доставить Рыкова к нам живым. Но если возникнет выбор – убить его или оставить Сюрте²²... или московской уголовке – прикончи эту мразь без колебаний... только по-тихому. Ты меня понял?

– Да, сэр.

– Итак, будь готов отправиться в ближайшее время. Спишись с Сюрте, они окажут содействие. Но не особо перед ними раскрывайся – здесь каждый сам за себя. Когда доберешься до Рыкова, обратись в посольство, они помогут его вывезти без лишнего шума. Если действовать официально – черта с два мы его получим. И учти, сынок, Рыков – тот еще фрукт. Хитрый, как сам дьявол и жестокий... как он же. Для него не существует табу – он способен на все. Так что будь предельно осторожен.

– Слушаюсь, сэр, – Нантвич вытянулся перед полковником, а сам подумал, что на его счету уже восемь пойманных маньяков и этот совершенно определенно станет девятым. Девять – его любимое число...

Конец февраля 2012 года, Москва

Лежава вызвал Виктора сразу, как тот появился на работе, ровно в девять. Майор не любил ранних вызовов к начальству – ничего хорошего это обычно не сулило. И действительно, не успел Виктор зайти в его кабинет, полковник бросил перед ним на стол прозрачный файл – с официальной депешей и несколькими фотографиями. С верхнего фото на него смотрело знакомое сероглазое девичье личико с упрямо сведенными бровями. Еще больше ему поплохело, когда он достал из файла остальные фотографии, сделанные в судебном морге. На прозекторском столе лежала Оксана Кияшко – та самая, которую они подозревали в пособничестве побегу Олега Рыкова, и бесследно исчезнувшая в марте прошлого года – сразу после того, как Рыков испарился из тюремной больницы в Крестах. Горло Оксаны было перерезано от уха до уха – страшная рана.

– Он ее убил... – Виктор старался не смотреть полковнику в глаза. Тот хранил многообещающую паузу.

– Откуда это? – спросил майор и, не получив ответа, пробежал глазами бумажку, приложенную к фотографиям. – Понятно, – произнес он и сжал зубы. Записка из французского отдела МИДа кратко излагала преступление, совершенное неустановленным лицом в Париже. Хотя чего там устанавливать, по большому счету. И так все предельно ясно. Она стала ему обузой, и он ее убрал. Невзирая на то, что только благодаря этой влюбленной девочке он выбрался на свободу. Глинский пробормотал:

– Итак, он в Париже.

– Не факт, – холодно ответил Георгий. – Он мог запросто смотаться оттуда сразу после убийства. И это самое разумное, что ему следовало сделать. Зачем рисковать, оставаясь там?

– Его может, например, привлекать возможность покончить с Анной Королевой, – сказал Виктор. – Конечно, мы попросили службу безопасности нашего посольства присмотреть за ней, но не думаю, что они будут усердствовать. Скорее всего, они уже о ней забыли.

– Королева – звезда мирового класса, – возразил полковник. – Ее гибель вызовет нехороший резонанс. Так что, может, и не забыли.

– Может, и нет, – эхом отозвался Глинский. – Если он уехал, то мог отправиться только в два места.

²² Sûreté nationale – во Франции: тайная полиция, аналог американской ФБР.

– Это куда же?

– Москва или Лондон. Орлов или Астахова. Третьего не дано, – отчеканил майор.

– Третьего не дано, – полковник по привычке дергал дужки очков, в задумчивости упершись взглядом в стену. – А может, дано?

Виктор покачал головой.

– Нет. Хотя... если он все же остался в Париже... В любом случае, ему нужны новые документы. Вряд ли его устроит российский паспорт. Скорее всего, он постарается купить документы какой-нибудь южноамериканской страны – Аргентины или Бразилии, чтобы иметь возможность смыться по-быстрому в случае опасности.

– Есть еще кое-что, не особо приятное.

– Кто б сомневался, – скривился Виктор.

– Факс из Вашингтона, – полковник положил перед Глинским еще одну бумажку, – ознакомься.

Виктор ознакомился и то, что он прочитал, ему весьма не понравилось. Он это озвучил.

– Еще этого не хватало. И что нам с ним делать?

– Не нам, – злорадно заявил полковник. – А тебе, генацвале...

– На х... он мне сдался, этот американец, – в сердцах выпалил Глинский. – Без него забот полон рот.

– И тебе никто не позволит ими пренебрегать, – сухо ответил Лежава. – Но с *этим*... как его... Нантвичем спишись и предоставь ему ту информацию, которую он просит... ну, и которую сочтешь нужным предоставить.

– А если никакую не сочту? – буркнул Виктор, но полковник его, разумеется, услышал и рявкнул:

– Что ты себе позволяешь? Он так же выполняет свою работу, как и ты. И занимается тем же делом. И так же ищет этого подонка.

– И что? – насупился Виктор. – Значит, мы это дело везли, убийцу нашли, а теперь подать им его на блюдечке с каемочкой – даже не голубой, а прямо-таки золотой?..

– Если мне память не изменяет, именно ты настоял на том, чтобы сообщить в ФБР об этой девушке, которую Рыков убил, будучи еще мальчиком. Появление американской спецслужбы – естественный результат. Теперь они не успокоятся, пока не найдут Рыкова и не поджарят его на электрическом стуле. Или что там у них?..

– В Пенсильвании – инъекция павуллона и хлорида калия, – пробормотал Виктор. В институте у него было «отлично» по зарубежному законодательству. Когда в России ввели мораторий на смертную казнь, он долго с пеной у рта доказывал на примере Соединенных Штатов и Европы, что уровень преступности не зависит от того, применяется ли исключительная мера наказания или нет.

Полковник пожал плечами:

– По большому счету, без разницы. Суть в том, что они прислали своего человека не просто так.

– Что это значит? – наконец до Виктора дошло. – США потребуют экстрадиции Рыкова в случае, если его поймает мы... или французы?

– Ты у нас любитель юридических тонкостей, – произнес мрачно полковник. – Что скажешь?

– *Privilegium nostrum*²³, – проворчал Виктор.

– Сначала поймай его. Пока Рыков за бугром, для нас он практически недосыгаем. Единственное, что мы можем – помогать нашим коллегам. Если они Рыкова изловят, появится возможность его наказать – пускай не нам, но хоть кому-то. Мы, в конце концов, тоже можем

²³ У нас преимущественное право (лат).

потребовать экстрадиции. Хотя, если Рыкова поймают французы, не уверен, что они вообще кому-либо его отдадут. Со времен гильотины мало что изменилось – разве только смертную казнь отменили. А так преступников они наказывают сами и с большим удовольствием. А поэтому...

– А поэтому, – перебил его Виктор, – какова вероятность, что если американец найдет Рыкова первым, он не попробует вывезти его через свои каналы? С помощью посольства, например?

– Улавливаешь суть, – одобрительно покивал полковник. – В любом случае, выгоднее с ним сотрудничать. Равно как и с набережной Орфевр²⁴. И так – в папке два электронных адреса. Один принадлежит инспектору Барбье из французской уголовной полиции. Второй – твоему новому другу, Джошуа Нантвичу, специальному агенту ФБР, который либо собирается выехать в Париж, либо уже там. Не игнорируй ни одного, ни другого. С информацией – аккуратно. Quid pro quo²⁵. Баш на баш. Понял?

– Понял. Но есть еще одна проблема. Этот американец наверняка захочет встретиться с участниками тех событий...

– Ну и пусть встречается, – пожал плечами Лежава. – Не вижу проблемы.

– Да нет, проблема есть. Ведь ни Королева, ни Астахова, то есть Булгакова, до сих пор не знают, что Рыков жив, и говорить им об этом нельзя – последствия для их психики непредсказуемы. А уж если они узнают, что он вдобавок на свободе...

– Н-да... – протянул полковник. – Я еще год назад считал, что зря ты это с приятелем своим затеял. Сразу надо было им сказать. И что теперь?

Виктор задумчиво смотрел на файл перед ним, с ужасными фотографиями мертвой Оксаны.

– Теперь... – Виктор постучал пальцами по столу. – А теперь придется просить этого агента, чтобы он, общаясь с ними, держал язык за зубами. Я ему, пожалуй, условие поставлю, прежде чем информацией делиться.

– Странное условие, – заметил полковник. – Весьма странное. Агент подумает, что мы тут, в Москве, дурака валяем.

– Да плевать мне, что он там подумает! – напрягся Виктор. – Захочет информацию – пусть молчит. Не могу себе представить реакцию Катрин и Анны... – он смущенно замолчал, назвав их по имени – не как потерпевших или свидетельниц по делу, а как хорошо знакомых, даже близких людей. Полковник недовольно нахмурился:

– Ты слишком близко к сердцу принимаешь проблемы этих милых дам. С какой стати? Займись лучше своей личной жизнью. Как там Александра?

Виктор нахмурился:

– А это, кстати, еще одна проблема.

– Одни проблемы у тебя, – с досадой поморщился полковник. – Ты уж научись их решать. Здесь что не так?

– Ее мать сообщила Рыкову-старшему, что у Саши родился сын, его внук. Старый пень от радости до потолка прыгал. Не отставал от Насти, пока не увидел ребенка. И теперь регулярно у них бывает.

– И в чем проблема-то?

– Есть у меня опасения, что если он поддерживает связь со своим сыном, то непременно ему эту новость сообщит. А что уж тому в голову придет...

²⁴ «Набережная Орфевр, 3б» адрес главного управления французской криминальной полиции, стал нарицательным, как Петровка 38.

²⁵ «То за это» – фразеологизм, обычно используемый в значении «услуга за услугу» (лат).

– Беда, – протянул полковник. – Но может, именно на это и поймать красавца? Хотя опасно, очень опасно.

– Я не буду использовать Сашу и ребенка как приманку, – скрипнул зубами Виктор. – Я никогда не рискну их безопасностью.

– Конечно, нет, – успокаивающе сказал Лежава. – Конечно, и речи быть не может! Надеюсь, у старшего хватит ума...

– Сомневаюсь, – мрачно кивнул Глинский. – Если только удастся изловить сынка, пока тот не дотянулся до Саши с Максимом.

– Ну вот видишь – значит, ФБР не лишнее, и спецгент может пригодиться. Рано или поздно он прилетит в Москву, – полковник погрузился, представив сей визит – в данном случае это уже может стать и его проблемой.

– А может нам кого-нибудь в Париж отправить? – предложил Виктор.

– Не вижу нужды. Французы все равно никого из наших к расследованию не подпустят. Информацией, может, и поделится, а вот розыском заниматься не разрешат.

– А американцам? – Виктору стало обидно.

– И американцам не разрешат. Но Нантвич – спецгент, и у него широкие полномочия, даже французы так просто от него не отмахнутся. Зато мы...

– Зато мы – при надобности – отмахнемся за милую душу, – довольно улыбнулся Виктор. – По-хорошему, на фиг он мне сдался...

– Не стоит это озвучивать, – тем не менее, полковник одобрительно кивнул. – Равно как и специально саботировать его просьбы. Он нам еще пригодится.

– Ага... – уныло кивнул Глинский. – Пока он *нам* пригодится, он нас же и употребит от души. Ну ничего...

Полковник смерил его насмешливым взглядом:

– Заткни-ка, генацвале, свое возбужденное самолюбие подальше. Знаешь, куда?

Глинский опешил. Он был уверен, что полковника тоже раздражает необходимость контактировать со сторонней спецслужбой – опыт показывал, что каждый в такой ситуации стремится выжать из партнера по максимуму, а поделиться по минимуму. И вдруг – подобная рекомендация.

– Как я уже сказал, делиться придется. На это, – Лежава ткнул пальцем вверх, – на это есть приказ свыше. А уж насколько подробно, смотри сам. Без фанатизма, конечно, но чтобы и стыдно не было за профнепригодность.

– Это у меня профнепригодность? – возмутился Виктор.

– Я так, к слову, – усмехнулся полковник. – Иди, генацвале, работай, солнце только встало. Кстати, вот еще, – он протянул сыну блокнот бледно-розового цвета с золотым обрезами. – Почитай на досуге.

– Что это? – спросил Виктор.

– Дневник Оксаны Кияшко, – ответил полковник. – Французы нашли в ее вещах. Переводом им, видно, лениво заниматься. Они нам его прислали – в качестве комплимента. Изучи при случае – мало ли что?..

Вернувшись в свой кабинет, Виктор кинул на стол документы, полученные от полковника. Сквозь прозрачный файл была видна фотография мертвой Оксаны. Плюхнувшись в кресло, Виктор в задумчивости разглядывал розовую записную книжку. Стоит ли сейчас начинать это грустное чтение? Времени у него в обрез. Но, открыв блокнот и пробежав несколько строчек аккуратного почерка прилежной ученицы, он уже не смог оторваться, пока не дочитал печальное повествование до конца, сбрасывая поступающие на его сотовый звонки.

21 июня 2010 года

Сегодня познакомилась с потрясающим парнем. Я помогла ему выбрать галстуки к рубашке. У него удивительные голубые, как летнее небо, глаза – и прекрасные зубы, что редкость. А еще от него обалденно пахнет...

Вечером мы пошли в ресторан. Зря я не сказала ему сразу, что не люблю китайскую кухню. Когда он это понял, было поздно. Очень стало неловко... Он тактично посоветовал мне пельмени – самое, наверно, нейтральное из меню. Китайское сливовое вино не так уж и плохо. Кстати, он сразу заметил, что мне грустно. А я все думаю о Полине, и о том, могла ли я предотвратить ее смерть.

После ужина мы поехали к нему на дачу. У него дача не где-нибудь, а в Серебряном бору, двухэтажная, с гаражом. Нет, я все же полная идиотка...

Ванна с ароматом жасмина, шампанское... Никогда в жизни у меня не было ничего подобного. Я не устояла перед ним. Как же от него пахнет...

2 июля 2010 года

Олег увидел мой дневник. Улыбаясь, спросил, пишу ли я о нем. Я не стала скрывать, и он попросил взглянуть. Я замялась, он не настаивал. Но ночью я проснулась от звуков на кухне. Он смутился, когда я застучала его с дневником в руках – он читал, мне показалось, с большим интересом. Я не рассердилась, только испугалась, что прочитав, как сильно я его люблю, он потеряет ко мне интерес. Но Олег лишь сказал, что ему очень приятно. «Спасибо, что ты так любишь меня», – его слова. Спросил, кто такая Полина. Я ему рассказала. Он удивился, что моя подруга занималась столь сомнительным ремеслом. Спросил меня про какую-то Катрин. Кто она такая? Я не знаю ее и сказала ему об этом. Олег махнул рукой, типа, неважно. И еще указал на то, что я не всегда проставляю даты и время – он прав, конечно. Спустя несколько лет уже трудно будет вспомнить, когда что происходило. Постараюсь теперь быть внимательнее...

Как же мне плохо. Тошнит, голова кружится. Думала, беременна, но тест отрицательный. Опять звонил тот майор – как он меня достал. Рассказала Олегу, хотя меня просили ему не говорить. Он успокоил меня, сказал, что... ой, опять тошнит.

Не могу поверить, мой любимый, мой голубоглазый ангел – убийца и насильник! А ту женщину, Катю, он похитил – это какая-то ошибка, он не мог так поступить! Она же женщина его друга, Андрея. Я знаю Олега, он порядочный человек, у него обостренное чувство чести. Или мне кажется, что я его знаю? Еще они говорят, что он травил меня наркотиками, и поэтому мне было так плохо! Вранье, все вранье! А вдруг правда? Лучше не жить тогда!

Я вспомнила! Олег спрашивал меня о Катрин! Значит, он именно той самой Катей интересовался, когда читал мой дневник. Но почему он спрашивал о ней – меня? Ничего не понимаю. Неужели он маньяк?

31 января 2011 года

Сегодня ко мне пришел странный человек, серый и молчаливый. Он сунул мне записку и исчез, не слушая вопросов. Когда я прочитала записку, у меня помутился разум. Она была от Олега. Боже, как я могла поверить мерзкой клевете? Мой любимый, мой бедный! Он просит, нет, он молит меня о помощи! «Ты – моя последняя надежда. Если ты тоже с ними, мне останется только умереть. Помогни. Я люблю тебя». Я должна ему помочь, я должна его спасти. Надо устроить ему побег. Но где взять деньги? У меня ничего нет. Ничего, кроме моей квартиры...

11 марта 2011 года

Деньги на исходе – еле хватило на то, чтобы снять комнату в жуткой дыре на окраине Питера. Но главное готово – документы, билеты. Послезавтра все кончится. Конечно, плохо,

что ему понадобилось в Москву – лишнее время, лишние деньги. Но в последней записке ясная просьба, даже не просьба, а приказ – обеспечить билеты на «Сапсан». Можно было улететь прямо из Питера. Может, он хочет увидеться с той женщиной? Но это же чистое самоубийство... Нет, навряд ли, скорее всего, хочет встретиться с мамой, он так ее любит. Жаль, он не успел меня с ней познакомить. Господи, как не сойти с ума от тревоги за то время, что его нет рядом... Пойду куплю хлеба и молока, очень есть хочется. Поскорее бы уже все закончилось, и мы уехали. Париж, Париж... Почему именно Париж?..

25 марта 2011 года

Олег снял квартиру на улице Вожирар. Окна выходят на Люксембургский сад. Он говорит, что это одно из самых дорогих мест на Левом берегу. Не понимаю, зачем так безрассудно тратить деньги. Что все находят в этом Люксембургском саду? Облетевшие деревья, пожухлая трава, увядшие цветы. Из окна видно, как мамы гуляют с детьми, люди наматывают круги по парку, с наушниками и пластиковыми бутылками эвиана... Студенты с вином и неизменными багетами сидят на металлических, выкрашенных в зеленый цвет стульях вокруг фонтана. Все чем-то заняты, кроме меня.

Все еще сижу дома, уже мутит от четырех стен. По-моему, безумно раздражаю Олега. Он отсутствует целыми днями. Чем он занимается, интересно?.. Когда возвращается, злится на меня. Конечно, не очень ему приятно видеть мое унылое лицо. Но ничего не могу с собой поделать.

Попыталась познакомиться с соседкой с третьего этажа. Мой школьный английский она не поняла, посмотрела как на умалишенную. И побежала по своим делам. У всех дела. Нашла в Интернете самоучитель французского языка. Какой же он сложный! Эти неправильные глаголы – их тьма, и все спрягаются, как им хочется. Похожи на самих французов. Сказала об этом Олегу – в кои-то веки он смеялся. Пообещал помочь мне с французским. Когда, интересно? Уходит – я еще сплю, приходит – я уже сплю. Одни обещания...

24 апреля 2011 года

С утра он был крайне раздражен и велел заняться чем-нибудь – в достаточно резкой форме. Посоветовал сходить в музей. Скорее приказал, чем посоветовал. Терпеть не могу музеи. Но придется сходить. Выдал мне кредитку. Сказал, могу тратить в бутиках, сколько хочется. Но я не хочу ни в музей, ни по магазинам. Я так соскучилась по маме... Хочу домой! Или, если уж я обречена жить в этом чужом городе, то чтобы Олег находился рядом не только ночью, когда, уставший, он поворачивается ко мне спиной, словно я опостылевшая жена...

Та женщина... Олег ошеломлен тогда в Шереметьево, когда увидел ее...

Сегодня обошла...

И что все находят в Моне Лизе? Страшная, зеленая какая-то...

Сегодня Олег опять застыл с остановившимся взглядом. Он слушал «Дидону и Энея» – в который раз! Почему эта музыка для него так много значит? Неужели он опять вспоминает ту женщину?.. Да как я могу быть столь наивной? Все вокруг только и говорили о том, как он любит эту Катрин, а я отказывалась верить, да что там – не хотела, изо всех сил упрямо отвергала даже мысль о его любви к другой. Нет, не может быть! Он просто устал, все еще можно вернуть, я буду счастлива с ним!

1 января 2012 года

Самый печальный Новый год в моей жизни. Даже когда я знала, что он в тюрьме, мне не было так больно. Мы отправились отмечать в дорогой ресторан, все вокруг смеялись и веселились, и только за нашим столиком было похоронное настроение – словно не праздник, а поминки. Разговоры о Москве – табу, когда я начинала: «А помнишь, в Серебряном бору...» у него становилось такое лицо, что мне хотелось встать и убежать из ресторана. Даже танцевать меня не пригласил. Вернулись домой часа в два, и легли спать.

Но я не выдержала и разбудила его около четырех утра. Я прильнула к нему, обняв обеими руками, и стала целовать его спину. Он сразу проснулся, и как же он напрягся – я всем телом ощутила. Но прошло еще какое-то время, прежде чем он повернулся ко мне. Боже, лучше б не поворачивался! Он исполнил «супружеский долг» тщательно и равнодушно, а потом опять отвернулся и заснул. За все время он не произнес ни слова, будто я резиновая кукла.

5 января 2012 года

Осмотрела весь Лувр – ну, или почти весь. Полгода ежедневных посещений, кроме вторника, выходного дня. Обошла музей импрессионистов – два месяца. Я побывала во всех бутиках, которые только можно найти в округах с первого по девятый... Но мне одиноко, и я несчастна. Надо бежать отсюда. Надо возвращаться в Москву. Но как ему об этом сказать? Как мне его оставить? Но я больше не могу выносить его равнодушия...

На днях мне приснился сон – словно стою на краю пропасти, дна нет, а лишь густая белая дымка клубится под ногами. Я чувствую присутствие Олега за спиной, поворачиваюсь и вижу его голубые глаза – пустые и неживые. Я хочу позвать его, но язык отказывается повиноваться. Он делает еле уловимое движение, и я лечу в эту пропасть, лечу, лечу, лечу. Я проснулась от собственного крика, обнаружив пустую подушку рядом с собой. Полвторого ночи, а Олега нет – он даже не позвонил! Тут хлопнула входная дверь, и спустя минуту он заглянул в спальню. «Почему не спишь? – холодно спросил он и, не дождавшись ответа, прикрыл дверь поплотнее – с внешней стороны. Мне хотелось плакать от обиды и собственного бессилия...

31 января 2012 года

Слава богу! Как хорошо, что я решилась! Олег выслушал меня спокойно и терпеливо. Когда я замолчала, в его глазах блеснули слезы. А в голосе звучало неподдельное раскаяние.

– Моя дорогая... – начал он, – я очень виноват перед тобой. Я совсем тебя забросил. Дай мне еще несколько дней, я окончательно развяжусь с делами, и мы куда-нибудь поедem вместе. Хочешь в Нормандию? Хотя нет, там сейчас промозгло и сыро. Мы поедem в Ниццу. Там тепло и все зеленое. Магнолии и пальмы. Хочешь?

– Ты правда поедешь со мной в Ниццу? – тут я расплакалась, как дура. Но это были уже совсем другие слезы – светлые слезы облегчения.

– Ну, и чего ты реवेशь? – он протянул мне платок. – Ну-ка, вытри.

– Я думала, я тебе надоела. Сижу тут, небо копчу...

– Что ты копишь? – засмеялся Олег. – Не смей меня. И так – потерпи неделю. Договорились?

Ночью он был как никогда нежен. Как мне хочется верить ему, все мое существо отвергает даже мысль, что я Олегу больше не нужна. Но я не могу забыть выражение его лица, когда он смотрел на нее. Та женщина. Та женщина, Катрин – что он нашел в ней? Разве она была с ним в минуту беды и скорби? Разве она доказала ему свою преданность и любовь, как доказала я? Да, на мгновение утратив веру в него, я посмела быть несправедливой – а ведь Олегу так досталось! Не каждый вынесет обвинения в страшных убийствах, да еще когда лучший друг в припадке ревности ломает тебе шею. Оболганный и опозоренный, он умирал в тюремной

больнице и все отвернулись от него, и даже я оказалась так наивна, что чуть не поверила тем ужасам, которые о нем рассказывали. И вот – я чуть снова не предала Олега, бросив одного, без единого человека, кто б его любил, и кто б ему верил. Как малодушна я и как благороден он, все понимая и все мне прощая...

12 февраля 2012 года

Он изменился и снова стал тем Олегом, от которого я потеряла голову, когда застегивала на нем синюю шелковую рубашку в примерочной кабинке. Завтра мы уедем, а сегодня он назначил мне свидание в странном месте – музее Клюни, в зале со средневековыми шпалерами. Это в двух шагах отсюда – пять минут пешком по улице Racine. «Тебе надо ее увидеть. Эта дама так на тебя похожа. Я подумал об этом при нашей первой встрече. В ней твоя строгость и твое очарование».

La Dame à la licorne. Дама с единорогом. Я заглянула в Википедию. Символ непорочности и чистоты – значит, Олег еще считает меня чистой и невинной, несмотря на все мои проступки. Может, он все же любит меня, и я терзаюсь напрасно? Конечно, конечно, любит! Эти слова – как серебряные колокольчики. Сегодня я должна постараться – пусть видит, какая я красивая и пусть гордится мною.

Олег запретил мне стричься. Наверно, он прав – с шиньоном гораздо женственней. Надену белое кашемировое пальто – Олег сам его покупал. У него великолепный, даже изысканный вкус, и пальто роскошное. Я в нем выгляжу потрясающе. Сколько времени потеряно зря из-за того, что я не умею держать себя в руках. Но чемоданы упакованы, завтра утром мы уедем в Ниццу и неизвестно, когда вернемся в Париж и вернемся ли вообще. Хорошо бы снова приехать сюда в мае, когда все цветет. И может, тогда я смогу полюбить этот город, который возненавидела от одиночества и ревности... Все, дневник, убираю тебя в чемодан. Мне пора.

Начало марта 2012 года, Лондон

Катрин лениво ковыряла ложкой овсяную кашу, которую Тереса исправно стряпала, искренне желая приготовить максимально английский завтрак, невзирая на протесты хозяйки. Катрин терпеть не могла овсянку, тем более, сваренную на воде, но послушно давилась ею – она очень боялась обидеть служанку. У Катрин никогда не было прислуги, и она не знала, как следует отдавать распоряжения. Она вообще не понимала, зачем Сергей нанял эту шумную девятнадцатилетнюю пуэрториканку, которая вела себя так, будто именно она хозяйка в доме. Катрин не без облегчения сложила с себя рутинные обязанности по готовке и уборке, но иногда Тереса ее раздражала, как раздражает стройка за окном.

И вот Катрин меланхолично глотала ненавистную кашу с тупой мыслью: сейчас ее муж отправится на работу, и ей придется чем-то себя занимать. Как правило, эти раздумья заканчивались бездарной тратой денег в магазинах. Продавцы в бутиках в районе Оксфорд-стрит уже привыкли к ней и радушно приветствовали красивую темноволосую, с неизменно грустными глазами, женщину.

Послышались шаги, и на кухне появился Сергей, на ходу завязывая галстук и как всегда раздражаясь, поскольку у него ничего не получалось. Катрин, оторвавшись от овсянки, стала помогать ему. Он с удовольствием принял ее помощь, задирая свежесбривший подбородок. Когда, наконец, галстук был побежден, он благодарно поцеловал ее в нос и сел к столу.

– Буду поздно, – Сергей торопливо жевал яичницу с беконом. Овсянку он ненавидел примерно так же, как и жена, но, в отличие от Катрин, Тересу не боялся и игнорировал кашу – словно ее на столе и не было.

– Поздно? – отозвалась Катрин, возвращаясь к своей тарелке. – Мог бы и не сообщать, что придешь поздно. Вот если б ты вернулся рано – это стало бы событием, достойным англосаксонских хроник... Надо будет придумать комментарий, – она воздела глаза к потолку. – А

на первой неделе по Пасхе прискакал досточтимый рыцарь к возлюбленной жене не в кромешную ночь, а при солнечном свете, и вышла она ему навстречу, и узнала его, и вознесла молитву, и устроила в честь его пир... Не, пир не обещаю.

– Смешно, – кивнул Булгаков, – но до Пасхи далеко, поэтому время на готовку у тебя есть.

Катрин, – он решительно отложил вилку и перестал жевать. – Вчера меня вызывал Грегори.

– Грегори – who²⁶?

– Не «who», а директор больницы. Он спросил, буду ли я продлевать контракт. Попечительский совет заинтересован во мне и...

– Нет! – Катрин энергично замотала головой с такой силой, что наспех собранные в узел волосы разметались по спине. – Все, не могу больше. Я хочу домой.

– Хватит ныть, – отрезал Булгаков. – Катрин, ты взрослый человек, а ведешь себя, как ребенок. Здесь хоть какая-то гарантия стабильности, а что нас ждет в России? Идиотская политика... бесконечные кризисы...

– Хочу домой, – упрямо повторила Катрин. – Я сыта туманным Альбионом по горло. Ненавижу Англию.

– Хочешь пойти работать? – вдруг спросил Сергей. – Я бы мог узнать...

– Работать – кем? Секретаршей в офис? Не хочу. Я бы, может, переводами занялась, но где их взять? И вообще, пока здесь получишь разрешение на работу – облысеешь.

– Было бы желание, – пробормотал Сергей под нос, но Катрин его бубнеж услышала и завелась:

– Не думай, что я мучаюсь от безделья...

– Я не думаю, – быстро вставил Сергей.

– Думаешь, – проворчала она. – Точно, думаешь. Так вот, дорогой! У меня дома дел полно. Тереса, мне, конечно, помогает, но...

У Булгакова мелькнула нехорошая мысль, что, слава богу, Тереса в силу языкового барьера не поняла сего наглого заявления, что *она* помогает хозяйке, у которой, оказывается, «дел полно». Катрин слонялась из угла в угол целыми днями, а пуэрториканка вздыхала с облегчением, когда леди куда-нибудь уходила и переставала ей мешать.

– Ладно, – Сергею совершенно не хотелось спорить с женой, и поэтому он, поднявшись из-за стола, чмокнул ее в макушку. – Я все понял. Ты хочешь домой.

– Именно, – мрачно констатировала Катрин, глядя, как закрывается за ним дверь.

Итак, он снова ушел. Изо дня в день – одно и то же. Она провожает его на работу, он целует ее – она чувствует нежность, которой истекает его поцелуй – но все же он уходит, чтобы вернуться очень поздно. И вновь она целый день будет одна – Тереса не в счет.

С юности привыкнув быть окруженной друзьями и, чего уж кривить душой – быть в центре внимания своей небольшой компании, Катрин изнывала от одиночества в ненавистном Лондоне. Англию она терпеть не могла, а особенно англичан – тщеславных, косных и жестоких. Она промаялась несколько месяцев, но теперь все чаще заводила разговор о возвращении в Москву, о чем Булгаков не хотел и слышать. Катрин, задаваясь вопросом о причине его стойкого нежелания покидать Лондон, возмущенно отметала простое объяснение, что его держат в этом противном городе материальные факторы – хотя зарплата Сергея в Королевском госпитале значительно превышала московскую. «Он и в Москве не бедствовал: одевался прилично, – сердито думала Катрин и вспоминала булгаковскую «Audi»: – и на тачке неплохой катался».

В глубине души Катрин понимала – не просто так Булгаков увез ее далеко от Москвы и упрямо отказывается возвращаться. Не только ее, видимо преследовал образ одержимого убийцы. Если Катрин сама просыпалась от одного и того же кошмара – она, распятая словно великомученица на грубом деревянном щите, прощается с жизнью в душной спальне коттеджа

²⁶ Кто это? (англ).

с наглухо закрытыми и зашторенными окнами – так, вероятно, и Сергея преследовали во сне страшный хруст костей и ощущение обмякшего тела. Сергей никогда не говорил об этом, но Катрин ловила его остановившийся взгляд – да, ему, конечно, тоже было нелегко. Необъяснимо, но у Катрин в такие мгновения возникало щемящее чувство вины, только она понять не могла – перед кем? И почему? Наверно, любовью возможно излечить самые глубокие раны, которые, казалось бы, обречены кровоточить до самой смерти. Но возможно ли любовью исцелить раны, нанесенные любовью?

Катрин встряхнула головой. Сколько раз она запрещала себе вспоминать об ужасных событиях почти двухлетней давности. Подумать только – как мало времени прошло, а словно минула вечность. Наверно, Сергей правильно поступил, когда увез ее из Москвы: смена обстановки была полезна измученной женщине. Но почему, почему именно сюда? Катрин мучительно тосковала в этой стране – несмотря на то, что всю сознательную жизнь учила ее язык, преподавала его, переводила, изучала историю и культуру. И, видимо, именно поэтому – не любила, так как хорошо ее понимала, не обманываясь английской вежливостью и пунктуальностью, которые, впрочем, давно уже превратились в обветшалые стереотипы.

Она достала вибрирующий смартфон из кармана джинсов.

Номер какой-то незнакомый – кто бы это?

– Не узнала?..

– Аня, – прошептала Катрин, – Аня, ты?

– Представь себе, – Катрин не отвечала, и Анна поинтересовалась:

– Ну, и долго молчать будешь?

Катрин перевела дух: – Не могу поверить... Мы не разговаривали с тобой почти два года.

– Полтора, – уточнила Анна.

– Да, – прошептала Катрин. – Мне тебя не хватало.

– Могла позвонить, – вполне резонно заметила Анна, но в ее голосе не звучало упрека.

Катрин сглотнула ком в горле: – Не могла, – проговорила она. – Я даже сама с собой говорить не могла.

Анна ответила не сразу: – Понимаю тебя. Я чувствовала то же самое. Словно весь мир – мой враг.

– Да, да, – Катрин кивнула. – Но я все равно скучала по тебе.

– И я, – уронила Анна, – Приезжай ко мне. Хоть на несколько дней.

– К тебе? – растерялась Катрин. – К тебе – это...

– Сюда, в Париж, – перебила ее Анна. – Хочешь?

Хочет ли она?! Что за странный вопрос! Катрин даже подскочила:

– Очень хочу! Но я должна поговорить с Сержем.

– Конечно, он тебя отпустит, – сказала Анна. – Поплачет и отпустит.

– Мальчики не плачут. Серж и виду не подаст, что не хочет меня отпускать.

– И что?

– Ничего, – ответила Катрин. – Я же не в плену здесь. Виза у меня есть. Возьму билет на Eurostar и приеду. Завтра.

Она даже не ожидала, что так обрадуется.

Бросив смартфон на диван, Катрин закружилась по комнате. Этот звонок – как свалившийся внезапно долгожданный подарок. Анна была ее любимой – и единственной подругой. В последнее время Катрин все больше и больше мучила совесть – зачем, почему, как получилось, что они так отделились друг от друга? До событий того проклятого, смертельно жаркого лета, не проходило и нескольких дней, чтобы они, как минимум, не созвонились, и не поболтали, обмениваясь последними новостями и сплетнями, перемывая кости знакомым и, чего греха таить, своим мужчинам. Катрин так не хватало Анны – ее рассудительности и мудрости в житейских вопросах, которые саму Катрин, взбалмошную и нервную, всегда ставили

в тупик. Но чем дальше утекало время, тем более неловким Катрин казался простой алгоритм действий – снять трубку, набрать номер и позвать Анну к телефону, а то и того проще – позвонить подруге на мобильный, и та сразу ответит. Но что ей скажет Катрин?

Но теперь эта неприятная дилемма больше перед ней не стоит. Она поедет в Париж, они поговорят, и между ними исчезнет тягостная недосказанность.

Пускай они теперь живут в разных городах, даже разных странах – для родственной души это неважно, главное – знать, что тебя любят и понимают. А что Анна поймет ее, Катрин не сомневалась ни секунды...

В это время Булгаков у себя в кабинете перед монитором просматривал истории болезней своих пациентов. Он в задумчивости грыз колпачок ручки. Пора сдавать отчет, а у него, как всегда, ничего не готово. Он ненавидел бумажную рутину, пусть даже и в электронном виде. В принципе, все рутину он мог поручить ассистентам. Но Сергей придерживался золотого правила: «хочешь, чтобы было сделано хорошо – сделай сам». Не то, чтобы он совсем не доверял своей команде – все они были отличными врачами, прошедшими суровый отбор. Но это были результаты его работы – ежедневной, тяжелой, кропотливой.

Фоном Булгаков слышал посторонний звук – нудный и раздражающий, но до него, поглощенного отчетом, не сразу дошло, что там жужжит в кармане халата. Он взглянул на экран – Катрин.

– Ты почему трубку не берешь? – проворчала она.

– Слил в экстазе с работой, – честно ответил он. – А ты меня отрываешь.

– Удели жене минуту! – теперь ее голос был весел, совсем не похож на то нытье, которым она проводила его утром. – У меня к тебе дело.

– Давай свое дело, – сдался он. – Если оно не может подождать до вечера.

– Анна пригласила меня в гости, – радостно объявила Катрин. – Можно я съезжу к ней дня на три?

Булгаков замер. Она хочет уехать? Оставить его одного? На сколько, она сказала, дней? Три, тринадцать, тридцать? На три года? На всю жизнь?

– Ты уезжаешь? – спросил он, стараясь, чтобы голос звучал максимально спокойно.

– Хочу повидаться с Анной, – терпеливо объяснила она, поняв смысл его вопроса. – Я не видела ее долго.

– Я в курсе, – пробурчал он.

– Ну так что? – в ее голосе чувствовалось желание умаслить его как-нибудь. – Можно я поеду?

Булгаков искренне удивился.

– Ты спрашиваешь моего разрешения?

– Конечно, – улыбнулась она. – Ты же мой муж.

Он словно увидел ее улыбку, и на него нахлынуло внезапное ощущение счастья. – И как я тут без тебя, – проворчал он. – На сколько ты уедешь?

– На три дня. Можно? – снова робко спросила она.

– А остановишься где?

– В отеле.

– Может, тебе у Анны остановиться? – он безнадежно вздохнул.

– Значит, можно? – обрадовалась Катрин. – Я бы остановилась у Анны, но она сама в гостях. Жики, наверно, дама милая...

– Она своеобразная, – буркнул Сергей, вспомнив старую диву.

– Ну вот! Поэтому лучше я в отеле остановлюсь, – и, после мгновенной паузы, добавила. – А знаешь, я подумала, что...

– Что?.. – спросил он.

– Может, ты приедешь в Париж в пятницу вечером? – несмело проговорила Катрин. – Как было бы славно...

Булгаков мечтательно зажмурился. Проснуться с Катрин в Париже, вдвоем – разве мог он об этом грезить еще два года назад?

– Конечно, я приеду, – сказал он, еле сдерживая восторг в голосе.

– Отлично, – радостно чирикнула она. – Я сразу возьму для тебя билет на вечер пятницы и для нас обоих обратный на вечер воскресенья. Или на утро понедельника?

– Мне в восемь надо быть в клинике, – с сожалением сообщил он. – Так что остановимся на вечере воскресенья. Люблю тебя...

– Целую... – она повесила трубку.

С ним ли это происходит?.. Булгаков со счастливой улыбкой бросил отчет и потянулся. И лишь теперь у него мелькнула тревожная мысль – не поступает ли он неосторожно, отпуская ее одну? Вдруг... а что, собственно, вдруг? Его страх за Катрин уже переходит в паранойю. Она и так заперта здесь, как в клетке – он прекрасно видит, как Катрин рвется на свободу, словно птица, задушенная неволей. Пусть поедет, развеется – в конце концов, она будет там не одна, а с Анной и железной Жики. Старая тангера не допустит никаких неприятных неожиданностей. А потом они проведут с Катрин уик-энд *dans cette ville de l'amour*²⁷.

Сергей снова, уже с большим воодушевлением, занялся отчетом. Но ему удалось поработать не более четверти часа. Его вновь оторвал от дела телефонный звонок.

– Булгаков, слушай внимательно, – голос Глинского был отрывистым и деловым. – Он зарезал Оксану Кияшко в одном из парижских музеев. И пропал. Его уже ищет ФБР, французская уголовка на ушах стоит... Он не оставляет следов за собой – только трупы. Его почти накрыли в феврале в Париже, но ему удалось скрыться.

– Как такое может быть? – желчно спросил Сергей, едва придя в себя. – Как его могли упустить?

– Исчез, сука, словно сквозь землю провалился.

– А ФБР тут с какого боку?

– По его старым грехам. Помнишь, я рассказывал, что он убил девушку в пятнадцать лет?

– Смутно. Но все же у меня в голове не укладывается – как можно исчезнуть бесследно, да вдобавок, когда тебя ищут полиция и спецслужбы? Я думал, только у нас бардак.

– Не обольщайся, – хмыкнул Виктор. – Везде одно и то же.

– А ты уверен, что он не в Англии? – спросил Булгаков с тревогой. Конечно, он боялся не за себя, а за жену. Слишком дорогой ценой она ему досталась.

– Уверен. Не рискнет он сунуться через британский паспортный контроль. Хоть какая-то польза от их упертости. Не сомневаюсь, в Европе его уже нет. Сейчас там для него слишком опасно.

– А Анна? Она в Париже. Ее предупредили?

– Нет. Но за ней наблюдали.

Глинский был немногословен...

– Наблюдатели, – разозлился Сергей. – Девчонку-то эту как проморгали твои наблюдатели?

– Да откуда мы знали, где она? Только когда нам прислали фото, мы смогли ее опознать. Они жили там как Дмитрий и Ксения Буяновы. Скорее всего, она решила его оставить, и он ее убил. Эстет долбаный – в музее, прикинь?

– Вполне в его духе, – злобно проворчал Булгаков.

– После этого он бросил все – вещи, документы – и исчез. Да еще клошара мертвого французам подкинул.

²⁷ В этом городе любви (фр).

– Значит, он достал себе новые документы, – произнес Булгаков с досадой. – И, вероятно, надежные.

– Не сомневаюсь, – отозвался Глинский. – Сто пудов, он уже в Москве.

– Зачем ему в Москву? Ему нужна Катрин.

– Не только. Ему нужен и твой бывший приятель Орлов. Рыков не уgomонится, пока его не прикончит. Потом примется за Катрин. Так что сидите там и сюда не суйтесь. Никаких отпусков и каникул, ты меня понял? Внимательно следи за женой и никуда ее не отпускай! А то не миновать беды.

– Нельзя ли объяснить поподробнее, господин майор, – вымученно попросил Сергей. Голос в трубке рявкнул “Нельзя!”, и связь прервалась. Булгаков бросил взгляд на часы – если разница с Москвой три часа, то, скорее всего, Глинский звонил с работы. Чем он там занимается, черт возьми? Штаны просиживает? Потом, через эти никчемные мысли пробилась еще одна – более-менее здравая. Он только что разрешил жене ехать в Париж – именно туда, куда ей ехать нельзя ни в коем случае. Но как ей сказать об этом? «Дорогая, я, твой самодур-муж, передумал»? Она не просто расстроится – она возмутится, обидится и, по большому счету, будет совершенно права. Он же не сможет привести ей доводы в оправдание своего нелепого и надуманного запрета...

Он положил на стол телефон, за который уже взялся с намерением позвонить жене и наложить вето на эту поездку. Нет, так нельзя. В конце концов, Виктор сказал, что Рыкова, скорее всего, в Париже уже нет. Пусть едет. Катрин любит Париж.

Закинув в отель скромный багаж – небольшой дорожный саквояж – Катрин отправилась напрямик на улицу Жирардон.

– Я много о тебе слышала, – Жики окинула одобрительным взглядом фигурку Катрин, затянутую в черный костюм, ее темные волосы, убранные в длинный хвост. – Красивая, да...

– Очень красивая, – засмеялась Анна, обнимая подругу. – Как же давно я тебя не видела!

Последний раз они встретились в ноябре того страшного года, в Шереметьево, куда Булгаков привез Катрин, чтобы проводить Анну, улетающую в Париж вместе с Жики. Инвалидное кресло толкала сиделка, а Анна, тихая и печальная, с безжизненным взглядом мало отличалась от самой Катрин, в темных глазах которой тлела, казалось, вся мировая грусть. С Жики ей, однако, познакомиться не довелось – та ушла улаживать какие-то формальности. Прощание вышло натянутым – словно им нечего было сказать друг другу. Они обнялись, и в этот момент Катрин показалось, что они прощаются навсегда. Сергей поспешил ее увести, и Катрин не возражала. Он поцеловал Анну в щеку, и та погладила его по светловолосой голове. Сергей пожелал ей счастливого пути и, обхватив Катрин за поникшие плечи, увел ее прочь, чувствуя, что еще немного – и не миновать ей нервного срыва. Он ощущал ее состояние кожей – со стороны казалось, что она безразлична ко всему происходящему вокруг.

В ту минуту Анна так и подумала, и только в Париже начала понимать, какой мукой скручена душа ее подруги. Анна не знала, что потом, в машине, прижавшись к плечу Булгакова, Катрин рыдала отчаянно и безнадежно. Сергей остановился у обочины, дабы не врезаться в мачту освещения или не вылететь на встречу – так его ломало от любви и нежности к ней. Он гладил ее по голове, не говоря ни слова. Потом прижался губами к волосам: «Катрин, – шептал он, – не плачь. Любимая моя, не плачь, все уже в прошлом. Все забудется». Но сам не верил в то, что говорил... Он все еще жил у нее за стенкой.

И вот, Катрин вновь со своей подругой. Ничего не забылось – но они снова вместе.

– Как я рада, что ты приехала, – сказала Анна. – Остановишься у нас?

– Конечно, остановится, – сказала Жики.

Они пили кофе в гостиной Жики. – Пообедаем в городе! – заявила старая тангера и обратилась к Анне. – Деточка, ты такси вызвала?

– Да, вызвала. Обещали через полчаса.
– Полчаса! – возмутилась тангера. – Совсем таксисты обнаглели! За четверть часа я пешком до Сен-Лазара²⁸ дойду... Деточка, – теперь она уже обращалась к Катрин. – Где твои вещи?
– Я не успеваю за вами, дамы, – растерялась Катрин. По-французски она говорила сносно, понимала хуже, а уж смысл «bavardage»²⁹ Анны и Жики не улавливала вовсе.
– Ты остановишься у нас? – повторила по-русски Анна. – Где твой чемодан?
– О нет! – воскликнула Катрин. – Не хочу никого стеснять. Я забронировала номер в отеле на Ле Аль³⁰. Мои вещи уже там. А Серж должен приехать вечером в пятницу. Три дня я вольная птица.

– Охота жить в клоповнике, – проворчала Жики, но спорить не стала.

Катрин улыбнулась:

– Ну, это не совсем клоповник. Просто маленький отель.

– В этом городе только Ритц – приличный отель, – фыркнула Жики. – Но как хочешь. Я рада, что твой муж приедет. Он у тебя красавец и большой умница.

– Слишком большой, – фыркнула Анна.

Катрин с гордостью просияла. Оказывается, приятно, когда хвалят твоего мужа. Да еще такая непростая дама, как Жики. Та продолжала:

– А вечером мы едем в Оперу.

– Я смотрю, культурная программа уже продумана, – засмеялась Катрин. – Но у меня ничего нет для Оперы – я не рассчитывала на выходы в свет. У меня с собой пара брюк, юбка и несколько водолазок. Сойдет?

– Так я и знала! Нет, это не годится, – заявила Жики. – Сейчас поедем, купим тебе платье. Лишним не будет. А что повесить на шею или в уши – я тебе одолжу.

– Мерси, – кивнула Катрин. Она пришла в восторг. Как, оказывается, она закисла в Лондоне, сидя, как проклятая, на Куинс-гейт!

Втроем они совершили набег на улицу Фобур Сент-Оноре³¹ и Катрин купила восхитительное платье из черного шелка, полностью открывающее ее совершенные плечи. Выглядела она в нем потрясающе. «Жаль, Булгаков не увидит», – с искренним сожалением подумала она и озвучила это вслух, когда вместе с Анной зашла пообедать в LaDurée³², близ Мадлен.³³

Поднявшись на второй этаж, они заказали бутылку розового вина и с удовольствием вытянули уставшие ноги. Жики бросила их у входа и, поймав такси, укатила домой под предлогом, что устала, а на самом деле – желая дать им поговорить после долгой разлуки.

Итак, Катрин вздохнула: «Увы, Серж не увидит меня в этом платье».

– Увы? – насмешливо удивилась Анна. – Ты считаешь, у Сержа перестала от тебя кружиться голова? Требуется взбадривающие меры?

– Такие меры никогда лишними не бывают, – серьезно ответила Катрин. – Нечего ему расслабляться.

– Осторожнее, Катрин, – благоразумно заметила Анна. – Главное – не перегни палку. Ты склонна терять чувство меры. Серж...

– Я поняла, – быстро ответила Катрин. – Но Серж – не Орлов. Я же говорю не о том, чтоб он взорвался от ревности неизвестно к кому, а просто, чтобы он увидел... какая я красивая, – она мило улыбнулась.

²⁸ Вокзал в Париже.

²⁹ Болтовня (фр).

³⁰ Les Halles – квартал 1-го округа Парижа в самом центре французской столицы на Правом берегу Сены.

³¹ Rue du Faubourg Saint-Honoré – улица в 8-м округе Парижа, знаменитая своими магазинами класса luxe, посольствами, а также Елисейским дворцом.

³² Чайный дом, кондитерская.

³³ Церковь Madeleine – находится на площади Madeleine, оживленном торговом районе.

– Это вовсе не проблема, – Анна улыбнулась в ответ. – Вечером сфотографирую тебя во всей красе в ложе, и мы отправим фото твоему рыцарю.

– Да... – задумалась Катрин. – Тогда он не станет ждать до выходных, а примчится прямо завтра. Хотя нет, не примчится. Работа превыше всего...

– Так и должно быть. Зачем тебе мужчина, который трется подле твоей юбки? Он должен возвращаться поздно, покрытый дорожной пылью, с добычей у седла...

– Да, наверное. Но как же мне надоело сидеть одной дома...

Анжуйское вино долины Луары цветом напоминало розовый кварц в кольце на безымянном пальце Анны.

– Вкусно, – Катрин с удовольствием сделала глоток и добавила: – Как здесь хорошо... И как же мне там плохо. Собаку, что ли, завести?.. Не люблю я собак, но хоть поговорить с кем будет... Или кота.

– Займись испанским, – посоветовала Анна, – ты говорила, у тебя горничная испанка.

– Пуэрториканка. Она не хочет говорить по-испански. Ей, видите ли, практиковаться в английском надо! Она от меня уйдет, если я начну с ней по-испански говорить, и придется мне англичанку нанимать.

– Н-да... А ты их терпеть не можешь. Замкнутый круг получается. Но тогда выход один – надо тебе ребенка завести.

– С ума сошла, – фыркнула Катрин. – Какая из меня мать?

– Самая настоящая, – Анна оказалась настойчива. – Ничуть не хуже любой другой. Булгаков бы обрадовался.

– Не уверена, – мрачно молвила Катрин, – совсем не уверена...

– Почему? – удивилась Анна. – Как странно. Он так тебя любит. Он должен мечтать о ребенке. Ну хотя бы, чтоб привязать тебя покрепче.

– Сомневаюсь, – рассеянно уронила Катрин.

– Мне показалось? – Анна прищурилась. – У тебя какие-то сомнения на его счет?

– Сомнения? – переспросила Катрин. – Нет. Но иногда мне страшно становится. У Сержа бывает такое выражение лица, словно он где-то далеко от меня. О чем он в такие моменты думает – я понятия не имею. Но не обо мне – это точно. И еще – я его совсем не вижу. Он все время на работе. Работа, работа, работа! Я уже ненавижу эту его работу. Нет, как тебе нравится – он там жизни спасает, а я – желчью исхожу...

– Я бы употребила словечко покрепче, – заметила Анна. – Но не уходи от темы – что-то мне выражение твоего лица не нравится. Выкладывай...

– Да нечего выкладывать... Я совсем не уверена, что ему нужен ребенок! Он молчит, ничего не говорит. И знаешь, о чем я думаю?

– Ну-ну, – заинтересовалась Анна. – Что ты там еще себе нагородила? Ты это любишь.

– Зря иронизируешь. Думаю, он хочет, чтобы я принадлежала ему и только ему. Если родится ребенок – Серж автоматически отодвинется на второй план. Наверно, он этого боится.

– Так я и знала! – Анна засмеялась. – Очередная ерунда.

– Не ерунда, – возразила Катрин. – Я так боюсь, что он меня бросит. Если только у него появятся сомнения на мой счет...

– Сомнения? Бросит? – Анна всплеснула руками. – Именно ерунда! Ведь ты его любишь?

– Люблю. Но почему ты спрашиваешь? Не веришь, что я его люблю?

Анна удивилась:

– Не верю? С какой стати мне тебе не верить? С какой стати тебе меня обманывать?

– Ни с какой, – Катрин закусила губу и вновь повторила: – Я его люблю.

– Не сомневаюсь, – улыбнулась Анна успокаивающе. – И именно поэтому думаю, ребенок – то, что тебе нужно. Займешь себя, а то ты, по-моему, от безделья маешься. Катька, да

не гневи ты бога! Серж обожает тебя, ты его любишь – что тебе мешает? Да и возраст, извини за бестактность...

– Ага... – проворчала Катрин. – Сама-то ты с этим не торопишься... И осеклась, заметив, как изменилась в лице Анна.

– Прости. Не хотела быть грубой.

– Ничего, – вздохнула Анна. – Все правильно. Только знаешь, семья, дети – все это не для меня. У меня, наверно, уже никогда не будет ничего подобного...

– Ты окончательно порвала с Антоном? – спросила Катрин прямо и сразу же пожалела о вырвавшемся вопросе, потому что глаза у Анны стали совершенно несчастными. В этот момент официантка принесла их заказ – два омлета с трюфелями. Анна поковырялась вилкой в омлете, искоса поглядывая на Катрин, расстроенную и смущенную...

– Я не рвала с ним. Просто уехала.

Катрин криво усмехнулась:

– Ну конечно! Просто уехала! Сбежала, скажи честно.

– Зачем мне бежать от него? – тихо спросила Анна, опуская глаза.

– Наверно, есть причина? – Катрин вопросительно взглянула на подругу поверх бокала с вином. – Ну?..

Анна набрала побольше воздуха.

– Ты знаешь?..

– Знаю, – прямо ответила Катрин. – Но не уверена, что из того, что я знаю – правда.

– Что именно ты знаешь? – спросила Анна.

Катрин колебалась. Как такое произнести? Она боялась оскорбить Анну чудовищным обвинением. Но Анна демонстративно ждала, и поэтому Катрин, наконец, выпалила:

– Я знаю, ты была с Мигелем. Но не уверена, правда ли это.

– Правда. Мы были вместе – один раз. В ту страшную ночь, у нас дома. Антон спал, а я пошла к Мигелю в кабинет. Можешь меня презирать.

Растерянная Катрин молчала, не зная, как комментировать это признание. Уж так, как воздалось Анне за ту единственную ночь – так впору расплатиться за всю жизнь, проведенную в оргиях и разврате. Наконец Катрин заговорила.

– Кто я, чтобы презирать тебя? Раз ты к нему пошла, значит, по-иному не могла. Мне в это трудно поверить, но... – она колебалась, опасаясь, что Анна сочтет ее слишком категоричной. Омлет безнадежно остывал, и Катрин, чтобы взять паузу, ткнула в него вилкой и стала лениво жевать.

– Молчишь, – прошептала Анна. – Да, такое понять трудно. Но откуда ты узнала? Кто тебе сказал?

Катрин смогла выдержать испытующий взгляд подруги. Какой смысл ей скрывать?

– Он... Рыков мне сказал, – она сглотнула ком в горле – то ли кусок омлета, то ли сгусток горя. – Прости.

– Зачем?!

Катрин не могла признаться подруге, что стала невольной свидетельницей ее мучений. Демонстрируя, словно *un chef-d'œuvre du cinéma*³⁴, как он измывался над ее подругой, Рыков, казалось, испытывал подлинную гордость. Он говорил про Анну отвратительные вещи, но, скорее всего, это было ложью – он хотел оправдать свое преступление, хоть как-то обелить себя перед Катрин. Анне будет невыносимо слушать – такую боль она не заслужила. Тем временем Анна требовательно повторила:

– Зачем он рассказал тебе? С какой целью?

³⁴ Кинематографический шедевр (фр).

– Он пытался оправдаться передо мной. Я назвала его гнусным убийцей, упырем или еще как-то, не помню уже – все в кровавой пелене. Это случилось примерно за час до того, как он... попытался убить меня. Он сказал, ты умерла, и он тебя убил именно за измену Антону. Я не поверила ему.

Катрин поднесла ко мгновенно пересохшим губам бокал с вином и осушила его в пару глотков:

– Я не поверила ему.

– Почему? – севшим голосом спросила Анна. – Все, и ты в том числе, считали меня... ну, я не знаю... девой непорочной. А я просто женщина. Слабая, безвольная, грешная. Я сама пошла к Мигелю в ту ночь. Я делала все осознанно. Мне казалось...

– Казалось – что?

– Что я уже не люблю Антона так, как прежде. Может, это был кризис трех лет совместной жизни? Мне недоставало страсти в наших отношениях – Антон всегда такой спокойный и уравновешенный.

– Как и ты, – вставила Катрин.

– Как и я, – согласилась Анна. – А в Мигеле пылал огонь – которого так не хватало ни мне, ни Антону. Вот так я об этот огонь и обожглась.

Катрин до слез стало жалко Антона. Она укоризненно покачала головой, вспоминая печальное лицо друга на ее свадьбе – в его светлых глазах погасла жизнь.

– Да не смотри на меня так! – воскликнула Анна. – То, что с нами происходило, совершенно выбило меня из колеи. Я металась, как помешанная, не замечая происходящего вокруг. Как страдает Антон. Как страдает Мигель. Как страдаешь ты. Я спряталась в танец, как в скорлупу. И в результате – такая катастрофа.

– Катастрофа... – как эхо, откликнулась Катрин.

– В то мгновение, когда Рыков всадил мне иглу в вену, и я осознала, что это конец, то... – Анна не договорила. Она ясно вспомнила холодные голубые глаза палача, не ведающего жалости, уверенного в своей правоте, волны его длинных волос, опустившихся ей на лицо. Анна никогда раньше не говорила об этом. Даже рядом с Жики она не смела вызывать в памяти страшный призрак. – Да, последняя моя мысль была, отчетливо помню: я это заслужила...

– Заслужила? – возмутилась Катрин. – Никто не заслужил такой участи.

– Сейчас я понимаю... Но в тот момент я даже не сопротивлялась. Я думала об Антоне и Мигеле. О том, что им не придется никого делить, когда меня не станет. Да, им будет плохо. Но лучше так, чем Антон узнает, что я сделала. Но он непостижимым образом ничего не узнал. Он просто все понял. Мигель сидел у моей постели, держа меня за руку, не оставляя ни на минуту. Я помню. Я чувствовала. Антон уехал домой под каким-то смехотворным предлогом – он не мог на это смотреть. А когда вернулся – ему сказали, что меня уже нет. Мигель сказал.

– А ты знаешь, что они чуть не убили Орлова, когда Серж сообщил о твоей смерти? Они сломали ему руку, выбили зубы и отбили почки. Они вдвоем лупили его ногами в больничном парке. Оба почему-то решили, что именно он тебя убил. Наверно, сочли прецедентом то, как он обошелся со мной.

– Нет, мне никто не говорил, – Анна вздохнула. – Мне жаль.

– Не жалея, – голос Катрин прозвучал жестко. – Хоть кто-то набил его самодовольную рожу. Жаль, никто не надавал ему по физиономии, когда он *меня* так оскорбил. Все были заняты. Даже Серж был занят Аленой – ему было не до моих проблем.

– Ты что несешь? – опешила Анна. – Кать, совсем рехнулась?

Катрин удивленно спросила, даже с некоторой обидой:

– Почему это?.. Он женился на ней, хотя уверял, что любит меня.

– Как же тебе не стыдно! Серж любил тебя много лет, пока ты дурака валяла со своим дражайшим Орловым. Все знали и все видели – кроме тебя. Хотя ты, думаю, тоже знала. Ведь знала?

Катрин упрямо наклонила голову и надула губы, словно капризный ребенок.

– Ну, знала! И что из того?

– А если б он не стал молчать? Куда б ты его послала?

– Не знаю! – бросила Катрин. – Откуда я знаю! Он же молчал! Взял и женился на этой рыжей!

Анна рассердилась:

– Помилосердствуй, подруга! Ты что? Алена его любила искренне, царствие ей небесное! Не заставляй меня говорить штампами, но твой Булгаков поступил как порядочный человек, когда женился на ней.

– Ну да, – сварливо буркнула Катрин. – Сначала обрюхатил, чуть ли не в моем присутствии, а потом женился. Рыцарь выискался.

– Я все поняла! – вдруг совершенно искренне рассмеялась Анна. – Вот не ожидала, что когда-нибудь увижу, как ты ревнуешь Булгакова. Ой, не могу! Жаль, Серж этого не слышит! Я ему расскажу при случае!

– Я тебе расскажу! – погрозила ей Катрин кулаком. – Я тебя тогда тухлыми яйцами закидаю, тоже – при случае!

Похихикав, они принялись за остывший омлет, запивая его розовым вином. Обе голодные, как волки, вернее, волчицы, омлет они прикончили быстро и одновременно.

– А что Орлов? – спросила Анна, разделавшись с омлетом и вытирая губы накрахмаленной салфеткой. – Ты что-нибудь о нем знаешь?

– Не знаю и знать не хочу, – отрезала Катрин. – Не порть мне настроение, пожалуйста...

– Ты до сих пор не можешь его простить?

– Простить? – Катрин высокомерно подняла бровь. – Не собираюсь я его прощать. Он мне неинтересен.

Анна взяла со стола бокал и сделала глоток.

– Давно ли? – в ее голосе Катрин не уловила иронии. Прозвучал просто вопрос.

– Я не знаю... Видишь ли, Рыков мне сказал страшную вещь. Я тогда не вникла, не до того мне было, но сейчас понимаю – по большому счету, он, конечно, прав.

– Что он тебе сказал?

– Он сказал... – Катрин на мгновение запнулась, вспоминая: – Он сказал, что по сравнению с Орловым он дитя невинное. Он сказал, что Орлов морально насильничал меня на протяжении многих лет, а я отказывалась это признать. Пока все не кончилось физической расправой. Как же мне было больно. Мне казалось, я умираю... Орлов – мерзавец. Все из-за него, в конечном счете.

– Нет, Катрин, нет... Причина в нас самих. Я расплачиваюсь за измену. И еще долго буду расплачиваться. Но самое грустное, что хуже всех, в итоге, Антону. Рыков хотел помочь ему. На свой жестокий лад, но...

Катрин замотала головой:

– Нет-нет! Кто дал ему право мучить тебя? – воскликнула она. – А я? За что я расплатилась так жестоко? За какие грехи?

Анна казалась спокойной, говорила неспешно, разделяя слова, будто сама с собой:

– Видимо, было за что. Не обязательно – за измену...

– Ну уж нет! – отрезала Катрин. – Я никогда не была ангелом, но таких страданий не заслужила. И если б Серж его не убил – нам бы с тобой туго пришлось...

Подруга неопределенно покачала головой. Было очевидно, что Анну гложет некая мысль, которую она боится вытащить на свет божий, на всеобщее обозрение, но держать ее, выматывающую душу, внутри себя стало невыносимо.

– Антон, – выдавила она. – Как он?

– Я не знаю, – растерялась Катрин. – Он звонил несколько раз, но с ним разговаривал Серж. На мой вопрос, как дела у Антона, он сдержанно ответил: нормально. Но ты ж понимаешь...

– Понимаю, – с трудом проговорила Анна. Она была явно разочарована скудной информацией.

– Почему ты не позовешь его? – спросила Катрин. – Почему не облегчишь его страдания? Он бы прилетел на крыльях. Ну, может, не на крыльях – подпалалила ты ему крылья, конечно...

– Как я могу? – спросила Анна. – Как я могу воспользоваться его любовью так гнусно? Он... Его даже этот... Рыков не посмел бы обидеть.

– Ты говоришь так, словно Антон инвалид или душевнобольной, – рассердилась Катрин. – Он очень сильный человек. Мы с тобой даже не подозреваем, насколько он сильный – и телом, и духом. Ты унижаешь его жалостью.

– Жалостью? – вспыхнула Анна. – Я не жалею Антона. Я не хочу ставить его в такое положение, что ему придется ломать себя.

– Что за бред? – удивилась Катрин.

– Он любит так сильно, что заставит себя закрыть глаза на мою измену, – сказала Анна, и в словах ее сквозило столько боли, что Катрин стало не по себе. – Ведь он страдает больше всего не из-за того, что сделал со мной Рыков, а из-за того, что я добровольно, слышишь, Катрин, добровольно, отдалась Мигелю.

– Ты уверена? – засомневалась Катрин. – Что-то, по-моему, ты не то говоришь... Серж рассказывал, Антон чуть не помешался, когда узнал, что ты умерла. На него было страшно смотреть...

Анна не отвечала. Она думала об Антоне и Мигеле и понимала: то, что она однажды сделала, ни оправдать, ни объяснить невозможно. Катрин словно прочла ее мысли.

– Ты жалеешь? – спросила она. – О том, что пошла к Мигелю?

– Жалею? – удивилась Анна. – О нет! Не жалею... Несмотря ни на что – не жалею. У меня по-прежнему, когда его вспоминаю, дыхание перехватывает... И до сих пор не уверена, что не люблю его.

– Я тебя не поняла, – растерялась Катрин. – Я думала, ты все еще любишь Антона.

– Ты правильно поняла. Я его люблю, я очень по нему тоскую.

– А Мигель?

– Мигель... – в голосе Анны Катрин явственно услышала слезы. – Мигель... Не знаю...

И о нем тоже...

– Ничего себе, – присвистнула Катрин. – И как ты собираешься со всем этим разбираться?

– Никак. Ты же видишь – я не хочу встречаться ни с тем, ни с другим.

– Ты хочешь сказать, что любишь обоих?..

– Чувь какая, – в сердцах сказала Анна и испытующе спросила: – Ты меня осуждаешь?

– Какое право я имею осуждать тебя? Но ситуация, достойная Дюма-пэра. Только, если принять во внимание, что тебе пришлось пережить – по-моему, ты слегка того...

– Тронулась? Сама – ку-ку... – Анна с грустной улыбкой покрутила пальцем у виска. Потом выражение ее лица стало серьезным. – Я не хочу вспоминать об этом. Мне нравится думать, что того человека не было в нашей жизни. Можешь считать меня дурой.

– Я не считаю тебя дурой. Но беда в том, что он был. Знаешь, мне иногда кажется, что минула вечность. На самом деле – двух лет не прошло.

– Да? А у меня чувство, что это случилось вообще не со мной. Словно я прочла страшную книжку или посмотрела страшный фильм. И только когда я видела уродливые шрамы на своем теле, то понимала – именно меня он терзал там, в зеркальной гостиной, а не какую-то другую женщину. Поразительно, но он словно сожалел о том, что делает, в его голосе была такая искренняя печаль...

– Печаль? – скривила губы Катрин. – О да! Как это мне знакомо...

– А перед тем, как всадить в меня иглу с наркотиком, он сказал, что не позволит мне доставить Антону такую боль – лучше ему получить меня мертвую, чем потерять совсем. По-своему он прав.

– Ты с ума сошла! – воскликнула Катрин. – Да кто позволил ему решать, что лучше для всех нас? Даже для Антона?

– Он сам облек себя этим правом. И согласно этому праву, исполосовал меня, словно труп в прозекторской. Больше двадцати шрамов, Катрин, на мне живого места не было. Спасибо Мите Крестовскому, он уберег меня от отчаяния. Я уверена, именно он предложил Дирекции Гарнье этот благотворительный проект, сами бы они не додумались. И дополнительных спонсоров нашел. Сегодня Митя поет в Пале Гарнье в первом отделении. Он потрясающий. Я вас познакомлю, после спектакля мы поедем ужинать в Ритц. Кстати, будет еще один интересный господин. Хотя и не знаю, как ты посмотришь на его общество. Он, как бы тебе сказать...

– Ну? – заинтересовалась Катрин. – Что еще?..

– Он американец, – осторожно сказала Анна, – твоя нелюбовь ко всему английскому распространяется на американцев?

– Н-нет... Хотя опыт общения с американцами у меня небогатый. Откуда он взялся?

– Джош – агент ФБР. И, между прочим, ужасно харизматичный. Весьма в твоём вкусе. Бровь Катрин поползла вверх. Она наклонила голову набок.

– Вот как? Я, между прочим, мужняя жена. На фиг мне какие-то агенты? И какого черта он здесь делает? И какого черта ты с ним общаешься?

– Слог у тебя по-прежнему изысканный... Не поверишь, но он расследует какие-то старые грехи Рыкова. Он очень хотел встретиться со мной.

– Слог ей мой не нравится, скажите на милость, – Катрин фыркнула. – Зачем тебе это?

Анна вспомнила, как сама сначала не обрадовалась визиту фэбээровца. А уж когда выяснилось, что он расследует давнишние грехи Олега Рыкова, она и вовсе хотела выпроводить его вон. Но ее отговорила Жики. А потом как-то само собой фэбээровец остался на чай, а потом – оказался приглашенным на спектакль, в ложу Оперы. Он, правда, отнекивался, уверяя, что терпеть не может оперу, но его удалось переубедить – под предлогом, что им нужен сопровождающий. Все это Анна коротко объяснила подруге, заключив с улыбкой:

– Вообще, не очень-то он и сопротивлялся.

– Этот твой агент и мне будет задавать вопросы? – заволновалась Катрин.

– Понятия не имею, – покачала головой Анна. – Но ты не обязана ему отвечать, если он начнет что-то из тебя вытягивать.

– Сильно он донимал тебя?

– Да нет... Был очень тактичен и не настаивал на подробностях того, что произошло два года назад. Больше интересовался, что Рыков собой представлял, что я о нем думаю...

– И что ты о нем думаешь? Только честно.

– Я не могу о нем думать, – Анна сжала зубы. – У меня темнеет в глазах от боли и отчаяния, как тогда...

– Прости, – торопливо воскликнула Катрин. – Какая же я дура! Зачем я напомнила тебе...

– Ничего, – Анна остановила ее. – Перестань. Истина в том, что тот ужасный человек сам себя разрушил. Говорят, он любил тебя, – Анна грустно покачала головой. – Ты знала?

Катрин опустила глаза: – Нет, даже не подозревала. Он никогда...

– Я так и думала, – остановила ее Анна. – То есть, он все держал в себе. И любовь к тебе, и ревность к Орлову. А поскольку надежды у него не было никакой, эти сильные чувства выжигали его изнутри. Но твоей вины в том нет.

– Да, мне это и Серж без конца повторяет... – протянула Катрин. – Но иногда так щемит сердце...

– Тебе его жаль? – внезапный вопрос Анны застал Катрин врасплох, и она вспыхнула от гнева: – Жаль?! Да как мне может быть его жаль?! Чего ради? Как тебе такое в голову пришло!.. Да если б я только могла...

– Если б ты могла – что?.. – спросила Анна осторожно.

– Не знаю, – прошептала Катрин, – я не знаю...

Они допили бутылку вина и, подхватив покупки, вышли на Place de Madeleine. Пора было ловить такси, ехать домой и готовиться к большому выходу. Обе они ощущали облегчение, излив друг другу то, что никому более сказать не могли – даже самым близким людям...

К семи часам все были готовы. Жики облачилась в бархатное платье, темно-красное, цвета старого бордо. Достаточно глубокий вырез украшала брошь – рубиновый скорпион – видимо, что-то старинное, еще довоенное. Шелковые черные перчатки выше локтя придавали ей прямо-таки царственный вид, который завершала неизменная красная помада.

Анна надела длинное платье из серо-розового шелка «пепел розы», и нитка жемчуга оттенила алебастровую белизну ее кожи. Длинную шею уже не уродовал шрам, легкая краснота – и та становилась бледнее день ото дня, и светло-серые глаза Анны безмятежно сияли, не омраченные мыслью об уродстве и загубленной жизни. Она была очень хороша, но когда в дверях гардеробной Жики появилась Катрин, Анна от восторга захлопала в ладоши.

По точеной фигуре той струился черный шелк, а великолепным прямым плечам позавидовала бы любая модель. Темные волосы были разделены пробором и искусно уложены умелой горничной Жики. Скромный макияж подчеркнул бледность лица и бездонную глубину глаз.

– Правильно они называли тебя – принцесса, – задумчиво протянула Анна.

Катрин чуть нахмурилась. Так, в основном, называл ее Мигель – в неодобрительном контексте, когда хотел ей попенять за необоримую лень и равнодушие. И она терпеть не могла, когда он ее так называл.

– Знаю, что сюда подойдет, – Жики скрылась в гардеробной. Несколько минут оттуда доносились испанские ругательства вперемешку с французским арго³⁵, и подозрительный шорох. Что-то с шумом упало, а потом раздался угрожающий треск. Катрин с опаской прислушивалась к доносящимся из гардеробной звукам, но Анна, не обращая внимания, сосредоточенно красила губы. Спустя минуты три Жики вновь появилась из гардеробной и скомандовала, обращаясь к Катрин:

– Наклони голову!

И когда та послушно склонилась перед ней, возложила на нее сверкающую тиару. Катрин выпрямилась и посмотрела в зеркало. Там она встретила взглядом с остолбеневшей и потевшей дар речи Анной и смутилась:

– По-моему, это слишком... – но сама не могла оторвать глаз от своего отражения. Тиара переливалась всеми цветами радуги – сделанная из белого металла, со множеством сверкающих камней.

– Это бриллианты? – пробормотала ошарашенная Катрин.

³⁵ Арго – (от фр. argot) речь низов общества, деклассированных групп и уголовного мира. В современном французском языке отдельные элементы арго употребляются всеми слоями общества.

– Я похожа на миллионершу? Будь у меня такая бриллиантовая, я бы уже обзавелась особняком где-нибудь на Курсель³⁶. Это винтажная бижутерия от Шанель – между прочим, стоит кучу денег.

– В похожей тиаре я танцевала Аврору, – грустно проговорила Анна, но потом улыбнулась. – Какая же ты красивая. Спецагент обалдеет.

– Я и забыла про твоего спецагента, – призналась Катрин. – Пожалуй, больше ничего не нужно – даже серег...

– Не нужно, – кивнула Анна. – Публика и так будет смотреть не на сцену, а на тебя.

Катрин испугалась:

– Так, может, снять эту диадему?.. Я совсем не хочу привлекать внимание посторонних...

– Не снимай, – остановила ее Жики. – Она словно сделана для тебя! Если б ты только знала, кто мне ее подарил...

– Кто? – заинтересовалась Анна. Не секрет, что Жики когда-то крутила романы со многими известными людьми, среди которых были политики, кинозвезды и даже некая титулованная особа.

Жики не успела ответить, так как раздался звонок в дверь.

– Это наверняка Джош, – сказала Анна и бросила последний взгляд в зеркало, поправляя гладкую прическу. На пороге гостиной возник молодой мужчина высокого роста, с короткими светлыми волосами, с резкими чертами лица, с типичной американской улыбкой в тридцать два зуба. В отличном смокинге. И с пиратской жемчужной серьгой в левом ухе.

– Леди, я опоздал? – его голос звучал приглушенно, словно немного простужено.

– Чуть, – проронила Анна. – Но это не страшно. Джош, позвольте вам представить мою подругу Катрин.

Катрин неторопливо повернулась лицом к гостю. На нее смотрели светло-карие глаза – внимательные и немного ошеломленные.

– How do you do?³⁷ – Почему-то по ее спине пробежали мурашки, а легкий пушок на руках встал дыбом.

– Вам кто-нибудь говорил, что вы невероятно красивы? – спросил он также по-английски, не отрывая от нее взгляда.

– Вы первый, сэр, – Она усилием воли заставила себя улыбнуться так, чтобы улыбка не получилась кривой.

– Она врет, – нахально заявила Анна.

– Не сомневаюсь, – фэбээровец все еще напряженно глядел на растерянную женщину. Его пристальное внимание уже выплескивалось за рамки приличий. Катрин становилось все более и более неудобно. Наконец, он протянул руку Жики, и она охотно на нее оперлась.

У подъезда их ждал огромный темно-синий BMW с водителем.

– Неплохо живут сотрудники ФБР, – не преминула съехидничать Катрин, располагаясь на заднем сидении вместе с Анной и Жики.

– Это арендованный автомобиль, – агента, казалось, отнюдь не обескуражила ее язвительная фраза. Он даже не обернулся, и Катрин видела только его коротко стриженный, у дорогого парикмахера, затылок и элегантную шею над атласным отворотом смокинга.

Анна, не меняя строгого выражения лица, пихнула подругу локтем в бок. Та ответила ей тем же. В переводе на обычный язык это означало: «Ну как он тебе?» «Обалдеть! Но при чем тут я?»

Катрин поднималась по широкой лестнице фойе, приподнимая подол длинного платья, больше всего боясь навернуться на виду у всего парижского бомонда. За их колоритной чет-

³⁶ Le boulevard de Courcelles – фешенебельная улица старой буржуазии в 8 округе Парижа.

³⁷ Здравствуйтесь, форма приветствия при знакомстве (англ).

веркой действительно следили внимательные, и порой ревнивые глаза, которые чаще всего останавливались на Анне – многие признавали в ней знаменитую балерину и произносили ее имя – то не стесняясь, громко, то завистливым шепотом. К ним подходили люди, здоровались с Анной и старой дивой, которая тоже была личностью узнаваемой.

– Жики! – услышали они чуть дребезжащий голос. – *Carissima!*³⁸

– О черт, – выругалась тангера вполголоса. – Только его не хватало! – однако торопливо приклеила к тонким губам милую улыбку – приветливую до такой степени, что ее едва ли можно было назвать искренней. К ним, вальяжно опираясь на трость, направлялся осанистый старик, сжимая изуродованными подагрой пальцами хрустальный набалдашник.

– Винченцо! – Жики кивнула, но старик потянулся к ней, и она была вынуждена три раза приложиться к его морщинистой щеке.

– Ты все так же хороша, – заявил старик, достаточно бесцеремонно ее оглядывая. Жики поморщилась, и это от него не ускользнуло, – И все так же упряма! Ничего не меняется, а?

Он обвел взглядом ее компанию. – Какие прекрасные дамы! Восхитительные розы! Представь меня, *carissima!*

Его игривые слова прозвучали, однако, скорее как приказ, а вовсе не просьба. Жики надменно поджала губы:

– Винченцо, ты все тот же старый ловелас. *C'est vrai*³⁹, ничего не меняется. Ладно, черт с тобой! Анна Королева, моя русская подруга.

– *Riace*!⁴⁰ – старик приложился к руке Анны, которая протянула ее, словно загипнотизированная его пронзительным взглядом.

– Дорогая, это команданте Росси, мой старинный приятель.

Жики не представила старика по имени, и тот, заметив это, кисло усмехнулся. Потом перевел взгляд на Катрин: – Еще одна русская роза?

– Подруга Анны Катрин, – неохотно пояснила Жики. – Познакомься, дорогая!

Старикан бесцеремонно оглядывал Катрин, словно она редкость, достойная его пристального внимания.

– Где ты их находишь? – поинтересовался Росси так, словно речь шла не о молодых женщинах, а о произведениях искусства – с одной стороны – драгоценных, а с другой – неодушевленных.

Анна переглянулась с подругой, и от Жики не укрылось возмущенное выражение ее лица. Поэтому она объявила:

– Винченцо, тебя заждались твои спутники, – и кивнула на трех амбалов в смокингах, застывших чуть поодаль. – Племянники?

– Да, взял на воспитание, – не моргнув глазом, заявил старик. – Ничего от тебя не скроешь. – Однако, до встречи, *carissima*. Дамы! – откланялся он галантно и направился напрямик к ломам бенуара. Амбалы потрусили за ним, не отставая ни на шаг.

– Слава богу, – пробормотала тангера.

– Мафия? – лениво поинтересовался Джош.

Жики прикрыла веки. – Я не стала представлять вас, мой друг, дабы не травмировать старого *padrino*⁴¹, – сказала она.

– Разумно, – кивнул Джош. – И весьма предусмотрительно.

– Зато сейчас я познакомлю вас с графиней Изабель де Бофор. Она внучка моей старинной подруги, – к ним приближалась молодая дама в совершенно невероятном платье, словно

³⁸ Дорогая! (итал).

³⁹ Действительно, правда (фр).

⁴⁰ Очень приятно! (итал).

⁴¹ Крестный отец, глава мафии (итал).

сплетенном из стекляруса, светловолосая, с прической «паж», почти без макияжа. Она клюнула Жики в пергаментную щеку, улыбнулась Анне и Катрин, и стрельнула взглядом в сторону американца.

– Мадам Королева, я поклонница вашего таланта, – искренне сказала она. – Когда мы увидим вас на сцене Opera de Paris снова?

– Не скоро, – скрывая сожаление, ответила Анна. – В декабре я открываю Показы Школы танцев Балета Гарнье⁴². Буду рада вас видеть.

– Обязательно, – горячо пообещала графиня. Она улыбнулась Катрин и снова покосилась на их спутника.

– Ma sorine Cathrine⁴³, – представила подругу Анна. – Мсье Джош Нантвич, наш американский друг.

– Как поживаете? – по-английски сказала Изабель. Джош вежливо поклонился. Катрин поздоровалась по-французски.

– Как здоровье бабули? – спросила Жики.

– Ах, – вздохнула Изабель. – Неважно, но ты же знаешь Моник, Жики. Она неугомонная. Все носится по миру со своим фондом.

– Да, знаю... – кивнула Жики. – Передавай ей привет.

– Непременно... – Изабель с любопытством, которое даже и не пыталась скрывать, разглядывала Катрин. Что, естественно, не укрылось от Жики.

– Приходи к нам на чай, – ласково пригласила она, потрепав молодую даму за локоть. – Давно мы не сидели вместе за чашечкой чая. Или чего покрепче?

– С меня вполне хватит чая, – Изабель улыбнулась всем на прощание и вернулась к своему спутнику, терпеливо дожидавшемуся у паркета.

– Она внучка Моник Гризар? – спросил Нантвич у Жики как бы между прочим. Та удивленно подняла брови.

– А вы знакомы с Моник?

– Нет, разумеется, откуда? – покачал головой спецагент. – Сопоставил имя и упоминание о фонде. В сумме получилось – Моник Гризар.

– О каком фонде речь? – спросила Катрин.

– Фонд помощи жертвам насилия, – ответил Нантвич. – А Моник Гризар – его бессменный председатель уже лет, наверно, сорок...

– Пятьдесят, – поправила Жики, – она его основательница.

– А в чем заключается эта помощь? – спросила Катрин, заинтересовавшись.

– Прежде всего, в деньгах, конечно. Находим бедняжке адвоката, если необходимо. В особо тяжелых случаях помогаем женщинам скрыться, снабжая документами и легендой.

– Ну прямо программа защиты свидетелей, – чуть улыбнулся фэбээровец.

– Напрасно иронизируете, молодой человек, – рассердилась Жики. – Вы не представляете, какое запутанное законодательство в отношении семейного насилия практически во всех странах. Иногда бывает невозможно оградить женщину от мужа-садиста. В этом случае мы ее прячем.

– Вы говорите «мы», Жики, – повернулась к ней Катрин. – Вы тоже в этом участвуете?

Жики смутилась:

– Не часто. Стара я уже стала.

И она, изящно подобрав платье, весьма бодро поскакала вверх по лестнице, ведущей к ломам второго яруса. Катрин собралась последовать за ней, но Анна ее остановила.

⁴² Ежегодное мероприятие Парижской Оперы.

⁴³ Моя подруга Катрин (фр).

– Подожди! – она огляделась. – Прекрасный вид. Дай мне телефон, я тебя сфотографирую, и мы пошлем твое фото Сержу. Прямо сейчас.

Катрин порылась в маленьком парчовом минодъере⁴⁴, купленном вместе с платьем, достала оттуда смартфон и протянула Анне. Потом поднялась на несколько ступеней и остановилась, коснувшись тонкой рукой прохладных мраморных перил.

– Вот так и стой, – кивнула Анна.

Джош Нантвич тоже остановился немного поодаль, с любопытством наблюдая за ними. Полыхнула вспышка, и Анна вернула Катрин ее мобильник.

– Отсылай, – Катрин открыла снимок, который сделала Анна и уставилась на него. Да-а, Булгаков обалдеет, это точно... В тиаре он еще ее не видел.

– Ну, – торопила Анна. – Отсылай поскорее и выключай телефон. А то еще не хватало, чтоб он названивать тебе начал во время спектакля. Нантвич прислушивался к их разговору, но не понимал ни слова, так как Анна говорила по-русски. Катрин послушно нажала на «отослать» и выключила телефон. Они втроем поднялись в ложу, где их уже ждала Жики.

...В первом отделении была заявлена «Дидона и Эней» Генри Пёрселла – камерная барочная опера, с наивным сюжетом Вергилия, костюмами эпохи Ренессанса и самой Стефани д’Острак в партии Дидоны. Дмитрий Крестовский исполнял партию Энея, не вызывая ни малейшего сомнения в том, что в этого мужчину можно влюбиться до потери рассудка, а разлука с ним сведет в могилу. Катрин погрузилась в музыку и вокал, забыв о сюжете. Застыв в первом ряду ложи, она положила руку на бархатный бортик и, казалось, ничего вокруг не воспринимала, кроме музыки. Сидевший рядом Джош обратился к ней пару раз, но она словно не слышала его, не отрываясь, глядя на сцену. А в самом конце...

Услышав первые такты «When I’m laid in Earth»⁴⁵ Катрин вздрогнула и застыла в кресле. Если б кто-то в этот момент заглянул ей в глаза, то увидел бы, что ее зрачки расширились, и она невидящим взглядом уперлась в одну только ей известную точку на сумбурном плафоне Шагала. Потом ее губы затряслись в беззвучном плаче, но это заметил только Джош Нантвич. Он накрыл ее руку ладонью, а она даже не заметила его прикосновения. «Это Плач Дидоны, Катрин... Самая красивая и самая печальная песня о самой бессмысленной смерти, которую только можно себе представить». Хрустальный голос наполнял огромный зал, проликая повсюду – в тяжелые складки кроваво-красного бархата, в изящные деки скрипок, плачущих в оркестре, в замысловатые завитки мерцающей в полумраке люстры. Он трепетал на острие дирижерской палочки, глубоким легато обволакивал сердца людей в зале, взмывая столбом пламени отчаянного крещендо и затухая, подобно жертвенному костру. Сознание Катрин неумолимо затягивалось в полыхающую бездну, окружающие очертания стирались, и лишь светло-карие глаза не отпускали ее, и их взгляд она не переставала ощущать на себе, когда явственно услышала голос человека, разрушившего ее жизнь: «Катрин, Катрин. Ты ведь понимаешь, о чем она поет? Когда ты ляжешь в землю... Смотри на меня! Я приказываю тебе – смотри на меня!» Она почувствовала запах сандала и сигарного дыма: «Катрин, смотри на меня. Ты ведь не закрывала глаза, когда была с Орловым?»

Дидона уже умерла, и младшая сестра ее в знак скорби покрыла голову черной вуалью. Свита заворачивала царицу в саван, а Катрин казалось, что это ее уносят прочь, окутанную погребальными одеждами, чтобы предать земле. Последние такты самой печальной музыки на свете....

– Катрин! – Анна потрясла Катрин за плечо, но та словно окаменела. – Катрин, ты идешь?

⁴⁴ Минодьер (фр. la minaudière) – маленькая вечерняя сумочка с богатым декором и обильной отделкой.

⁴⁵ «Когда меня положат в землю» – заключительная ария Дидоны, более известная как «Плач Дидоны».

Отгремел шквал оваций. И Анна, и Жики поднялись со своих кресел, чтобы выйти из ложи. Катрин же оставалась неподвижна, и Джош не сводил с нее внимательного орехового взгляда.

– Катрин, – снова позвала ее Анна.

– Да-да, – отозвалась Катрин и встала с кресла. Только для того, чтобы через мгновение, изломившись, упасть подле него без сознания...

...Он совершенно не ожидал ее увидеть. Словно получил мощный удар в солнечное сплетение, да так, что в глазах потемнело. Она стала еще красивее, чем в последний раз, когда он случайно встретил ее в Шереметьево. Катрин сидела в первом ряду ложи второго яруса, рядом с Анной, за которой он следил и знал, что она будет вечером в Опере. Но он никак не ожидал столкнуться с Катрин, и оказался не готов. Он еле сдержался, чтобы не броситься к ней или не совершить еще какую-нибудь непоправимую нелепость.

Обретя, наконец, возможность мыслить здраво, уняв бешеное сердцебиение, он начал исподволь ее рассматривать. Интересно, пронеслось у Рыкова в сознании, вспоминает ли она его... Конечно, Катрин не думает о нем постоянно, как думает о ней он. Но все же – присутствует ли он в ее голове, хотя бы в голове – на сердце надеяться, конечно, глупо.

Она прокляла его тогда, на даче в Репино, но женская душа непостижима, и кто знает, что она сейчас к нему чувствует? Скорее всего, изгнала из памяти мерзкое воспоминание, а возможно, вновь и вновь переживает то, что произошло между ними. Как бы там ни было, усмехнулся Олег про себя, он – одно из самых сильных впечатлений в ее жизни. Не из самых приятных, но, определенно, из тех, что забыть невозможно. Она замужем за Сержем – и просто сияет. Наверно, Серж мог бы сделать ее счастливой, не то что подонок Орлов, но любит ли она его? Тогда, в аэропорту, Катрин казалась абсолютно поглощенной им, она все время старалась держаться за него, и Серж не отрывал от нее взгляда, не выпускал из объятий. Но что она делает здесь, в Париже, судя по всему, одна? Сбежала от него? Он ей наскучил, рыцарь без страха и упрека? Интересно бы выяснить. Но как? Он может только наблюдать за ней издалека – не дай бог, она его узнает. Черт бы побрал этого американца-дебила – он ему уже мешает...

И простое ли это совпадение или благосклонная к нему судьба, что именно «Дидона и Эней» звучала в тот чудесный вечер в Опера Гарнье, а она, его кареглазая страсть, увенчанная тиарой, очутилась в такой опасной досягаемости? Он забыл о риске, втайне даже желая, чтобы она его узнала, и он бы увидел на ее лице волнение, смятение, страх, а может, даже ужас – и обрел бы доказательство того, что она помнит о нем. Помнит ли?

Он получил ответ на свой вопрос, когда женщина, к которой был прикован его пламенный взор, поднялась и опустилась рядом с креслом, словно воздушный шарик, из которого сдулся воздух. «Remember me»... И он испытал чувство, похожее на удовлетворение... Да, несомненно, она его помнит.

...Джош подхватил ее на руки, и хотел было вынести из ложи, но дорогу ему преградила Жики. С возгласом «Куда? Зачем?» она остановила его.

– Джош, подождите, – Анна коснулась рукава его смокинга. – Посмотрите, она уже приходит в себя. Усадите ее в кресло.

Как ни странно, он послушался и осторожно опустил Катрин в кресло, которое предусмотрительная Жики отодвинула в угол, подальше от любопытной публики. И правда, на скулы Катрин уже возвращались краски, и ресницы подрагивали. Она приоткрыла тяжелые веки.

– Что случилось? – прошептала она по-русски, обводя взглядом всех присутствующих. На мгновение она задержалась на Джоше, видимо, не сразу вспомнив, кто это. Потом вспомнила и повторила уже по-французски: – Простите меня... Испугала всех, – она видела их встревоженные лица, и ей стало неловко.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила Анна.

– Я не знаю... голова кружится.

– Поедем домой, – распорядилась Жики. – Тебе надо лечь в постель.

– Нет-нет! Зачем вам уезжать, – отказалась Катрин. – Мистер Нантвич, вы не могли бы вызвать мне такси? Я поеду к себе в отель.

– Конечно, – кивнул он. – Я вас провожу.

– Зачем же? Я вполне доберусь сама, – попробовала протестовать Катрин. Но Нантвич не обратил на ее протесты никакого внимания.

– Дамы, вы можете распорядиться моей машиной, – повернулся он к Анне и Жики. – Шофера я предупрежу. Пойдемте, Катрин.

Он действовал так быстро, что не оставил им ни единого шанса возразить. Жики было открыла рот, чтобы возмутиться, но он уже вывел Катрин из ложи...

– Я позвоню тебе, Катрин, – только и успела крикнуть ей Анна вслед...

– Лихо, – пробормотала под нос старая тангера не без восхищения.

... В такси он сел рядом с Катрин на заднее сиденье, и за те пять-семь минут, что «Рено» петляло по узким улочкам первого округа, она успела задремать, привалившись к его плечу. Он сидел, боясь пошевелиться, чтобы не дай бог, не разбудить и не нарушить хрупкое мгновение ее покоя. Но вот такси остановилось около отеля на улице Saint Opportune. Джош расплатился с таксистом и осторожно коснулся ее руки, безвольно лежащей на колене.

– Катрин, мы приехали.

Она открыла глаза, похлопала ими, словно не понимая, где она и с кем. Ее щека касалась гладкой теплой ткани, а обоняние щекотал необычный запах – сухой и пьянящий. Она выпрямилась и скосила взгляд на сидящего рядом мужчину, вернее на его профиль – высокий лоб, нос с совсем небольшой горбинкой и изящно вырезанными ноздрями, строгие губы. Помедлив пару секунд, он вышел из машины. Открыл дверь с той стороны, где сидела Катрин и помог ей выйти.

– Спасибо, мистер Нантвич.

Он задержал ее ладонь в своей, и она оцепенела под его внимательным светло-карим взглядом, ощущая себя птицей, пойманной в силки.

– Джош, – поправил он.

– Джош, – кивнула она. – Я вас не приглашаю, простите...

Нантвич жестом остановил ее:

– Я и не рассчитывал на приглашение. Вам надо отдохнуть. Хотите, я вам дам снотворное? У меня есть отличное американское снотворное. Быка может с ног свалить. И голова наутро свежая.

Она слегка улыбнулась, не без облегчения, и покачала головой.

– Не нужно снотворного. Я так хочу спать, что, кажется, сейчас упаду замертво... – она осторожно высвободила ладонь.

Джош сунул руки в карманы брюк, и сразу вид у него стал немного хулиганский.

– Какие у вас планы на завтра, Катрин? – прищурившись, спросил он.

Она смущенно взглянула на него – снизу вверх. Он что, ее клеит? Невероятно! Ее клеит спецгент ФБР. Бонд. Джеймс Бонд... Хотя Бонд, кажется, агент британской разведки... Ах, какая разница! Она может стать девушкой Бонда. Погони, перестрелки, Остен-Мартен и казино в Монте-Карло... Да еще эта жемчужина у него в ухе. Круто. Катрин развеселилась.

– Позвольте мне пригласить вас на пикник, – продолжал он серьезно.

– На пикник? – удивилась она. – Здесь, в Париже?

– Вы бывали в Булонском лесу?

– Не приходилось, – Катрин торопливо соображала, что ей ответить. С одной стороны, Джош милый, безукоризненно вежливый и невозможно обаятельный, а с другой – куда может

завести ее этот невесть откуда нарисовавшийся флирт? «Катрин, опомнись!» – приказала она себе.

– Это как-то неожиданно, Джош. – она старалась, чтобы ее голос звучал максимально мягко, – И вообще – я приехала к Анне. И собиралась провести время с ней. Да еще по магазинам пройтись... И знаете, это неудобно! – наконец выпалила она.

– Неудобно? – удивился он. – Может, я неправильно вас понял? Все-таки у вас британский английский, Катрин. Почему неудобно? У меня арендована машина с водителем, он нас отвезет и заберет, когда я ему прикажу. Почему неудобно?

Катрин растерялась.

– Да я же не о транспорте, Джош! Я о...

– Я понял, – он погрузился. – Вы не хотите со мной ехать.

Тут Катрин почувствовала, что она хочет с ним ехать. Притяжение этого человека было столь очевидным! Но как ему объяснить, что она замужем и очень сильно замужем? Видимо, сбивчивые мысли отразилась на ее лице, потому что он что-то сообразил и рассмеялся:

– Дорогая моя леди! Вас успокоит, если я приглашу ваших подруг поехать с нами? У нас будет большая компания, и вы перестанете смущаться по пустякам. Мы договорились?

Катрин кивнула, улыбаясь, и, пожав ему на прощание руку, скрылась за дверью отеля. Она поднялась к себе в номер и, не раздеваясь, стала разбирать многочисленные вещи, вешать на плечики одежду, раскладывать по ящикам белье, расставлять в ванной всякие мелочи: зубную щетку, крем для лица и косметику. Она двигалась по номеру, как тень, и только спустя полчаса, мельком глянув на себя в зеркало, увидела, что она все еще в своем новом вечернем платье, и тиара все так же сияет на ее голове.

Она вспомнила о фото, которое послала мужу, о телефоне, который по настоянию Анны выключила почти четыре часа назад. Она схватила со стола минодьер, достала телефон и включила его: несколько звонков от Анны, полная тревоги смска от нее же и сообщение от мужа. «Моя красавица жена, хочу тебя прямо сейчас». Вот так. И никакого банального «Целую».

Утром ей позвонила Анна.

– Привет! – бодро начала она. – Я тебе обзвонилась вчера. Как ты себя чувствуешь?

Катрин так же бодро ей ответила:

– Со мной все хорошо...

– Смотрю, наш агент совершенно тобой сражен? Так я и знала! Я думаю, он тебе тоже понравился, скажешь, нет?

Так, наверно, ощущает себя магазинный воришка с дорогими часами в кармане, пойманный бдительным охранником.

– Ань! Ты о чем, вообще, говоришь? Мне, кроме Сержа, не нужен никто...

– Конечно, не нужен. Но надо себя держать в тонусе. И может, объяснишь мне наконец, что вчера с тобой такое произошло?

– Не по телефону. Вы уже получили приглашение?

– На пикник? – уточнила Анна. – Разумеется. Первый, кого я сегодня услышала – твой спецгент со своим приглашением.

– Да почему это – мой? – возмутилась Катрин. – Вовсе он не мой. Скорее твой.

Так вы поедете?

– Мы приняли приглашение, если ты об этом. Но я еще позвала Митю Крестовского, не возражаешь? А то вчера мы его, грубо говоря, продинамили с ужином.

– Из-за меня? – уныло спросила Катрин.

– Конечно, – в голосе Анны звучала ирония. – Из-за кого же! Столик в Ритце пропал – обидно. Ну ничего, сегодня под елками посидим. Или что там в Булонском лесу растет.

– Уж точно – не елки, – улыбнулась Катрин. – Откуда там взяться елкам...

Елок в Булонском лесу действительно не оказалось. Зато в огромном количестве присутствовали вековые дубы и немного сосен. В тени одного из дубов и расположилась небольшая компания. Специально для Жики Крестовский привез удобный шезлонг, остальные устроились на плотном шотландском пледе, разостланном на стылой земле. День выдался солнечный, хотя и прохладный. На ярко-синем парижском небе не было ни облачка. Пока мужчины открывали бутылки с вином, Жики раскладывала привезенную еду. Катрин укачало в машине, и обеих молодых женщин отправили проветриться. Они отошли всего на несколько шагов и прислонились к одному из деревьев.

– Ну, рассказывай, – Анну распирало от любопытства. – Про вчера?

– А что вчера? – Катрин невинно похлопала ресницами. – Он всего лишь меня проводил. Не приставал, не лез целоваться.

– Не лез, говоришь? – Анна хихикнула. – Какое, однако, воспитание! Но я не о том. Почему тебе стало плохо? Ты что, все-таки беременна?

Катрин покачала головой:

– Вроде нет... Это музыка. Плач Дидоны.

– Не подозревала, что ты так чувствительна к музыке, Катрин, – Анна пристально смотрела на нее. – Никогда за тобой не замечала.

Катрин подняла голову. Глаза ее начали наливаться гнетущей черной тоской. Несколько мгновений она молчала, словно не решаясь заговорить о том, что так ее снедало.

– Под какую музыку он мучил *тебя*? – спросила она тихо.

– Что?.. Что ты говоришь, Катрин?

– Меня он насиловал под Плач Дидоны. А тебя?

Анна оглянулась в сторону их компании. Оттуда доносились беззаботные голоса и смех. Что и говорить, Жики любила общество красивых, умных мужчин и знала толк в хорошем вине. Старая тангера веселилась от души.

– «Норма», – наконец ответила Анна. – Недавно села в такси, по радио звучала *Casta Diva*⁴⁶. Меня вырвало под Марию Каллас. Так было неловко перед таксистом.

– Тогда ты поймешь. Вчера, в Опере, мне почудилось, что Рыков совсем рядом. Знаю, звучит дико, но я физически ощутила его присутствие. Мне стало так страшно...

– Ну конечно, – Анна гладила ее по плечу. – Конечно же, тебе стало страшно...

– Аня, я не понимаю, что со мной происходит... – По лицу Катрин лились слезы, и она никак не могла их остановить. Анна обняла ее – еще немного, и она сама разрыдается. Надо кончать с этим.

– Хватит, – Анна протянула подруге носовой платочек. – Успокойся. Зачем тебе ненужные вопросы? Джош о чем-нибудь спрашивал тебя вчера?

Катрин сделала отрицательный жест: – Нет.

И без его вопросов она прорыдала полночи и забылась тяжелым кошмарным сном только в пятом часу. Ей остро не хватало Сергея, его сильных рук, прижимавших ее к себе, когда по ночам обступали страшные воспоминания, и она просыпалась с криком, в холодном поту.

– Давай вернемся, – шепнула Анна. – На нас смотрят. Джош смотрит.

В самом деле, Нантвич поглядывал в их сторону, на стоявших подле друг друга женщин – в этой паре было что-то горестное и трагическое – он не мог не понять, что они говорят о вчерашнем происшествии в Опере. Катрин взяла Анну под руку, и они побрели в сторону их небольшого бивуака, торопливо надевая на лица улыбки, хотя улыбаться не хотелось, а скулы сводила болезненная судорога. Стало немного лучше после того, как они выпили шабли: боль немного отпустила, и они начали улыбаться, а не растягивать губы в горестной гримасе.

⁴⁶ Каватина Нормы из оперы Беллини «Норма».

Еда, привезенная Нантвичем, оказалась вкусной, а Крестовский совершил набег на ресторан с улитками, и каждому досталась приличная порция эскарго⁴⁷.

Потом Жики захотела подремать и прогнала молодежь пройтись. Как-то само собой получилось, что они разделились – Анна с Крестовским пошли по аллее вглубь леса, увлеченно обсуждая кого-то из общих театральных знакомых, а Катрин и Джош – в сторону зеркального пруда. Там, на берегу, они увидели небольшую пристань. Несколько лодок, выкрашенных в сине-бело-красные цвета, чуть покачивались на воде рядом с мостками.

Катрин проронила: – Лодки.

– Хотите покататься? – мгновенно отозвался Нантвич.

– Не знаю, – растерялась она. – Я не умею плавать. Вдруг лодка перевернется?

– Это совершенно безопасно, – заверил он. – Я отлично умею грести. В колледже я даже сплавлялся на каяке.

Нантвич с осторожностью помог ей перебраться в одну из лодок, сел на весла. Он и правда греб превосходно, казалось, не прикладывая ни малейших усилий. Неспешно вырулив на середину поблескивающего на солнце пруда, он поднял весла и посмотрел на Катрин, которая сидела на корме, подставив ярким весенним лучам лицо с неизменными темными очками на совершенном носу.

– Расскажите мне о себе, Катрин, – попросил он неожиданно.

– Рассказать о себе? – его просьба застала ее врасплох. – Что вас интересует?

– Что угодно. Все, что вы сочтете нужным рассказать. Пожалуйста.

– Вы же наверняка все обо мне знаете, – усмехнулась Катрин. – По роду вашей работы.

– Да, – кивнул он, – я много о вас знаю, но отнюдь не все. Есть вещи, которые не входят ни в одно досье.

– Вы сказали – досье? – она насторожилась.

– Катрин, – в его голосе звучал упрек, – конечно же, ваша подруга проинформировала вас, почему я здесь и чем занимаюсь.

Катрин не ответила ни да, ни нет, а только неопределенно повела плечами. Джош, тем не менее, продолжил, ничуть не смутившись ее показным равнодушием:

– Разумеется, изучая дело Рыкова, я сделал запрос в Москву. Мне прислали весьма подробный отчет, надо отдать должное местной уголовной полиции. И ваше имя там фигурировало в числе первых. Я знаю, через что вам пришлось пройти. Вчерашний обморок связан с теми событиями? Это как-то касается Рыкова?

– Касается, – еле слышно прошептала Катрин. – Его и меня. **Вас**, – она подчеркнула слово, – это не касается.

– Вы и он... – медленно произнес Нантвич. – А есть такое понятие – вы и он?..

– Замолчите!

Она решительно отвернулась от него. Он теперь не видел ее лица – только маленькое ухо со скромной золотой сережкой и уголок гневно сжатых губ – они свидетельствовали о ее настроении красноречивей слов.

– Я рассердил вас? – спокойно спросил Нантвич. – Простите, я меньше всего хотел вас обидеть...

Да что это с ней? Что ее так возмутило? Ведь по сути, он прав. Нет, и не может быть такого понятия – она и Рыков.

– Нет, Джош, это вы меня простите. Вы так внимательны ко мне, а я вам нагрубила.

– Переживу, – сухо отрезал он и после мгновенной паузы упрямо добавил. – Катрин, я настаиваю, расскажите мне о себе. И о нем. Вы же знаете, я здесь по его черную душу, чтоб ей гореть в преисподней...

⁴⁷ Изысканное французское блюдо из улиток.

– А если б он был жив? – Катрин посмотрела на него с вызовом. Он ответил ей таким же прямым взглядом.

– Тогда я б отправил это чудовище в Штаты, и там бы его приговорили к смертной казни, – жестко ответил Нантвич. – За убийство первой степени.

Катрин содрогнулась. Перед глазами ясно нарисовалась картина – тело болтается в петле, с мешком на голове и в тюремной робе. Она побледнела. Может и лучше, что он погиб от руки друга, пусть и бывшего...

– Вы побледнели, – заметил Джош. – Вы себе *это* представили?

Она молчала некоторое время, а потом заговорила, не отрывая глаз от водной глади:

– Нас было шестеро друзей: пятеро парней и я. Анна попала к нам гораздо позже, а до нее в течение десяти лет я была центром этой маленькой компании, и, надо вам сказать, у меня не всегда получалось с ними справляться. Один из них, Андрей Орлов, мой парень, отчаянно ревновал меня к остальным по любому поводу. А когда повода не было, он его успешно придумывал сам. И так пятнадцать лет!

– Вы это терпели пятнадцать лет? – Нантвич был поражен. – Вы так его любили?

– Да, – грустно ответила Катрин, вспоминая Орлова – свою первую любовь. В какой момент ее любовь прошла? И сама ли прошла? Или он убил это светлое чувство собственными руками, когда так жестоко поступил с ней на вечеринке у Антона? А может, это случилось гораздо раньше, когда их отношения трепала яростная ревность и раздирали подлые подозрения?

– Уверен, вам досталось от него, – в светло-карих глазах Джоша Катрин увидела неподдельное сочувствие. – Но вы все же продолжаете с ним видеться?

Она искренне удивилась:

– Нет, зачем? Я вышла замуж за человека, которого люблю, и который любит меня. Зачем ворошить прошлое?

– А ваш Орлов согласен с вами?..

– Во-первых, он уже не мой, – насупилась Катрин. – Во-вторых, мне глубоко плевать, согласен он или нет. Но надеюсь, у него хватает здравого смысла. А в-третьих, почему он вас интересует? Занимайтесь... вашим Рыковым.

– Катрин, вы серьезно? – прищурился Джош. – Эти двое дружили с самого детства. И девушка, которую мистер Рыков зверски убил в Пенсильвании, была подружкой Андрея Орлова. Вы знаете об этом, не отпирайтесь.

– Откуда вам известно, что я об этом знаю? – поджала губы Катрин.

Джош с усмешкой молчал.

– Ну да, знаю. Рыков сам упомянул о ней, но как-то вскользь, как об эпизоде. А позже...

– А позже – полиция?

– Да, – кивнула Катрин. – Один из полицейских.

Она помнила, как Виктор поведал ей и Сергею ту кровавую историю. Когда она слушала его, то едва верила в то, что речь идет об Олеге Рыкове – гордости их компании, от кого всегда веяло теплом и участием. Но потом память услужливо являла ей его холодный взгляд и безжалостные руки, и страшная правда убивала очевидностью.

– Полицейский? – удивился Джош. – А почему Орлов вам сам не рассказал?

– Мы не виделись после того, как Рыков был убит, – покачала головой Катрин.

– Он пытался со мной встретиться, но я отказалась.

– Почему? – снова спросил Нантвич.

– Что значит – почему? – устало вздохнула Катрин. – Я не могла и не хотела его видеть. То, что со мной произошло, по большому счету, случилось по его милости. Рыков сводил счеты с ним, мучая меня... Все его разговоры о любви – не более, чем предлог...

– Вы так думаете? – мягко откликнулся Джош. – Вы в этом уверены?

Что Катрин могла ответить? Когда она вспоминала яростные признания Рыкова, у нее сдавливало болью виски, и она переставала мыслить здраво. Она ничего не думала, и ни в чем не была уверена. Но откровенно признаться в этом почти незнакомому человеку – даже такому притягательному – или тем более, такому притягательному – было невозможно. Что он о ней подумает?

Нантвич тем временем достал из внутреннего кармана куртки плоскую флягу, обтянутую серой кожей, открутил крышку и, приложив к губам, сделал несколько глотков. Закрыв глаза, подождал несколько мгновений, а потом протянул Катрин.

– Хотите? – спросил он. – Это коньяк.

Катрин помедлила немного, а потом приняла из его рук флягу и тоже пару раз глотнула.

– Чудесный, – прошептала она. – Что это?

– Сорокалетний мартель, – ответил он, закручивая крышку. – Итак, как насчет Орлова?

– Не надоело вам?.. Что вы хотите знать?

– Все. Что он за человек?

– Просто человек. Может, немного более равнодушный и беспринципный, чем остальные. Для которого центр мироздания – он сам, ну а мы, женщины, ему успешно в том подыгрываем. Как выяснилось, он изменял мне направо и налево, но обвинял *меня* во всех немислимых грехах, словно я – жительница Содома.

– Но он любил вас, – Джош произнес это как полу-вопрос, полу-утверждение.

– Наверно. Но это была очень жестокая любовь.

– Конечно, любил, – слегка улыбнулся Нантвич, – вас невозможно не любить, и я охотно верю, что все ваши друзья влюблены в вас по уши.

– Ну что вы! – она так энергично потрянула головой, что длинный хвост даже хлестнул ее по щеке. Перехватив крайне заинтересованный взгляд американца, чуть задержала руку у волос, отливавших на солнце горьким шоколадом. Он, не таясь, любовался ею.

– Вы ошибаетесь, – за темными очками не было видно ее глаз, но голос звучал смущенно. – Антон, например, всегда относился ко мне как к подруге.

– Антон? Это один из вашей компании? Никогда не поверю, что мужчина, если он не слепой, может относиться к вам исключительно по-дружески. А впрочем, даже если и слепой. От вас пахнет по-особому, – пояснил он.

– Чем это от меня пахнет? – спросила Катрин, опустив нос к воротнику пальто песочного цвета. От воротника веяло Шалимаром – ее последним увлечением.

– Ах, вот оно что! – рассмеялась она. – Это всего лишь Шалимар!

– Вчера это был не Шалимар, – возразил он. – И я не про духи.

– Не хочу уточнять, о чем вы говорите, – поджала Катрин губы. На самом деле, ее охватила паника. Она прекрасно понимала, о чем он, и ей это нравилось с каждой минутой все меньше. Или больше?..

– Вы думаете об Орлове? – спросил Джош, и Катрин сделала рукой неопределенный жест. Не рассказывать же ему, о чем она на самом деле думает.

– Вы все еще любите его? – спросил он с интересом. – Ну, хотя б немного?

Катрин опешила от такой наглости. Что он себе позволяет?

– Уж это вас вовсе не касается, агент Нантвич, – она сняла очки. – И хватит об Орлове! Мне больше нечего о нем рассказать.

– Так-таки нечего? – Нантвич смотрел на нее с недоверием. – Вы опять рассердитесь, Катрин, но, извините, я вам не верю. После стольких лет...

– Дело ваше, – холодно ответила она. – Мне все равно. В конце концов, какое вам дело до Орлова и моих с ним отношений? Какая вам разница, что я к нему чувствую?

– В самом деле, какая мне разница? – отозвался Нантвич. – Я федеральный служащий и должен просто исполнять свои обязанности. Но зачем-то лезу к вам в душу – на что у меня абсолютно нет прав. Думаете, я не вижу, насколько вам неприятны мои вопросы?

Катрин открыла было рот, чтобы возразить, но не нашла что сказать. Ей не казался неестественным его острый к ней интерес – странно, она принимала его почти как должное. Но она совершенно не представляла, как ей себя вести – едва она делала попытку отгородиться от спецаргента, то выглядела чуть ли не хамкой перед таким безупречным джентльменом, но малейшее ее откровение вызывало у него настолько живое любопытство, что она теряла самообладание и опять начинала ему грубить.

– Мне не безразличны ваши чувства, Катрин, – продолжал Нантвич, – потому что вы сами мне не безразличны. Это ведь так очевидно, правда? И если вам настолько невыносимо вспоминать Олега Рыкова, давайте прекратим. В конце концов – все давно в прошлом: и одержимость Рыкова вами, и его ненависть к Орлову, – Джош снова открутил крышку фляги и протянул ее Катрин. Та, не колеблясь, приняла ее и поднесла к губам.

– Да, – кивнула она. – Все ушло вместе с ним.

– Вам жаль?

– Что? – она чуть не подавилась мартелем. – О чем это я должна жалеть?

– О том, что он умер вместе со своей любовью к вам? Видите ли, Катрин, самая неразрешимая проблема в жизни – это причиняемое страдание, и женщину, терзающую сердце, которое ее любит, не в силах оправдать никто – ни самый милосердный судья, ни даже она сама.

Катрин онемела на мгновение, но потом, сглотнув ком в горле, хрипло спросила:

– В чем вы меня обвиняете? В том, что я не ответила ему взаимностью? Вы в своем уме?! – ее голос вибрировал, как гитарная струна, натянутая и отпущенная напряженным пальцем музыканта. – Как вы посмели...

– Катрин, не обижайтесь! – нервно воскликнул он. – Я всего лишь...

– Вы жестоки. Никто не пытался внушить мне чувство вины за его смерть, – Катрин не слушала агента. Ее трясло от ярости. – Значит, по-вашему, я его терзала?

– Катрин, простите, – Нантвич успокаивающе сжал ее пальцы. – Простите.

Она высвободилась. Катрин не ожидала, что его слова отзовутся в сердце столь жгучей болью. Нет, Катрин не чувствовала вины – с какой стати она должна ее чувствовать? Но то, что он сказал, прозвучало как обвинение, и Катрин оскорбилась: – Я требую объяснений!

– Катрин, вы сами решили продолжать этот неприятный разговор, – констатировал спецаргент. – Воля ваша.

У нее не было ни малейшего желания обсуждать с ним страдания и боль, выпавшие на ее долю, но она не могла оставить все как есть.

– То есть, хотите сказать, он погиб из-за меня? – сухо спросила она.

– Конечно, – кивнул он. – Будем называть вещи своими именами: шею ему свернули со знанием дела. Ваш муж? И вы ему не помешали.

– Я не могла ему помешать, – отчеканила Катрин. – У меня руки были прибиты гвоздями к деревянному щиту. И ноги тоже. Не желаете взглянуть?

Она сорвала перчатку и жестом королевы протянула руку Джошу. Он, чуть опешив, взял ее ладонь и поднес к губам. Сначала поцеловал, а потом стал рассматривать бледно розовый след на запястье.

– Станный способ Рыков выбрал, чтобы убить вас, – пробормотал он, поглаживая отметину пальцем. – Гораздо более жестокий, чем для остальных жертв. Вы не задумывались – почему?

– Не знаю, – процедила она. – И не хочу об этом думать!

– Напрасно, – он не отпускал ее руку. – Вы ранили его очень больно. Что вы ему сказали? Чем оскорбили?

– Как вы смеете! – она резко выдернула ладонь.

– Я веду расследование, – мягко отозвался американец. – И мне необходимы детали, даже мельчайшие.

– Конечно, я оскорбила его, – проговорила она так тихо, что Джош еле расслышал.

– Что? – переспросил агент.

– А что мне оставалось? – Катрин надела перчатку и снова нацепила на нос очки. – Что мне оставалось, я вас спрашиваю? Спасибо ему сказать? Я кричала, что ненавижу и презираю его. И это было правдой.

– Услышать подобное от любимой женщины невыносимо, – пробормотал Нантвич – Тогда все понятно.

– Рада, что вам хоть что-то понятно, – заявила Катрин. – В отличие от меня.

Джош заинтересовался:

– А что непонятно вам?

– Почему он так ненавидел Андрея? Женщины, как я понимаю, за ним бегали не меньше, чем за Орловым, а может, и больше. Собственно, что неудивительно – Олег, – она чуть споткнулась на имени, – был обаятелен, талантлив. Одежду, даже самую простую, носил, как принц крови. И вел себя примерно так же. Когда стали происходить все эти страшные события, я на кого угодно могла подумать, только не на него. Не понимаю...

– Думаю, дело в Кэтрин Маккларен и... в вас, – задумчиво произнес Джош.

Катрин уставилась на него в полном недоумении. Агент охотно объяснил:

– Две женщины, Кэтрин и вы, Катрин, которых он жаждал получить и не получил. Которых он любил всем своим жестоким сердцем. И которые предпочли ему, такому блестящему и талантливому, весьма сомнительного субъекта.

– Почему вы так его называете? – возмутилась Катрин. – Вы же его не знаете!

– Кого – его? – вкрадчиво поинтересовался Нантвич.

– Не прикидывайтесь, что не поняли! Вы незнакомы с Орловым, а заочно его оскорбляете! Пользуетесь тем, что он не может вам ответить!

Взгляд Нантвича стал настороженным и цепким.

– Разве я ошибаюсь?

– Ошибаетесь! Андрей никогда не был идеалом, но и подонком тоже! Любовь застила мне глаза, но будь он, как вы выразились, «сомнительным субъектом», я бы не...

Катрин перевела дыхание. И что, собственно, она так завелась? Что ее так задело? Его столь неуважительное отношение к ее прошлому? Ведь Орлов – ее прошлое, пусть и непрезентабельное. Поразительно – фэбээровец умудрялся нащупывать самые болезненные точки и без колебаний нажимал на них, словно проверяя ее на прочность. Но нельзя показать ему, насколько она уязвима. Она должна оставаться вежливой.

– Успокоились? – он вновь протянул ей флягу. – Глотните еще мартеля.

Катрин отвела его руку.

– Спасибо, мне достаточно. Итак, вы считаете, что Рыков принес меня и... ту девушку в жертву своей ненависти. А почему он Орлова не убил?

– Действительно, как ему в голову не пришло? – тонкие губы Нантвича дрогнули. – Сразу бы решил все свои проблемы...

– Видимо, ему было проще убивать женщин, – презрительно выдохнула она. – Я не слышала, чтобы он убивал равных себе – только слабых женщин.

– Да, – кивнул Нантвич. – Но здесь нет ничего парадоксального – он же психопат. Хотя вы и считаете его обаятельным и интересным, что, в общем, удивительно, учитывая, сколько боли он вам причинил – и физической, и моральной. Вы что, его оправдываете?

– Оправдываю? – ужаснулась Катрин. – Боже, нет, разумеется, как можно оправдать его страшные преступления? Мало того – убийства – но он еще и насиловал своих жертв. И что из этого страшнее – не знаю...

– Да, – задумчиво сказал Джош. – Сейчас уже нельзя ничего доказать, но, полагаю, с Кэтрин Рыков поступил так же. Он словно клеймо собственника ставил. Особенно когда, по его мнению, отбирал у Орлова Кэтрин и...

– И меня, – закончила Катрин. – Да, так оно и есть. Вы сказали – клеймо? Поразительно...

– Поразительно – что? – вскинулся он, но Катрин торопливо затрясла головой.

– Нет, ничего. Но...

– Будь он проклят, – мрачно перебил ее Джош и добавил: – Он так самоутверждался, наверно.

– Зачем ему? – нерешительно спросила Катрин. – У него не было проблем... по крайней мере, в этом плане.

– Зато были проблемы в голове, – процедил Джош. – Вот я и пытаюсь выяснить, чем они вызваны.

Некоторое время неловкую тишину нарушали только утки, крякавшие в прибрежных кустах и плеск воды под кормой лодки.

– О чем вы думаете, Катрин? – наконец заговорил Джош. – Вы вспоминаете этого монстра? Не нужно.

– Я не могу не вспоминать его. Разве возможно изгнать из памяти его беспредельную жестокость? Он даже Анну не пощадил – ее любили и уважали все. Все восхищались ее талантом и красотой.

– Анна, – его голос звучал почти безучастно. – Зачем она ему понадобилась?

– Здесь все сложнее и еще ужаснее. Разве Анна вам не говорила?

– Нет. Она грустно подтвердила сам факт покушения на убийство. Я не стал настаивать на подробностях – она так побледнела при этом.

– Я вам расскажу, – решительно начала Катрин. – Я знаю это от него самого, причем не только со слов. Рыков показал мне видеозапись того, как он измывался над ней. Не знаю, зачем он это сделал – скорее всего, хотел меня запугать.

Она глубоко вздохнула.

– Да, он так и сказал: «Смотри, тебя ждет то же самое».

– Вы не обязаны мне все это рассказывать, – пробормотал Джош.

– Да, не обязана. Но это поможет вам понять.

– Анна изменила Антону, своему гражданскому мужу, которого любила. Впрочем, до сих пор любит. Изменила с нашим общим другом – Мигелем Кортесом. Тот просто нагло обольстил ее. Рыков стал тому невольным свидетелем и начал угрожать ей, вынуждая признаться Антону в измене. Когда же Анна наотрез отказалась, он напал на нее, и чуть не убил – у него времени не хватило. Насилие в этом случае он применил как акт возмездия. Так он объяснил мне. А потом – прибил меня гвоздями к какой-то мерзкой деревянной плите в занозах...

Катрин поежилась, вспоминая, как питерский хирург вытаскивал из ее нежной кожи сотни заноз, успевших воспалиться и нагноиться – она неделю не могла лежать на спине.

– А что *вы* чувствовали при этом? – спросил Джош тихо, а потом словно опомнился. – Простите. Дурацкий вопрос.

– Вам интересно, что я чувствовала? – ее бровь снова поползла вверх.

– Я неправильно выразился. Это не любопытство. Вы так спокойно сейчас вспоминаете все это.

Катрин удивилась. Спокойно? Действительно ли она спокойна? Неужели он не замечает, как она внутренне напряжена – так, что даже спина начинает ныть?

– Физически мне казалось, что еще немного – и я умру от боли. Мне и правда хотелось умереть, потому что жить после того ужаса казалось невозможным. Я звала смерть, чтобы все поскорее кончилось... А смерть все не приходила, А он... словно чего-то ждал.

– Чего же он ждал, по-вашему?.. – прищурился Нантвич.

– Я... Я не знаю, – опустила глаза Катрин, – Может, что я наконец смирюсь? Но я не могла смириться. Лучше смерть, чем такое чудовище.

– Ваша гордость делает вам честь, Катрин, – задумчиво произнес Джош, – но иногда лучше поступать разумно. Жизнь бесценна – пока вы живы, всегда остается надежда.

– Надежда? – переспросила Катрин, – тогда мне казалось, надежды нет.

– А сейчас?

– А сейчас боль притупилась, и я живу дальше. Наверно, я счастлива. Да, конечно, я счастлива, – поправилась она. – Но я не могу не думать о том, что случилось со мной и всеми нами тогда, два года назад.

Она замолчала, словно силы ее иссякли. Но американец не унимался:

– Вы упомянули Мигеля Кортеса. Он кто?

– Мой бывший друг, – словно через силу произнесла Катрин. – Возненавидевший меня по неизвестной причине.

– Быть может, вы его отвергли? И это ненависть оскорбленного мужчины?

– Я его не отвергала. Мигель всегда играл со мной в какую-то им самим придуманную игру, правила которой понимал только он один.

– Какую игру? – мрачно поинтересовался Джош.

Катрин чуть усмехнулась.

– «Querida, я бы тебя трахнул, если б ты не была женщиной моего друга».

– Мудреное название у этой игры, – хмыкнул Нантвич.

– Не такое мудреное, как кажется, – отозвалась Катрин. – А вот Анной он занялся вплотную, так, что у нее крышу снесло.

– Как-как? – рассмеялся Джош. – Уж этот ваш британский английский, Катрин... «Крышу снесло» – надо же!

– Это не смешно, – брови Катрин сдвинулись, и между ними залегла морщинка. – Она чуть не погибла из-за этого идиота. О том, какая это вопиющая подлость по отношению к Антону – я вообще не говорю!

– Антон – это ваш друг, – заметил Джош. – Тот, который единственный – просто друг?

– Я не говорила, что единственный. Но он – лучший. Лучший друг, лучший из людей, которых я когда-либо знала. За исключением моего мужа, конечно, – добавила она со всей возможной толерантностью.

– Ваш муж – врач? – спросил он и ее грустное лицо расцвело.

– Да, известный хирург. Он такой сильный, такой смелый! Если вы изучали мое досье... – она чуть покраснела, – то должны знать его имя.

– Сергей Булгаков, доктор медицины, – проронил он машинально.

– Да, это он, – подтвердила она, и в голосе ее звучала неподдельная гордость, что, разумеется, не осталось незамеченным американцем.

– Yeah⁴⁸, – протянул он. – Любопытно бы с ним познакомиться.

– У вас будет шанс, – сказала она и, опустив руку в воду, немного поболтала ею. – Завтра вечером он приедет из Лондона.

– Как приедет? Зачем? – нахмурился Нантвич на мгновение, а потом, уловив ее изумленный взгляд, спохватился: – Простите... Понятно, зачем. Чтоб жену держать под присмотром.

⁴⁸ Н-да (англ).

– Нет, – покачала головой Катрин, – Ему не нужно за мной присматривать. Мы хотим побыть вдвоем в Париже. Согласитесь – это романтично.

Несколько минут Джош молчал, а потом, так и не проронив ни слова, вновь взялся за весла и стал грести к берегу. Причалив к пирсу, он перебрался с лодки на деревянную пристань и протянул руку Катрин. Уцепившись за его ладонь, Катрин встала, и он с силой потянул ее к себе. Катрин уже успела ступить одной ногой на мостки, когда лодка заплесала на воде, и она, теряя равновесие, почувствовала, как палуба уходит из-под ног. Нантвич подхватил ее за локти и втащил наверх – иначе бы не миновать Катрин купания в холодном пруду. Но она оказалась в ловушке, прижатая к его груди, и Джош замер, не собираясь отпускать ее, а она почему-то медлила с тем, чтобы отстраниться. Его руки, забравшись под пальто Катрин, обхватили тонкую талию. Молодая женщина подняла голову и увидела светло-ореховые глаза, совершенно, как ей показалось, сумасшедшие. И вот, когда она встретилась с ним взглядом, его губы коснулись ее губ и он стал целовать их – нежно и неторопливо. Катрин в панике обнаружила, что отвечает ему, и меньше всего на свете ей хочется, чтобы этот поцелуй закончился. Правая рука агента скользнула по ее спине, глядя весьма чувствительное место между лопаток, а поцелуй все длился и длился, медленный и тягучий, как остановившееся время...

Наконец, он оставил губы Катрин, но не оставил ее саму, продолжая прижимать к себе все с той же силой и не отрываясь смотреть в испуганные темные глаза.

– Джош... – умоляюще прошептала Катрин, – перестаньте. Пожалуйста.

Он моментально отпустил ее, даже чуть оттолкнул, выставив вперед ладони, словно защищаясь от ее возможного гнева. Она же, отпрянув от него, быстро пошла прочь.

– Катрин! – воскликнул Нантвич, но она не повернула головы. Тогда он бросился вслед, и, догнав, преградил ей путь. Он не решился более дотронуться до нее, но на лице его было написано что угодно, только не сожаление. Однако он произнес:

– Простите меня!

Катрин лишь качала головой, не в силах вымолвить ни слова.

– Вашему мужу все же необходимо присматривать за вами, – объявил Нантвич хрипло, словно что-то в горле мешало ему говорить. Катрин старалась избегать его взгляда. Несколько мгновений он наблюдал, как она, хоть и с опозданием, заливается краской, а потом решительно повел молодую женщину в сторону дубовой рощи – туда, где они оставили Жики отдыхать. И тут Катрин увидела Анну, одну, наблюдающую, как они неспешно идут от пруда. Вернее, Джош ведет ее за руку и выглядит это так, будто они, он и она – вместе. Ее ужалил невыносимый стыд – остро, словно расвирепешая оса. «Боже, Анна все видела», – поняла она, поймав взгляд подруги, которая смотрела на нее, не отрываясь, без осуждения, но с шемящей печалью.

Утром следующего дня Катрин проснулась, и первая мысль, которая пришла ей в голову была: «Серж приезжает. Слава богу...» Однако вторая мысль была не столь радостной и светлой. Она вспомнила вчерашний поцелуй в Булонском лесу, и ее накрыла горячая волна смущения. Смущения, но не раскаяния. Удивительно, раскаяния она не чувствовала вовсе, и это пугало ее больше всего. Она не собиралась обольщать фэбээровца, и было интересно наблюдать, как его затягивает в омут ее очарования, словно в черную дыру. Катрин натянула на голову одеяло, чтобы даже утренний свет не стал свидетелем ее торжествующей улыбки.

Потом ощущение удовольствия стало рассеиваться, словно струйка дыма, когда она вспомнила выражение лица Анны, с которым та встретила их возвращение. Что она там себе подумала? Наверняка сравнила ее, Катрин, ситуацию, со своей – только место Мигеля занял Джеймс Бонд. Но Анна ошибается. Она, Катрин, не испытывает к Бонду любви. Да, ей не хотелось отрываться от него, там, на пристани. Да, вся она трепетала в его руках. Но вчера, сказав ему «Прощайте, Джош», она скрылась за дверью отеля, не повернув головы, без малейшего сожаления. Они никогда больше не увидятся – и Катрин совершенно спокойно об этом думает.

Приезжает Серж, и она не скатится в пропасть супружеской измены из-за пустой прихоти или минутной слабости. Уж она знает, какими последствиями чревата подобная слабость – на горьком примере Анны.

Катрин не терпелось пробежаться по магазинам. До встречи с Сержем целый день, Eurostar⁴⁹ прибывал на Северный вокзал⁵⁰ в начале восьмого вечера, а занять себя чем-то необходимо. Еще надо заехать к Анне и Жики, выпить с ними чаю, накануне она договорилась с Анной на пять. Итак, в душ, одеваться и бегом в Прантан и Галери Лафайет⁵¹. Она стояла под горячей водой, когда зазвонил мобильный в кармашке ее гостиничного халата. Рискую сломать шею, она потянулась к нему, и, попутно вытирая об него же мокрые руки, достала телефон.

– Ну, как ты там? – услышала Катрин его голос, как ей показалось, недовольный, и торопливо закрутила кран.

– Хорошо, – дрожа от холода, ответила она. – А ты как?

– А я – плохо, – буркнул он. – Не отпущу больше никуда.

– А я и не уеду больше, – улыбнулась Катрин в трубку. – Без тебя все не так – пойду, утешусь шопингом.

– Легко тебя, однако, утешить, – проворчал он. – Ты там не безобразничай...

– Я не безобразничаю. Немного хулиганю... Чуть-чуть.

– То есть? – голос Булгакова стал напряженным. – Ты чем вчера занималась?

– Ездила на пикник с Анной и Жики, – доложила Катрин и честно добавила: – И их двумя знакомыми мужского пола.

– Интересно, – сухо отметил он. – И как провела время?

– Было прохладно, – уклончиво ответила она. – Но меня покатали на лодке. Мне приехать на вокзал?

– Не надо, встретимся в городе. Но Парижа я не знаю. Где там можно встречаться, не рискуя потеряться в толпе?

Катрин фыркнула.

– Тебя, родной, крайне трудно потерять в толпе, даже при желании. В метро не суйся, там сразу не разберешься. Возьми такси и скажи...

Катрин вылетела из отеля и через десять минут уже гуляла по огромному универмагу, без зазрения совести тратя деньги, заработанные ею самой в Москве, еще до страшных событий позапрошлого лета. Конечно, она могла бы залезть и в деньги, заработанные Сержем, но она не посмела бы тратить их с такой дерзостью. В отеле Катрин, как иностранке, выдали дисконтные карты, что делало поход по магазинам еще приятнее. Около трех она выползла из универмага на бульвар Осман и попыталась высвободить руку из-под многочисленных пакетов. Она хотела достать из сумочки телефон и вызвать такси. Пока Катрин возилась, около нее притормозила уже хорошо знакомая машина, мягко шелестя шинами по асфальту. Когда дверь автомобиля распахнулась, а из кожаного салона показался Нантвич, она почему-то даже не удивилась.

– Шопинг удался, – констатировал он, оглядывая Катрин и ее покупки.

– Можно сказать, – кивнула она.

– Самое время для ланча. Вы позволите? – он протянул руку к пакетам, которые она с трудом удерживала.

– Я сама, – пробормотала Катрин, но пакеты выпустила. Джош же, ни слова не говоря, запихнул их в салон, что-то приказал водителю по-французски, захлопнул дверцу и остался рядом с Катрин, а машина неспешно отъехала от тротуара. Катрин хлопала глазами и подыскивала слова, чтобы возразить. Джош ее опередил.

⁴⁹ Высокоскоростные поезда, следующие из Лондона в Париж и Брюссель.

⁵⁰ Gare de Nord – один из парижских вокзалов (фр).

⁵¹ Printemps и Galeries Lafayette – крупнейшие универмаги Парижа.

– Он отвезет ваши покупки в отель, – сказал он. – Идем?

– Куда? – удивилась Катрин. – Я никуда не собиралась.

– Обедать, – Джош тоже удивился. – Я же сказал – время ланча.

Он повел ее через дорогу, мимо Гарнье, к небольшому ресторанчику «L'entracte». Ресторанчик был маленький и тесный, официант еле нашел для них место, в укромном углу на антресоли.

– Держу пари, – на лице Нантвича мелькнула едва уловимая усмешка. – Вы надеялись, что больше никогда меня не увидите.

Катрин подождала, пока отойдет официант, разливавший по бокалам красное сухое вино, и ответила в тон агенту:

– Зачем же так? Я правда думала, что мы больше не встретимся, но «надеялась» – неподходящее слово.

– Действительно? – Джош откинулся на спинку кресла и потер подбородок, в задумчивости изучая Катрин. – Не смел и предположить, что вы на меня не злитесь.

Катрин вспомнила свои утренние мысли, и неловко заметила:

– Я думала, мы простились, – и добавила застенчиво: – Я не ожидала столкнуться с вами сегодня. Откуда вы узнали, где я?

– Я поставил вам жучок в телефон, – усмехнулся Джош, и Катрин ахнула:

– Вы шутите?!

– Разумеется, – Джош рассмеялся. – Я спросил у вашего портъе, какие скидочные карты вы у него взяли. Сложил два и два – получилось бульвар Осман.

– Звучит совсем элементарно, – кивнула Катрин. – Но нужно все же быть агентом спецслужбы, чтобы вычислить меня так просто. А тем более найти в этой толпе. И вообще – я собиралась на Фобур Сент-Оноре... Все вы врете...

– Вы мне не верите? – его тонкие губы изломились.

– Скажем так – не доверяю. Вернее, не совсем доверяю. А уж если быть максимально точной – совсем не доверяю, – откровенно заявила Катрин.

– Вы не только красивы, но и умны, – кивнул он. – Когда вчера за вами закрылась дверь отеля, мне стало очень грустно от мысли, что я больше вас не увижу.

– Почему? – В эту минуту Катрин увидела официанта с большим подносом, ловко лавиравшего по узким проходам между столиками по направлению к ним. Джош тоже его заметил и воздержался от ответа.

– Здесь отличные стейки, – сообщил он, и официант, который совсем недавно делал вид, что ни слова не понимает по-английски, горделиво заулыбался.

– Вы рассказывали о себе, Катрин, – Джош принялся за стейк. – Но вы ничего не спросили про меня. Вам совсем неинтересно?

Катрин смутилась. Она действительно не задавала ему никаких вопросов. Ей даже в голову не пришло. Неужели фэбээровца, такого выдержанного и хладнокровного, задело ее безучастие?

– Я не ожидала, что вы станете удовлетворять праздное любопытство, – нерешительно отозвалась она. – А что, я могу спросить?

– Если вам интересно, – развел он руками. – И если вы не станете выведывать тайны моей работы – но не думаю, что государственные секреты Соединенных Штатов могли бы вас заинтересовать.

– Как знать. Например – кто ваши родители?

– Дипломаты, – он весело смотрел на Катрин. Она тоже улыбнулась:

– Это тайна?

– Нет, они в самом деле были дипломаты: отец – военный атташе, мама – секретарь посольства. Но, к сожалению, они уже умерли.

– Простите, – испуганно замерла Катрин. – Я не хотела...

– Не извиняйтесь. С тех пор прошло много лет. Их убили в девяносто первом, в Ираке, во время войны в Заливе.

– Какой ужас, – Катрин сглотнула, – сколько вам было лет?

– Это жалкая попытка выяснить мой возраст? – мягко поинтересовался он. – Мне едва исполнилось пятнадцать, когда военный самолет доставил два оцинкованных гроба. Собственно, в тот день я и решил поступать в Квантико⁵². Лучшие агенты получают из сирот.

– Какие страшные вещи вы говорите, – Катрин наконец решилась озвучить вопрос, относящийся к его работе. – А почему именно вы оказались в Париже?

– Я знаю французский, – с невинным видом сообщил Джош. По-французски он говорил отлично, с чуть заметным акцентом, гораздо лучше, чем сама Катрин, – а еще я замечательно ловлю маньяков.

– И все?

– И все, – кивнул он. – Но я не оставил надежды отомстить.

– Отомстить тем, кто убил ваших родителей?

– Тем, кто искалечил мою жизнь.

– Вы знаете, кто?

– Знаю ли я? – на его губах мелькнула ледяная усмешка, – Не сомневайтесь!

От его холодных слов Катрин стало неуютно, даже жутко, и некоторое время она ела молча, потупив глаза к тарелке и размышляя, какой еще задать вопрос, дабы, с одной стороны, прервать тягостно затянувшееся молчание, а с другой – не сесть в лужу, как с бестактным вопросом о родителях. Наконец, она не надумала ничего лучше, чем спросить:

– Вы женаты? – и мило улыбнулась.

Он не улыбнулся ей в ответ – теперь выражение его лица стало серьезным. В его ухе по-прежнему качалась грушевидная жемчужная серьга, и она делала спецаргента похожим на портрет французского аристократа эпохи Ренессанса.

– Нет, я свободен, и даже постоянной подруги у меня нет, – отвечая, он пристально смотрел ей в глаза.

– Почему? – искренне удивилась Катрин.

– Слишком много времени занимает работа. Не всякая женщина смирится с подобным графиком. Меня не бывает дома по полгода.

– Разве не хочется, чтобы кто-то вас ждал?

– Нет, – он покачал головой. – Чтобы «кто-то» – не хочется. Если б меня ждала женщина, которую я люблю, и которая любит меня – другое дело.

– Вы обязательно встретите такую женщину, – Катрин опустила ресницы. Она дословно представляла себе его ответ, и чутье ее не обмануло.

– Я ее уже встретил. Но, как я понимаю, надеяться на то, что именно вы будете меня ждать – бесполезно, я прав, Катрин?

Катрин мысленно прокляла себя за провокационные вопросы. И что ей теперь ему ответить? Она должна быть максимально честной и не оставить ему ни малейшей надежды – иначе не миновать катастрофы. Если он начнет ее преследовать – мало ей не покажется. Есть оба перестали, и за столом повисла неловкая пауза. Катрин боялась поднять глаза от недоеденного стейка. Наконец, Джош бросил нож с вилкой на тарелку и решительно заговорил:

– Не бойтесь, Катрин, и не отвечайте – простите, если я доставил вам неприятные минуты. Я не собираюсь вас преследовать...

⁵² Quantico – Академия ФБР по местоположению в г. Квантико штат Виргиния.

– О нет, Джош, о нет! – воскликнула она. – Вы не доставили мне неприятных минут, напротив, с вами очень хорошо. Я всегда буду вспоминать вас с теплотой. Но я замужем. И я люблю мужа. Очень люблю.

– Интересно, понимает ли ваш муж, как ему повезло? – в словах Нантвича Катрин уловила нотки горечи. – Или он воспринимает свое счастье как должное?

– Поверьте, Серж выстрадал свое, как вы выразились, счастье. Сомнительное, правда, счастье. Он долго меня добивался. И я осталась жива только благодаря ему.

– Так вы испытываете к нему чувство благодарности?..

Катрин спокойно, без раздражения, смотрела ему в лицо.

– Я испытываю к нему страстную любовь и непреодолимое желание, – отчеканила она, а потом добавила, спустя мгновение, чуть помягче. – Ну, и благодарность, конечно – за то, что он терпит меня с моими многочисленными недостатками, невыносимым эгоизмом, патологической ленью и преступным легкомыслием. А еще я испытываю к нему благодарность за то, что он добивался меня так долго и не отступился, даже когда надежды для него совсем не было, и защитил меня и от Рыкова, и от меня самой. Когда я восстанавливаю дыхание, думая о нем, то дело доходит до благодарности...

– Исчерпывающе, – кивнул он. – Значит, шансов у меня нет никаких...

Катрин вконец забеспокоилась:

– Зачем вам это нужно, Джош? Поверьте, я – это большая головная боль. Только Серж может меня вынести.

– Не только, – заявил он. – У меня хватило бы смелости.

– Смелости, может, и хватило бы, – грустно сказала она. – А вот терпения...

– Я терпелив, – пробормотал Нантвич. – Вы даже не представляете – насколько.

Катрин стало совсем грустно. «Не может быть, что все это для него серьезно – в конце концов, мы только встретились, он меня совсем не знает. Скорее всего, его привлекло любопытство – и оно пройдет. Определенно, узнав меня поближе, он бы счел многие черты моего характера неприятными».

– Это серьезно, – он словно услышал ее мысли. – И вы, Катрин, даже представить не можете, насколько. Я вас люблю.

Несмотря на совершенно очевидную неловкость ситуации, Катрин почувствовала, что ей приятно это слышать. Да и сидящий перед ней мужчина вызывал у нее исключительно положительные эмоции – он был красив, умен и, как Анна любила выражаться, харизматичен. Его глуховатый голос и те осторожные прикосновения, которые он себе позволял, заставляли пушок на ее руках становиться дыбом, а по спине пробегали мурашки. Ей требовалось изрядное усилие воли, чтобы погасить огонь, который уже разгорался в ее глазах. Несомненно, любовь такого человека лестна для любой женщины.

– Любовь такого человека, как вы, Джош, лестна для любой, – Катрин произнесла это вслух, чувствуя, как порозовели ее щеки. – И мне тоже – лестно.

– И только? – спросил он, темнея лицом.

– Да, – ответила Катрин, но тут же подумала, что кривит душой – она остро чувствовала его притяжение, и молодой женщине стоило больших усилий удержаться в рамках приличий. Она должна быть категорична и пресечь все возможные неверные толкования ее слов и поведения.

Они закончили обед, Джош расплатился и вместе с Катрин стал пробираться к выходу, стараясь никого не задеть, что было проблематично, и все ж кто-то из них толкнул сидящего у самого прохода японца с бокалом красного вина, и бокал, подпрыгнув, словно живой, вырвался из его руки. И выплеснулся прямо на юбку Катрин.

– Твою ж... – воскликнула она, сдержав равшееся на язык непечатное выражение. Японец вскочил, кланяясь и извиняясь...

Джош жестом остановил его, и вывел Катрин на улицу, расстроенную и чуть не плачущую. Хорошо, она не успела надеть пальто – иначе ее итальянскому кромби⁵³ пришел бы конец.

– Со времен Перл Харбор⁵⁴ ничего не изменилось, – язвительно заметил Джош.

– Что? – Катрин растерянно смотрела на расплывающееся на юбке пятно, едва слушая, что он говорит.

– От японцев одни неприятности, – скривился агент.

– Катастрофа, – дрожащим голосом сказала Катрин. – Моя любимая юбка.

Джош ненадолго задумался и, как бы между прочим, заметил:

– У меня здесь квартира в двух шагах. И в rez – de – chaussée⁵⁵ есть срочная химчистка.

Уверен, они смогут что-нибудь сделать.

Катрин с сомнением молчала, ожидая подвоха.

– В чем дело? – Джош поднял светлые брови. – Вы меня боитесь? Не волнуйтесь. Я не нападу на вас.

Не дожидаясь ответа, он взял из ее рук пальто, и накинул ей на плечи. Катрин это разозлило, и она возмущенно фыркнула:

– Ну вот еще! С чего вы взяли! И вовсе я вас не боюсь!

Квартира действительно оказалась рядом, на улице Скриб, в мансарде дома времен Второй империи. Джош спустился в химчистку, а Катрин, завернувшись в пальто, обошла небольшую студию, сунув любопытный нос даже в подсобку, где обнаружила пылесос и гладильную доску. При этом в квартире отсутствовала мебель – только стандартный набор на крохотной кухне, отделенной от жилой части тесным стенным шкафом. Посреди комнаты, словно трон, возвышался барный табурет. На который она и взобралась, так как больше сесть было некуда.

Джош вернулся минут через десять, без юбки, с квитанцией в руке.

⁵³ Модель пальто.

⁵⁴ Атака Пёрл-Харбора – внезапное нападение японской авиации на американские военно-морскую и воздушные базы, в окрестностях Перл-Харбора на Гавайских островах, произошедшее воскресным утром 7 декабря 1941 года.

⁵⁵ Первый этаж (фр).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.